

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

L Soc 3975, 20

HARVARD COLLEGE
LIBRARY

GIFT OF
THE UNIVERSITY

УЧЕНЬЯ

З А П И С К И,

ИЗДАВАЕМЫЯ

ИМПЕРАТОРСКИМЪ

КАЗАНСКИМЪ УНИВЕРСИТЕТОМЪ

1861.

КНИЖКА I.

КАЗАНЬ.

ВЪ ТИПОГРАФИИ УНИВЕРСИТЕТА.

1861.

L Soc 3975.20
~~Slav 21.15~~

HARVARD COLLEGE LIBRARY
GIFT OF THE UNIVERSITY

JUL 1 1922

Печатано съ одобреніа Издательнаго Комитета, учрежденнаго
при Императорскомъ Казанскомъ Университетѣ.

О НѢКОТОРЫХЪ СОБЫТІЯХЪ
ВЪ БУХАРѢ, ХОКАНДѢ И КАШГАРѢ.

ЗАПИСКИ МИРЗЫ-ШЕМСА БУХАРИ.

(В. Григорьева).

Около двадцати-пяти лѣтъ уже торкуетъ и проживаетъ въ Орехбургѣ, пользуется довѣріемъ и уваженіемъ соотечественниковъ, бу-
гарецъ по имени Мирза-Шемса, по отцу Мирза-Юсуфовъ, по про-
исхожденію ходжа, изъ Хусеймова потомства. Предки его занимали
при бухарскихъ ханахъ должность муншійевъ (секретарей), дѣдъ,
Мирза-Якупъ, былъ дефтердаромъ во время Даниль-Аталыка, отецъ,
Мирза-Юсуфъ, тоже служилъ по части писмоводства при Миръ-
Хайдерѣ, а родная сестра Мирзы-Шемса была замужемъ за стар-
шимъ сыномъ послѣдняго, Миръ-Хусейномъ. Родившись въ 1804 году,
Мирза-Шемса находился съ-дѣтства при Дворѣ, зналъ лично до-
жившую до глубокой старости дочь Абуль-Фейзъ-Хана Елдузъ-Бенюмъ
(бывшую въ замужествѣ за Рахимъ-Бикомъ, а потомъ за Шахъ-
Мурадъ-Бикомъ, мать Миръ-Хайдера и прабабку нынѣшняго эмира
Миръ-Музаффера), даже находился при ней на посылкахъ когда былъ
ребенкомъ, а потомъ состоялъ при Миръ-Хусейнѣ, въ родѣ пажа,
и былъ въ числѣ немногихъ сторонниковъ преданности коимъ этотъ
царевичъ обязанъ былъ возведеніемъ своимъ на престолъ. По кончинѣ
Миръ-Хусейна, Мирза-Шемса поступилъ на службу къ брату его
Омару; оставилъ послѣдняго, когда ему пришлось плохо, передался
на сторону втораго сына Миръ-Хайдерова Насруллаха, и вмѣстѣ съ
нимъ побѣдоносно вступилъ въ Бухару; но затѣмъ, опасаясь раз-
бить участь друиыхъ приверженцевъ Миръ-Хусейна и Омара, юловы
которыхъ десятками счисляли ежедневно новыхъ эмировъ, бѣжалъ изъ
Бухары въ Шейрсебзъ, а оттуда въ Хокандъ, идѣ сверженный Омаръ

нашелъ пріютъ у хана тамошняго Мухаммедъ-Али. По смерти Омара, принялъ онъ, отъ нечего дѣлать, участіе въ походѣ на Китайскій-Туркестанъ, предпринятомъ потомкомъ бывшихъ владѣтелей этой страны, ходжею Мухаммедъ-Юсуфомъ; вмѣстѣ съ нимъ торжествовалъ тамъ, и вмѣстѣ съ нимъ воротился въ Хокандъ, когда предпріятіе не удалось. Затѣмъ снова переселился въ Бухару, лѣтъ пять-шесть ѣздилъ оттуда съ караванами въ Россію, наконецъ поселился окончательно въ Оренбургъ, завелъ здѣсь торговлю, женился, и живетъ безвыѣздно, за исключеніемъ 1845 — 1849 годовъ, когда отправлялся на поклоненіе въ Мекку черезъ Москву, Одессу, Константинополь и Іерусалимъ. Въ прошломъ 1860 году онъ опять пустился въ Мекку.

Этому Мирзѣ-Шемсу имѣлъ я случай, летомъ 1859 года, оказать ничего не стоившую мнѣ, но важную для него услугу, по поводу которой познакомился съ нимъ, а знакомство навело меня на мысль попросить его написать воспоминанія свои о тѣхъ событіяхъ въ Бухаріи и Кашгаріи, которыхъ въ молодости своей былъ онъ свидѣтелемъ. Дѣлая это предложеніе, я имѣлъ въ виду, что записки Мирзы-Шемса хотя сколько-нибудь пополнятъ недостатокъ историческихъ свѣдѣній нашихъ о Средней-Азійи даже за новѣйшее время; во всякомъ случаѣ рассказы очевидца, не имѣющаго нужды скрывать истину, должны были имѣть цѣну въ томъ наборѣ извѣстій изъ третьихъ, изъ пятыхъ рукъ, который, въ запискахъ Мейндорфа, Борнса, Уатэна, составляетъ единственный источникъ нашихъ познаній о дѣлахъ и лицахъ въ Бухаріи и Китайскомъ-Туркестанѣ. Мирза-Шемс охотно согласился удовлетворить моему желанію, и черезъ нѣсколько времени рукопись его была уже въ моихъ рукахъ.

При первомъ приступѣ къ чтенію, трудъ Мирзы-Шемса поразилъ меня самою пріятною неожиданностію: воспоминанія его оказались написанными не на томъ персидскомъ языкѣ, который бухарское правительство употребляетъ въ дипломатическихъ сношеніяхъ своихъ, и ученые бухарскіе въ своихъ сочиненіяхъ, а на томъ простонародномъ нарѣчій, которымъ дѣйствительно говорятъ между собою бухарскіе Таджики, и о которомъ до сихъ поръ европейскіе

орьенталисты почти не имели памяти. Несколько десятков страниц текста на этом наречии были хорошею находкою для филолога. Зато, при дальнейшем чтении, Записки не могли удовлетворили ожиданиям моих в историческом отношении. Автору мне вздумалось, почему-то, начать изложение бухарских событий с похода *Надирь-Шахова* на *Мавераннаирь*, то есть с 1740-х годов, а это, как-бы хорошо память его ни сохранила рассказы отца и дяди, естественно должно было волею его в хронологические промахи. Потому, я не нашел в них такой обстоятельности в описании событий, какой ожидал. Тем-не-менее, в воспоминаниях *Мирзы-Шемса* оказалось много совершенно новых, любопытных и иногда достоверных подробностей. Такими, например, сообщаемы мне о воцарении по монгольским обычаям *Мир-Хайндера*, походах его на *Мерв*, и бунтах *Кипчаков* и *Хатайцев*, о странном поступлении *Мир-Хусейна* в бухарский кремль, об осаде *Бухары* амиром *Насруллахом*, о житей-бытѣ *Омар-Хана* в *Хокандѣ*, наконец — об обстоятельствах вторжения в *Китайскій-Туркестан* и бегства оттуда *Мухаммед-Юсуф-Ходжи*. Сверх того, и в целом, записки *Мирзы-Шемса* давали, казалось мне, довольно хорошее понятие о настоящем положении *Средней-Азии* под управлением узбекских ее владетелей. Я и рѣшился перевести эти записки, дополнив их, в примечаниях, всем что известно доселе мне других источников о бухарских и кашгарских событиях в период описываемом *Мирзою-Шемсом*, так-чтобы и мой труд представлял в-совокупности возможно полный свод этих событий.

Зимой 1859 — 1860 года намерение это привело было в исполнение, и я располагал уже приступить к печатанию издательской рукописи, как узнал, находясь в *Петербургѣ* весной прошлаго года, что в числе рукописей, приобретенных в *Лерхале* во время пребывания его в *Бухарѣ* в 1858 году, находится подробная монография правлений *Рахим-Бека*, *Даніаль-Бека* и *Шах-Мурад-Бека*, и что переводом этих монографій и примечаниями их к изданию занимается *В. В. Вельяминов-Зернов*. Вследствие этого об-

стоятельства, я рѣшилъ что, имѣя въ виду изданіе, въ непродолжительномъ времени, превосходныхъ матеріаловъ для исторіи правленія Рахымъ-Бика, Даніаль-Бика и Шахъ-Мурадъ-Бика, печатать текстъ и переводъ той части записокъ Мирзы-Шемса, въ которой рассказываетъ онъ объ этихъ владѣтеляхъ, впадалъ безпрестанно въ историческія и хронологическія ошибки,— было бы совершенно излишне; потому, ограничиваюсь изданіемъ текста сихъ записокъ и перевода оныхъ съ примѣчаніями, лишь начиная съ ханствованія Миръ-Хайдера. Въ заключеніе помѣщается обзоръ діалектическихъ, въ грамматическомъ и лексикографическомъ отношеніяхъ, отличій персидскаго языка, употребительнаго у бухарскихъ Таджиковъ, составленный мною на основаніи всего текста записокъ Мирзы Шемса.

I. ХАНСТВОВАНІЕ ЭМИРА МИРЪ-ХАЙДЕРА.

По кончинѣ эмира Шахъ-Мурада (1), сановники государственные, собравшись, изъ числа сыновей покойнаго пожелали видѣть на ханствѣ Миръ-Хайдера (2), почему посланъ былъ гонецъ въ Карши (3), чтобы привезти его оттуда въ Бухару какъ можно поспѣшнѣе. Когда-же прибылъ онъ сюда, народъ и служилые люди (4), поздравивъ его государемъ, изъявили желаніе чтобы торжество воцаренія имѣло мѣсто по всѣмъ правиламъ и обрядамъ принятымъ со временъ Чингисъ-Хана. Вслѣдствіе этого, везиръ Хакимъ-Кушбиги получилъ приказаніе заготовить огромное число одеждъ (5) всякаго сорта, а повара — пустить въ дѣло котлы большого размѣра и наварить, напечь всякаго рода кушаньевъ. Рассказываютъ, что для этого издержено было 150 менновъ бухарскихъ (6) одного риса. Въ кремлѣ (7) города Бухары хранятся два трона: одинъ извѣстный подъ названіемъ Абуль-Фейзъ-Ханова, другой — Рахимъ-Ханова (8); но для готовившагося тор-

жества устроили помость съ наметомъ, лицевою стороною обращенный къ Меккѣ, длиною 80 алчиновъ, глубиною алчиновъ 20 или менѣе, и подъ наметъ этотъ поставили на помость тронъ изъ мрамора въ 5 алчиновъ длиною и шириною (9). По обѣимъ-же сторонамъ этого помоста, устроили два другихъ, тоже лицомъ къ Меккѣ, каждый въ шестьдесятъ гёзовъ (10) длины и десять гёзовъ глубины. На помость по правую руку садятся сейиды и улемы (11): первымъ — Накибъ, потомъ Фейзы, далѣе Ураки-Келанъ, Казыи-Келанъ, Шейхъ-уль-Исламъ, Казыи-Аскеръ, Аълемъ, Ураки-Хурдъ, Муфти-Аскеръ, Реисъ города Бухары, и прочіе должностные ходжи и улемы (12). Въ наметѣ по лѣвую руку садятся: первымъ — Аталыкъ, потомъ Диванъ-Биги, далѣе Перваначи, Дадхагъ, Инакъ хранитель печати, Токсаба должностной, Ишекъ-ага-Баши и Мирахуръ (13); слѣдующимъ за Мирахуромъ сидѣть не дозволяется, они стоятъ. Такимъ образомъ, по каждую сторону трона садится человекъ 10—12 сановниковъ. Которые изъ нихъ старше по достоинству, тѣ садятся выше. Накибъ и Аталыкъ считаются равными. Когда все было приготовлено, означенные чины собрались и заняли въ порядкѣ мѣста свои. Передъ трономъ разстлали бѣлую кошму. Миръ-Хайдеръ возложилъ на голову себѣ вѣнецъ украшенный драгоценными каменьями, и сѣлъ на кошму. Тогда за четыре угла кошмы взялись Накибъ, Аталыкъ, Диванъ-Биги и Перваначи, подняли на ней Миръ-Хайдера, и опустили на тронъ. При этомъ произведена была раздача значительнаго количества золотой и серебряной монеты. Затѣмъ принесли кушанья. По окончаніи угощенія, присутствовавшіе, каж-

дый смотря по достоинству, получили халатъ шалевый, парчевый, газетовый (14) или бархатный: девять тысяч халатовъ пожаловано было въ этотъ день. Слава о такомъ пышномъ воцареніи Миръ-Хайдера разнеслась повсюду. Со всѣхъ сторонъ, изъ Кабула Земанъ-Шахъ, изъ Ирана Фехтъ-Али-Шахъ, изъ Хоканда Алимъ-Ханъ, изъ Ургенча Ильтнезеръ-Ханъ (15), прислали пословъ для поздравленія съ благополучіемъ. По прибытіи въ Бухару, послы эти были допущены къ цѣлованію руки эмирской, и, удостоенные царскою его ласкою, возвратились во-свояси. Онъ-же, на томъ основаніи, что мать его была дочерью Абуль-Фейзъ-Хана (15 bis), и потому Чингисовой крови, повелѣлъ читать хутбѣ и бить монету въ свое имя (16). Когда, такимъ образомъ, увѣрился Миръ-Хайдеръ въ покорности подданныхъ своихъ всѣхъ сословій, какъ горожанъ, такъ и кочевниковъ, а дѣла правленія пошли обычнымъ порядкомъ, призвалъ онъ Хакима-Кушбиги, и повелѣлъ съ нимъ такую бесѣду: »Что только было у меня на умѣ, и чего ни желалъ я, всего этого, по благодати Господней, я достигъ, всѣмъ этимъ владѣю; и, какъ сказано въ двустипіи:

Все, чего ни желаешь, все то получишь,

Если только будешь стремиться постоянно къ достиженію желаемого,

желанія мои удовлетворены. Но, — остается еще нѣчто, а именно то, что братья мои Динъ-Насиръ-Бикъ и Миръ-Хусейнъ-Бикъ (17) сидятъ одинъ въ Мервѣ (18), другой въ Самаркандѣ (19). Въ настоящее время, конечно, кольцо покорности въ ушахъ у нихъ держится крѣпко, и ни тотъ, ни другой, изъ повиновенія мнѣ не выходятъ; да можетъ притти пора, когда возстануть

они на меня. Не худо подумать объ отращеніи этого заранѣе.
Извѣстно, вѣдь, что

Веду ручья при истока его можно горстью вычерпать,
Въ поведіи — не и на слова, через него не передешь.

Пошлю-ка я къ народу и служилымъ людямъ Мерва и Самарканда граматы такого содержанія, чтобы они, схвативъ Динъ-Насиръ-Бика и Хусейнъ-Бика, представили ихъ ко мнѣ, и что за это награжу я ихъ царскою милостию моею такъ, что вѣкъ свой будутъ дивиться и благодарить, а если не исполнятъ этой воли моею, такъ пойду на нихъ со многими войскомъ, города ихъ поберу и съ землею сравню, имущество отдамъ на разграбленіе, жителей, мущинъ и женщинъ, перерѣжу». — Хакимъ-Кумбиги изготовилъ граматы такого содержанія, и отправилъ по назначенію. Грамата, посланная въ Самаркандъ, не успѣла еще прибыть туда, какъ Миръ-Хусейнъ-Бикъ, съ нѣсколькими изъ довѣренныхъ (20) людей, сбѣжалъ уже въ Шегрсебъ (21). Что касается до другого письма, отправленнаго къ жителямъ Мерва, эти-последніе, по полученіи письма, сами принесли его къ Динъ-Насиръ-Бику, — ради того что заботливъ онъ былъ о народѣ и добръ до служилыхъ людей, — говоря: »всѣ мы живимъ и имуществомъ своимъ готовы жертвовать за нашего царевича; что ни прикажетъ онъ, все съ радостію исполнимъ«. Обнадеженный выказанною жителями преданностію, Динъ-Насиръ-Бикъ написалъ и послалъ къ Миръ-Хайдеру такое письмо: »По кончинѣ родителя нашего, области ему принадлежавшія слѣдовало бы, какъ общее наслѣдіе, раздѣлить между братьями поровну; вмѣсто того, вы всё захватили себѣ. Осталась въ рукахъ мо-

ихъ земляца: и ту хотите вы отнять; но люди сами своими же руками не отдають своего достоянія, а отстаиваютъ его не жалѣя головы». — Отдавая Мервъ въ управленіе Динъ-Насиръ-Бику, эмиръ Шахъ-Мурадъ оставилъ ему до десяти тысячъ человѣкъ добраго войска изъ бековъ и бекзэдѣ бухарскихъ: послѣдствіемъ было то, что изъ одной семьи отецъ былъ въ Бухарѣ, а сынъ въ Мервѣ, изъ другой отецъ жилъ въ Мервѣ, а сынъ въ Бухарѣ. Прочитавъ письмо Динъ-Насиръ-Бика, Миръ-Хайдеръ распалился гнѣвомъ, собралъ многочисленное войско, и пошелъ на Мервъ. Съ немалюю силою тоже, вышелъ на встрѣчу и Динъ-Насиръ-Бикъ. Дней двадцать происходили между ними кровопролитныя сшибки, много головъ пало съ обѣихъ сторонъ, и Миръ-Хайдеръ долженъ былъ возвратиться безуспѣшно въ Бухару. Съ тѣхъ поръ онъ ежегодно два—три раза ходилъ войною на Мервъ, и, побившись съ Динъ-Насиръ-Бикомъ, опять удалялся въ Бухару. По истеченіи трехъ лѣтъ, предпринялъ новый походъ, но послѣ нѣсколькихъ сшибокъ съ мервскимъ войскомъ, прибѣгнулъ къ хитрости: притворился разбитымъ и показалъ тылъ непріятелю. Войско Динъ-Насиръ-Бика пустилось преслѣдовать бѣгущихъ; но на пути, между Мервомъ и Чегарджуемъ (22), Эмиръ остановился, окружилъ преслѣдовавшій его отрядъ въ пять—шесть тысячъ человѣкъ, истребилъ его, и велѣвъ отрѣзать головы всѣмъ убитымъ, сложилъ изъ нихъ пирамиду невдалекѣ отъ Чегарджуя: мѣсто это и теперь известно подъ именемъ *Келлэ-Менарэ* (пирамида изъ череповъ). Когда вѣсть объ этомъ дошла въ Мервъ до Динъ-Насиръ-Бика, онъ посадилъ на аргамаковъ двухъ женъ своихъ, двухъ—

трехъ малолѣтнихъ дѣтей, и, взявъ съ собою человекъ пять-десять самыхъ близкихъ и довѣренныхъ людей, поскакалъ во весь духъ къ Мешгеду, куда и добрался въ шесть дней. Миръ-Хайдеръ, получивъ въ Чегарджуѣ извѣстiе о бѣгствѣ Ашъ-Насиръ-Бика, вернулся къ Мерву, и вступилъ въ оный безпрепятственно. Отдохнувъ здѣсь нѣсколько дней, правителемъ города поставилъ военачальника Елкапъ-Бия, значительную часть жителей выселилъ (23), затѣмъ возвратился съ торжествомъ побѣдителя въ Бухару. Нѣсколько лѣтъ послѣ сего прошло въ тишинѣ внутренней и внѣшней. Эмиръ предавался въ это время ученю и книгочетству, и когда въ теченiи десяти лѣтъ окончилъ полный курсъ наукъ, набралъ въ ученики къ себѣ отъ 400 до 500 муллъ, и восемь-девять часовъ въ день проводилъ въ преподаванiи имъ (24). Вмѣстѣ съ-тѣмъ принималъ онъ ежедневно и просьбы отъ народа. Двѣсти-триста человекъ учащихся постоянно въ присутствiи его твердили свои уроки, и отпускались не прежде какъ прочтя всѣ положенныя книги (25). Но коварная судьба не допускаетъ чтобы человекъ долгое время наслаждался спокойствiемъ и тишиною. Сталъ враждовать Эмиру Ильтнезерь, ханъ ургенчскiй, которому въ это время повиновались многiя туркменскiя поколѣнiя: въ числѣ двухъ-трехъ тысячъ человекъ стали они дѣлать вторженiя въ бухарскiе предѣлы, разоряя страну, и увозя сельскихъ жителей, съ женами и дѣтьми, въ плѣнъ. Въ два-три года увлекли они такимъ образомъ въ Ургенчъ (26) отъ 40 до 50 тысячъ семействъ сельскихъ обывателей Бухарiи. Между-тѣмъ возникли безпокойства и съ другой стороны. Въ Мiанкалѣ (27) есть двѣ крѣпости: Ча-

лакь—Курганъ и Янгъ—Курганъ (28), между ними будетъ около 25 чакрьмовъ (29) разстоянія; окрестности ихъ населяютъ два рода узбекіе: Хатайцы и Кипчаки, простирающіеся численною до 120,000 семействъ. Заключивъ союзъ между собою, оба рода эти взбунтовались противъ Эмира, захватили въ руки свои обѣ помянутыя крѣпости, и посадили въ нихъ правителями, въ одной — хатайца Маъмура, въ другой — кипчаковца Адына—Кула, а эти отправили письма въ Хокандъ, Шегрисебъ, Ургенчъ, приглашая владѣтелей тамоничихъ соединиться съ ними, и разобрать области бухарскія по рукамъ. Находя обетоятельства удобными, враги отовсюду подняли головы и нахлынули на Ханство. Тѣмъ же временемъ, по наущенію Хатайцевъ и Кипчаковъ, возставъ противъ Эмира, Каракалпаки (30) овладѣли крѣпостію Чапаръ, находящеюся въ осми фарсахъ (31) отъ Самарканда, а сами Хатайцы и Кипчаки, сдѣлавъ нападеніе на Кеттѣ—Курганъ (32), отняли эту крѣпость у начальствовавшаго въ ней Эмязъ—Бія, и разграбивъ ее, обогатились добычею. Затѣмъ, Алымъ—Ханъ правитель хокандскій, Даніаль—Аталыкъ правитель шегрисебскій, Каракалпаки, Хатайцы и Кипчаки, соединившись, обложили Самаркандъ, а Ильтнезеръ, ханъ ургенчскій, прибывъ съ сильнымъ войскомъ, осадилъ Чегарджуй (33). Въ такихъ стѣсненныхъ обстоятельствахъ, Миръ—Хайдеръ разслалъ грамоты къ Сейидъ—Велл—Ніему владѣльцу хисарекому (34), къ правителямъ Балха, Андохя, Мейменѣ, Акчѣ и Шубургана (35), чтобы они со всевозможною быстротою созвали войска свои, и шли къ нему, а самъ сталъ собирать войско въ Бухарѣ и по ея окрестностямъ. Вслѣдствіе

этого, толпы ратниковъ стали подходить со всѣхъ сторонъ. Тогда около десяти тысячъ бухарскаго войска, съ десяткомъ надежными военачальниками, отиравилъ онъ подъ Чегарджуи, а самъ, съ собранною изъ областей ратью, двинулся къ Самарканду. Алишъ-Ханъ хокандскій, правитель Шегрисеба, Хатайцы, Кипчаки, все это обратилось вспять изъ-под Самарканда, и разошлось по своимъ мѣстамъ. Оставивъ правителемъ въ Самаркандѣ сына своего Миръ-Хусейнъ-Тюрю, Миръ-Хайдеръ съ компанью (36) Андхой, Мейменѣ и Самарканда, пошелъ на крѣпости Хатайцевъ и Кипчаковъ, бѣся съ послѣдними дней двадцать, держалъ крѣпости ихъ въ осадѣ, но видя что успѣха нѣтъ, возвратился въ Бухару. Что касается до Ильтисезеръ-Хана, онъ, прибывъ подъ Чегарджуи, осадилъ этотъ городъ, а когда пришло на помощь бухарское войско, имѣлъ съ нимъ многія сшибки, но также принужденъ былъ возвратиться въ Ургенчъ безъ успѣха. Миръ-Хайдеръ, по возвращеніи въ Бухару, правителемъ Андхой, Мейменѣ и Балха, щедро одаривъ, отпустилъ по домамъ. Миръ-Хусейнъ-Тюря, въ Самаркандѣ, также старался привлечь къ себѣ ласкою мѣстное населеніе, окончилъ постройкою укрѣпленія города, и вообще держалъ себя на-сторожѣ. Не даромъ: Хатайцы съ Кипчаками, Алишъ-Ханъ изъ Хоканда, Даниль-Аталыкъ изъ Шегрисеба, Каракалпаки, все это опять привалило подъ Самаркандъ. Послѣ трехъ мѣсяцевъ осады, Самаркандцы завалили землю ворота города; днемъ и ночью жители всѣхъ состояній вѣбрались на стѣны, ожидая не увидятъ-ли помощи со стороны Бухары. Въмѣсто помощи прибылъ оттуда гонецъ съ извѣстіемъ, что Ильтисезеръ-Ханъ

ургенчскій со множествомъ Туркменовъ, переправившись черезъ рѣку Аму (37), грабить и раззоряеть бухарскіе туманы (38). Миръ-Хайдеръ, вслѣдствіе этого, приказалъ, чтобы жители Бухары, безъ различія состояній, вооружились и выступали въ походъ на коняхъ или пѣшіе. По встрѣчѣ этого ополченія съ ургенчскимъ войскомъ, дней десять происходили сшибки, и много людей пало съ обѣихъ сторонъ. Ургенчцамъ стало приходить плохо, и они вознамѣрились, убравшись на суда свои, переправиться на ту сторону Аму. Извѣстившись объ этомъ намѣреніи, Миръ-Хайдеръ ударилъ на непріятеля и притиснулъ его къ рѣкѣ. Ильтнезеръ-Ханъ бросился со страху въ небольшую лодку, которая стояла у берегу сильно нагруженная, и, отчаливъ, поплылъ-было, но не доѣхалъ и до середины рѣки, какъ лодка, по волѣ Божіей, потонула, а съ нею и всѣ на ней находившіеся. Ища спасенія, Ургенчцы, конные и пѣшіе, стали кидаться въ рѣку, надѣясь переплыть ее, но вмѣсто того перетонули, тѣ-же, которые остались на берегу, были перебиты Бухарцами, такъ-что лишь весьма немногимъ удалось избѣгнуть гибели. Съ богатою добычею возвратились Бухарцы во-свои, раздался радостный бой барабановъ, во всѣ окрестные города посланы были письма извѣщающія о гибели Ильтнезеръ-Хана и уничтоженіи его войска (39). Вслѣдъ затѣмъ Миръ-Хайдеръ отправился, съ бухарскимъ же кошуномъ, на помощь къ осажденному Самарканду. Узнавъ объ этомъ, осаждавшіе бросили осаду, и разошлись всѣ по своимъ мѣстамъ. Изъ Самарканда Эмиръ направился къ крѣпости Чалакъ, и, окруживъ ее, сорокъ дней держалъ тамъ въ осадѣ Хатайпевъ и Кипчаковъ; въ теченіе

этого времени они ежедневно дѣлали вылазки въ большомъ числѣ, и схватывались съ эмировскимъ войскомъ. Видя, что крестъ гибели людей съ обѣихъ сторонъ, никакого толку отъ осады нѣтъ, Эмиръ велѣлъ бить отбой, возвратился въ Бухару, и занялся удовлетвореніемъ просьбъ и нуждъ своихъ подданныхъ. Сыновей своихъ, Миръ-Насруллаха отправилъ правителемъ въ Карши, а Омаръ-Хана — въ Керминнѣ, съ тою цѣлію чтобы Узбековъ этихъ областей удерживать впредь отъ возстанія. Хатайцы-же и Кипчаки послали въ Самаркандъ къ Миръ-Хусейну-Тюръ (40) письмо такого содержания: »Всѣ мы — рабы и слуги ваши. Извѣстно намъ что родитель вашъ Миръ-Хайдеръ не очень васъ жалуетъ. Коли угодно вамъ принять наши услуги, мы обѣщаемъ и клянемся что возведемъ васъ на престолъ въ Самаркандѣ, и не только въ Самаркандѣ, а постараемся, такъ и въ Бухарѣ: отынемъ ее у Миръ-Хайдера, и вамъ ею поклонимся. Миръ-Хусейнъ былъ весьма знающъ и сообразителенъ въ государственныхъ дѣлахъ. »Область Самаркандская — разсудилъ онъ — вотъ уже семь-восемь лѣтъ разоряется постоянно; враги грабятъ и опустошаютъ ее со всѣхъ сторонъ: соглашусь я на предложеніе Хатайцевъ и Кипчаковъ, возьму ее себѣ, чтобы избавить отъ дальнѣйшаго разоренія, а тамъ черезъ нѣсколько времени опять подчинюсь отцу, область-же усложится между тѣмъ. Вслѣдствіе этого, послалъ онъ къ Хатайцамъ и Кипчакамъ гонца съ письмомъ такого содержанія, чтобы Адына-Куль и Маъмуръ оба пріѣхали къ Самарканду, а онъ выпуститъ изъ города нѣсколько военачальниковъ; обѣ стороны дадутъ взаимно обѣтъ вѣрности, а тамъ, сообразно об-

стоятельствамъ, приступлено будетъ къ дѣлу. На это письмо Адына-Куль-Би и Маъмуръ-Би отвѣчали сообщая, что черезъ 15 дней явятся къ царевичу; затѣмъ, собравъ каждый по сту, по двѣсти почетныхъ лицъ, сказали имъ, чтобы отправились въ Самаркандъ къ Миръ-Хусейнъ-Тюрѣ, и присягнули ему на вѣрность, такъ-какъ отнынѣ Хатайцы и Кипчаки будутъ съ нимъ за-одно. Прибывъ въ Самаркандъ, посланные присягнули тамъ Миръ-Хусейнъ-Тюрѣ, а онъ, обласкавъ ихъ и пожаловавъ халатами, сталъ собираться къ отцу для объясненія ему дѣла, какъ молва о томъ, что Миръ-Хусейнъ-Тюрю, вступивъ въ союзъ съ Хатайцами и Кипчаками, двигается съ самаркандскою ратью на Бухару, дошла до Миръ-Хайдера. Собравъ на-скоро войско города Бухары и ея тушановъ, онъ поспѣшилъ въ Самаркандъ, пробылъ здѣсь дней десять, въ правители города назначилъ Мухаммедъ-Сеферъ-Бія сына Девлетъ-Кушбигія (41), а Миръ-Хусейнъ-Тюрю, взявъ съ собою, привезъ въ Бухару. Хатайцы и Кипчаки бунтовали противъ Эмира цѣлые семь лѣтъ, а онъ ежегодно, въ пору посѣва, ходилъ травить ихъ поля (42). Наконецъ, туго пришлось бунтовщикамъ, они прибѣгли къ посредству правителей Хисара и Шегрисебза, а Эмиръ сообразовалъ простить виновныхъ. Адына-Куль-Би и Маъмуръ-Би явились съ покорностію въ Бухару, принесли повинную, и разошлись затѣмъ по своимъ мѣстамъ. Случилось это въ 1825 году.

По смерти Ильтнезеръ-Хана, погибшаго въ водахъ Аму, наследовалъ ему братъ его Рахимъ-Ханъ. Онъ тоже враждовалъ съ Бухарою. Ему наследовалъ сынъ его Алла-Кули-Ханъ. Этотъ заключилъ миръ съ Миръ-Хайдеромъ, и согласіе восстановилось (43).

Въ 1826 году у Миръ-Насруллаха, правительствующаго въ Карши, родился сынъ — Миръ-Музафферъ-Тюръ, доселѣ адриановскій (44). Насруллахъ прислалъ сказать ему что ради этого обстоятельства дасть онъ туй (45). Миръ-Хайдеръ прѣхалъ къ нему въ гости съ пятью тысячами человекъ, и проваля въ тринадцать дней; всѣ были угощены и одарены. На возвратномъ пути изъ Карши въ Бухару, Эмиръ вдругъ заболѣлъ, такъ что едва могли усадить его на лошадь, и привезти въ Бухару. Здѣсь слегъ онъ въ постель, и пролежалъ въ тяжкомъ недугѣ осьмнадцать дней. Во все это время, кромѣ Хакимъ-Кушбиги и Мукимъ-Бія, никто изъ сановниковъ не имѣлъ доступа къ Эмиру, а эти оба были извѣстные доброжелатели Насруллаха, и постоянно думали о томъ, какъ-бы возвести его на престолъ. На осьмнадцатый день, въ осьмомъ часу, Эмиръ скончался. Не открывая этого никому, Хакимъ-Кушбиги повѣстиямъ всѣхъ находившихся въ Бухарѣ военачальниковъ, а равно гражданскіе и духовныя чины, чтобы живо собирались въ кремль выслушать волю Эмира по одному дѣлу. Къ десятому часу всѣ позванные, въ числѣ до 200 человекъ, собрались. Кушбиги обратился къ нимъ съ вопросомъ: »въ случаѣ если, по волѣ Божіей, Эмиръ неволитъ скончаться, котораго изъ сыновей его желаете вы имѣть государемъ? Всѣ отвѣчали: »того, котораго Вамъ будетъ угодно«. Дѣло въ томъ, что кушбиги есть полный хозяинъ въ кремлѣ, и выборъ престолонаследника присутствовавшіе предоставляли ему потому, что боялись за свои головы: »Высочайшая воля — продолжалъ Кушбиги — заключается въ томъ, чтобы всѣ присутствующіе выразили желаніе это на письмѣ,

Учен. Зап. Книж. 1861 г.

и письмо, скрѣпивъ печатами своими, отправили къ Мирь-Насруллаху, а сами, на случай могущихъ послѣдовать событій, оставались здѣсь въ кремлѣ. Видя что не повиноваться имѣть средствъ, всѣ присутствовавшія власти изъявили согласіе, и написали требовавшееся отъ нихъ посланіе. Въ десять часовъ, врученное чиновникамъ по имени Алукъ-бику и Шери-фу, оно было уже на дорогѣ въ Карши, а Кушбиги, приставивъ караулъ къ воротамъ кремля, приказалъ чтобы до прибытія Насруллаха никого ни изъ кремля, ни въ кремль не пускали.

II. ПРИКЛЮЧЕНІЯ МИРЬ-ХУСЕЙНЪ-ТЮРИ.

Въ то время, какъ Мирь-Хайдеръ, скрѣпивъ Мирь-Хусейнъ-Тюрю съ градоначальства въ Самаркандѣ, привезъ его въ Бухару, взялъ онъ также съ собою и всѣхъ состоявшихъ при немъ чиновниковъ и служителей. Такимъ образомъ при особѣ Мирь-Хусейна въ Бухарѣ находилось всего отъ 20 до 30 гуламовъ и отъ 10 до 12 слугъ (46), на которыхъ могъ онъ вполне положиться. Въ часъ, одинъ изъ махремовъ Мирь-Хайдера далъ знать тайно въ домъ, гдѣ жилъ Мирь-Хусейнъ, что «нечего сидѣть сложа руки: Мирь-Хайдеръ умеръ, а Кушбиги и всѣ сановники отправили къ Насруллаху приглашеніе прибыть на Ханство; рано утромъ онъ пріѣдетъ и лишитъ васъ жизни». Получивъ это извѣстіе, Мирь-Хусейнъ-Тюря не придумалъ въ-торопяхъ ничего лучше, какъ бѣжать изъ Бухары, и тотчасъ же велѣлъ осѣдлатъ 10-15 лошадей; но когда лошади были готовы, вышла изъ женской половины дома мать Мирь-Хусейна, и съ плачемъ стала уговаривать его

оставить это намѣреніе: »съ десятью, съ пятнадцатю чело-
вѣками ты никуда не можешь бѣжать безопасно: на дорогѣ,
или гдѣ-бы ты ни остановился, тебя схватятъ и убьютъ. Съ
вѣждой на Бога, создателя 18,000 міровъ, отправляйся къ
воротамъ кремля: если тамъ положишь голову, такъ по-край-
ней-мѣрѣ со славою, и память о себѣ оставишь«. Совѣтъ
матери показался Миръ-Хусейну разумнымъ; онъ простился
съ матерью и приказалъ гуламамъ чтобы они скакали во
всѣ стороны съ крикомъ: »эй, вы, правовѣрные, валите къ
Миръ-Хусейнъ-Тюрѣ, Миръ-Хайдеръ померъ, а Тюръ идетъ
въ кремль«. Миръ-Хусейнъ зналъ что жители Бухары ис-
кренно ему преданы. И точно: въ полчаса собралось около
20-30 тысячъ народу. Миръ-Хусейнъ съ десятью конными
прислужниками своими, а народъ пѣшкомъ, бросились мы (47)
къ кремлю. Увидя это, въ кремлѣ заперли ворота. Какъ за-
жгли ворота, толпы народа, сопровождавшія Миръ-Хусейна,
отхлынули во всѣ стороны: имъ показалось, что Кушбиги
выклягъ изъ кремля людей, которые схватили и увлекли туда
Миръ-Хусейна. А какъ разсыпался народъ, Миръ-Хусейнъ
остался у воротъ кремля всего съ десяткомъ всадниковъ. По-
раженные изумленіемъ, мы не знали что предпринять, какъ
вдругъ являются къ намъ два извѣстныхъ по всей Бухарѣ
кродивыхъ (48), и говорятъ Тюрѣ: »слѣзайте всѣ съ коней,
ступайте прямо къ воротамъ, мы разобьемъ ихъ топорами«.
Миръ-Хусейнъ и всѣ мы, спѣшившись, бросились къ воро-
тамъ, а люди Кушбиги стали кричать намъ съ воротъ: »Миръ-
Хайдеръ Его Величество здравствуетъ, слава Богу: зачѣмъ
идете? Убирайтесь назадъ, нето никого изъ васъ въ жи-

выхъ не оставимъ». Но мы, не слушая этихъ рѣчей, подошли подъ самыя ворота. Тогда посыпались сверху камни: по четыре, по пяти штукъ пошло въ каждого, всѣ были окровавлены. Былъ и взъ ружья сдѣланъ выстрѣлъ: одного изъ нашихъ свалилъ на смерть. Юродивые, несмотря на то, бросились рубить ворота; съ трехъ-четыреухъ ударовъ, ворота, при всей толщинѣ ихъ, были разбиты. Миръ-Хусейнъ между-тѣмъ совершенно растерялся и обезсилѣлъ; два гулама подняли его на плечи и внесли внутрь кремля. Здѣсь находилось двѣ-три тысячи солдатъ и дворцовой челяди, двѣсти-триста военачальниковъ и гражданскихъ чиновниковъ: все это попряталось, разсуждая что если вытти въ числѣ десяти-пятнадцати человекъ, то не сдобровать имъ отъ Миръ-Хусейна (48 bis). На крышахъ домовъ и медресѣ стояло 40 — 50 тысячъ народу, глаза на происходившее. Короче сказать Миръ-Хусейнъ, вступя въ кремль всего съ десятью человекъ, донесенъ былъ ими до вигманъ-хана (49), построеннаго Рахимъ-Ханомъ. Тутъ, съ шумомъ и крикомъ, ввалили въ кремль толпы народа, и окружили Миръ-Хусейна, а военачальники, высыпавшіе со всѣхъ сторонъ, бросились ему въ ноги, цѣлуя ихъ. »Приведите сюда дѣлунку (50) Хакимъ-Кушбиги», — сказалъ имъ Миръ-Хусейнъ, — я отпускаю ему вину его». Тотчасъ же привели Кушбиги, плачущаго. Миръ-Хусейнъ милостиво обошелся съ нимъ, и, ободряя трепещущаго, поклонился что голова его будетъ дѣла. Раздала повѣщающій радость бой барабановъ; съ закатомъ солнца зажглось множество факеловъ и свѣчей. Приказали секретарей, писарей, во всѣ города написали радостныя о возвращеніи гра-

маты; написали также и къ Мирь-Насруллаху. Къ полуночи граматы были готовы; каждую вручили особому махрему, и разослали ихъ куда слѣдоваю. Съ разсвѣтомъ, наль тѣломъ Мирь-Хайдера прочитали молитву за упокой души, и предали его погребенію.

Алукъ-Бикъ и Шарифъ, которымъ вручена была соборная грамата государственныхъ чиновъ къ Мирь-Насруллаху, послѣдняя по назначенію, прибыли между-тѣмъ въ Карши въ десятомъ часу ночи. Прочитавъ грамату, Мирь-Насруллахъ приказалъ глашатаямъ своимъ чтобы объявляли походъ, и съ двумя-тремястами человекъ, которые наготовились, тотчасъ же пустился въ дорогу. Торопясь, ни съ кѣмъ слова не молвя, прибылъ онъ къ разсвѣту въ Ходжа-Мубарекъ, урочище отстоящее на семь фарсаховъ отъ Карши (51). Здѣсь, примѣтивъ что его сопровождаютъ весьма немногіе, прочіе же отстали на дорогѣ, пробывъ до восхода солнца. Какъ собралось около него человекъ съ тысячу, опять пустился въ путь. Утромъ еще (52), доѣхавъ до водоема Ашикъ, въ пяти фарсахахъ отъ Бухары, остановился снова, въ ожиданіи отставшихъ спутниковъ, чтобы всѣмъ вмѣстѣ вступить въ Бухару; но тутъ прибылъ къ нему махремъ посланный съ граматою Мирь-Хусейна. Какъ раскрылъ Насруллахъ письмо, да прочелъ, такъ и обомлѣлъ; но бывшіе съ нимъ савовники принялись ободрять его, посадили на коня, и вмѣстѣ съ нимъ вернулись въ Карши. Тотчасъ, по прибытіи туда, Насруллахъ сталъ готовиться къ отъѣзду въ Шегрисебъ *со всѣмъ багажомъ* (53). Мирь-Хусейнъ, услышавъ объ этомъ, послалъ къ нему письмо, уговаривая не бояться и не искать

безопасности въ сѣгствѣ: «достанетъ-де на всѣхъ насъ Бухарскаго Ханства». Успокоившись и обрадовавшись, Мирь-Насруллахъ отправилъ изъ Карши богатые дары (54). Доставлены были также богатые дары изъ Керминѣ отъ Омарь-Ханъ-Тюри. Прочіе-же братья Мирь-Хусейна: Зубейрѣ-Ханъ, Гамзѣ-Ханъ и Сефдеръ-Ханъ, оставшіеся въ Бухарѣ, находились при немъ неотлучно днемъ и ночью. Онъ ласкалъ ихъ какъ нельзя болѣе. Возсѣвъ на престолѣ бухарскій, Мирь-Хусейнъ оказалъ безчисленныя милости, какъ народу, такъ и служилымъ людямъ, и около трехъ мѣсяцевъ властвовалъ наслаждаясь совершеннымъ здоровьемъ. Хакимъ-Кушбиги никакъ не могъ избавиться отъ опасенія что ранѣе или позже упадетъ въ немилость царскую, и продолжалъ желать престола Насруллаху; а какъ у Мукимъ-Бія былъ старшій братъ по имени Шерифъ-Бикъ, который всегда находился при особѣ Мирь-Хусейна, приготовлялъ и подавалъ ему лекарства, то Хакимъ и воспользовался этимъ, подкупилъ Шерифъ-Бика, давъ ему 2000 тиллъ (55), и наобѣщавъ, сверхъ того, всякой всячины, чтобы онъ отравилъ Мирь-Хусейна. Для этого Кушбиги далъ Шерифъ-Бику нѣсколько золотниковъ истолченнаго въ порошокъ алмаза, съ наставленіемъ подсыпать его по-немногу въ подаваемыя Эмиру лекарства. Черезъ три мѣсяца, алмазъ сталъ обнаруживать свое дѣйствіе, Мирь-Хусейнъ захворалъ и слегъ въ постель. Такъ-какъ хворость усиливалась со дня на день, онъ приказалъ сановникамъ написать къ Омарь-Хану чтобы тотъ прибылъ съ своими Керминейцами и остановился вѣгъ стѣнъ Бухары. «Отъ этой болѣзни — говорилъ — я не выздоровѣю: пусть, по смерти

мной, братъ Омаръ вступитъ въ городъ и царствуетъ; потому что если престолъ достанется Насруллаху, онъ будетъ владѣть надъ преданными мѣн. Согласно съ приказаніемъ Миръ-Хусейна, письмо въ Керманѣ было послано. Омаръ-Ханъ явился, и съ войскомъ своимъ остановился за городомъ. Восемь дней простоялъ онъ такъ. Между-тѣмъ Миръ-Хусейну все становилось хуже; пролежавъ 18 дней такъо больно, онъ скончался. Тотъ же часъ Омаръ-Ханъ съ Керманцами своими вступилъ въ кремль, и принялъ присягу въ вѣрности отъ народа и служивыхъ людей.

III. ПРИКЛЮЧЕНІЯ ОМАРЪ-ХАНА.

Нѣсколько дней по воцареніи своемъ Омаръ-Ханъ оказывалъ народу и служивымъ людямъ равныя милости; во между-тѣмъ днемъ и ночью тянулъ вино и водку. Мало-помалу это стало извѣстно въ Бухарѣ, а тамъ слухи о нетревожкѣ поведенія Эмира разошлись во всѣ стороны; онъ-же изъ Бухары никуда не выѣзжалъ, и не изъявлялъ никакого желанія знать о томъ, что дѣлается за ея предѣлами. Слѣдуя о безопасности Омаръ-Хана, Миръ-Насруллахъ отправился съ карнійскимъ войскомъ своимъ къ Самарканду. Правитель тамонній Мухамедъ-Сеферъ-Бий вышелъ къ нему на встрѣчу, и самъ звалъ его въ Самаркандъ. Вѣсть объ этомъ пришла въ Бухару. Омаръ-Ханъ съ кошуномъ бухарскимъ и артиллеріею, выступивъ изъ Бухары, прибылъ въ Керманѣ. Тѣмъ временемъ Миръ-Насруллахъ, пробывъ въ Самаркандѣ четыре дня, двинулся къ Кеттѣ-Кургану. Правитель сего-по-

сдѣдннго также вышель на встрѣчу къ нему, и предалъ крѣпость въ его руки. Когда узнали объ этомъ въ Керманѣ, — между Керманѣ и Кеттѣ-Курганомъ всего восемь-девять фарсаховъ расстоянія, — Омарь-Ханъ, имѣвшій при себѣ до двадцати тысячъ войска, выслалъ противъ Насруллаха тридцать военачальниковъ, тронхъ братьевъ своихъ (Зубейръ-Хана, Гамбѣ-Хана, Сефедеръ-Хана) и четырнадцать тысячъ войска. На подорогѣ сонлись они съ Насруллахомъ, выступившимъ изъ Кеттѣ-Кургана, по пути къ Керманѣ. вмѣсто бѣды произошло то, что всѣ военачальники Омарь-Хана, а вмѣстѣ съ ними и три брата его, повѣсивъ себѣ на шею сабли свои, и сойдя съ коней, отправились въ такомъ видѣ къ Миръ-Насруллаху, и приложились устами къ рукѣ его. Въ полдень пришло извѣстіе въ Керманѣ что все войско возманивое противу Насруллаха перешло на его сторону, и вмѣстѣ съ нимъ выступаетъ на Омарь-Хана. Суматоха сдѣлалась страшная: котлы съ готовившимся кушаньемъ пошли опрокидывать, шатры снимать какъ-понало, и Омарь-Ханъ, отправивъ артиллерию впередъ, самъ съ четырьмя-пятью тысячами находившагося при немъ войска (въ томъ числѣ и рабъ вашъ) направился съ поспѣшностію къ Бухарѣ; но, по причинѣ медленнаго движенія артиллеріи, въ десятомъ часу ночи едва добрался мы до древней крѣпости Амсачъ, въ трехъ фарсахѣхъ отъ Бухары. Здѣсь оказалось что изъ войска Омарь-Ханова осталось при намъ не болѣе шести-сотъ человекъ: прочіе обратились вснать, чтобы присоединиться къ Миръ-Насруллаху. Гонимый онасеніями, Омарь-Ханъ, едва давъ вдохнуть артиллерійскимъ лошадамъ, велѣлъ опять заврѣгаты ихъ

и потянулись къ Бухарѣ. Рабъ вашъ былъ нерезлученъ съ десяти—двѣнадцати чловѣками пріятелей изъ знатной молодежи; конни наши ставились всегда рядомъ. Въ Аксатѣ, посоветовавшись, эта молодежь, по прихвѣру другихъ, тоже рѣшила передаться Миръ-Насруллаху. Я не хотѣлъ отстать отъ нихъ, и вотъ, въ полночь, направились мы изъ Аксача обратно, къ восходу солнца добрались до Хамъ-Робата (56), отдохнули тамъ немного, и, воспѣнная далью, не успѣли утромъ пріѣхать въ урочище Маликъ (57), какъ уже показался и Миръ-Насруллахъ съ своимъ войскомъ. Мы сошлись съ конней, привѣтствовали его, были допущены къ рукъ. Проѣхавши съ чакрымъ, онъ изволилъ обратиться съ вопросомъ о здоровьѣ Омаръ-Хана, и обошелся весьма ласково. Мы опять сѣли на коней. Къ послѣ-полуденному намазу пріѣхавъ въ Хамъ-Робатъ, изволили тамъ остановиться и разбить палатки. Съ дороги въ Бухару все продолжали являться кучки солдатъ по десяти, но двѣнадцати чловѣкъ, привѣтствовали Эмира, и присоединялись къ его рати. На зарѣ выступили въ дальнѣйшій путь къ Бухарѣ, и пріѣхавъ утромъ къ урочищу Вагани (58), дѣлали здѣсь привалъ, а при закатѣ солнца остановились на урочищѣ Гурбумъ, въ одномъ фарсакѣ отъ Бухары. На-зарѣ поднялись опять, и утромъ расположились въ Вазарча, въ четырехъ чакрымахъ отъ Бухары (59). Омаръ-Ханъ велѣлъ заводить все городскія ворота, кромѣ однихъ, обращенныхъ въ ту сторону, съ которой сталъ лагеремъ Миръ-Насруллахъ: изъ этихъ воротъ выѣзжали ежедневно тысячь пять—шесть чловѣкъ, и послѣ нѣсколькихъ легкихъ спшибокъ съ осаждающими, убирались опять въ го-

родъ. Черезъ десять дней завалили и эти ворота. Изъ города производили ежедневно по войску Мирь-Насруллаха отъ двухъ-сотъ до трехъ-сотъ пушечныхъ выстрѣловъ. Войско начало терять духъ; около 40 дней стояли обложивъ городъ и ничего не предпринимая, а тамъ оказался недостатокъ въ провiантѣ, пошли дожди; стало приходить плохо, а тутъ еще и слухи что Самаркандъ, Кеттѣ-Курганъ и весь Мианкаль опять перешли на сторону Омарь-Хана; человекъ съ тысячу Наймановъ изъ Кеттѣ-Кургана, прибывъ темною ночью съ цѣлью служить Омарь-Хану, успѣли пробраться внутрь города. Сталъ беспокоиться Мирь-Насруллахъ; лазутчикъ его однакожъ ежедневно проникалъ въ городъ съ записками къ Хакимъ-Кушбигію, и возвращался съ отвѣтами отъ него. Одинъ, безъ соучастниковъ, Кушбиги не могъ помочь ему взять городъ, потому что полное распоряженіе обороною Омарь-Ханъ предоставилъ дадхагамъ по имени Эязъ-Бію и Реджебъ-Біку. Наконецъ Кушбигію, разными кознями и хитростями, удалось склонить на свою сторону какъ того, такъ и другаго, и Мирь-Насруллахъ получилъ отъ него увѣдомленіе чтобы на третью ночь приходить къ воротамъ: городъ будетъ сдатъ. Въ условленную ночь подошли къ воротамъ со всѣмъ войскомъ, оказалось однакоже что города по чему-то не могли сдать, и надо было опять убраться въ лагерь. Войско наше готово было разбѣжаться, какъ Кушбиги опять далъ знать, чтобы ночью слѣдующаго дня, во вторникъ, Эмиръ подошелъ къ воротамъ: отопремъ ихъ. Ворота эти, съ артиллерією при нихъ, находились въ завѣдываніи Эязъ-Бія. Кушбиги условился съ нимъ чтобы въ полночь дула орудій об-

ратить на городъ, а тамъ откапывать завалъ у воротъ. Такъ и сдѣлали. Между-тѣмъ войско Насруллаха подступило къ воротамъ и на-зарѣ вошло черезъ нихъ въ городъ; вслѣдъ затѣмъ и самъ Эмиръ, вступивъ въ городъ, поднялся на площадку надъ воротами, и, сѣвши здѣсь, приказалъ солдатамъ чтобы они кого ни встрѣтятъ изъ воиновъ Омарь-Хана, убивали, а домъ ихъ грабили: »солдаты бухарскіе разсѣялись теперь по всему городу, по одиначкѣ, по двое: которые будутъ просить помилованія, приводите тѣхъ сюда, и по данному знаку рѣжьте ихъ«. Не болѣе получаса просидѣлъ Мирь-Насруллахъ надъ воротами, а между-тѣмъ въ это время перерѣзано было подъ его глазами четыре-пять тысячъ человѣкъ. Затѣмъ началось убійство по улицамъ города: говорятъ что отъ семи до осьми тысячъ жителей лишены были жизни въ этотъ день. Хакимъ-Кушбиги и Эязъ-Бій явились на поклонъ къ Эмиру пока еще онъ надъ воротами сидѣлъ. Затѣмъ, посадивъ Эмира на коня, вмѣстѣ съ нимъ отправились въ кремль.

Омарь-Ханъ, узнавъ о вступленіи Мирь-Насруллаха въ городъ, скрылся изъ дворца въ домъ матери младшаго брата своего по имени Ханъ-Падшахъ. — Лѣтъ двадцать тому пріѣзжалъ въ Оренбургъ, и, пробывъ здѣсь годъ, отправился въ Ургенчъ нѣкто Ишанъ-Накибъ, родственникъ (60) Мирь-Насруллаха. При Мирь-Хайдерѣ этотъ Ишанъ-Накибъ лѣтъ 15—20 занималъ въ Міянкалѣ должность правителя Пенджшенбѣ (61). Народъ и служилые люди всѣ его любили, но Омарь-Ханъ почему-то не благоволилъ къ нему: Ишанъ-Накибъ и отъѣхалъ въ Карши къ Насруллаху; по его указанію

Насруллахъ и на Самаркандъ пошелъ, его совѣтамъ обязанъ былъ и дальнѣйшими своими успѣхами, наконецъ и при оса-дѣ Бухары (осада продолжалась всего 54 дня (62) распорядительность его не оставалась безъ дѣла. Когда, на-зарѣ войска Эмира ворвались въ городъ, Накибъ со своими людьми кинулся прямо въ кремль. Здѣсь Ханъ-Падшахъ стала умолять его чтобъ онъ избавилъ Омаръ-Хана отъ смерти, выпросивъ жизнь его у Эмира въ подарокъ себѣ. Съ этою просьбою и обратился Накибъ къ Эмиру, когда тотъ вѣзжалъ въ кремль: «подарите мнѣ — говоритъ — Омаръ-Хана». — «Дарю вамъ» — отвѣчалъ Эмиръ, и отправился во дворецъ. Выведя Омаръ-Хана изъ кремля, Накибъ помѣстилъ его въ собственномъ домѣ, и черезъ два дня приговорилъ двухъ-трехъ Туркменовъ чтобы отвезли его въ Мервъ, а отсюда-бы другіе Туркмены доставили его въ Гератъ (63).

Воцарившись, Миръ-Насруллахъ ежедневно, въ-теченіе цѣлаго мѣсяца, предавалъ смерти отъ 50 до 100 человекъ. Вслѣдствіе этого многіе бѣжали въ Шегрисебъ и Ургенчъ. Рабъ вашъ, несмотря на то, что вмѣстѣ съ Эмиромъ вступилъ въ Бухару, тоже счелъ за лучшее искать безопаснѣйшаго убѣжища, и уѣхалъ въ Шегрисебъ. Много бѣглецовъ собралось сюда, и пробыли мы здѣсь около одиннадцати мѣсяцевъ. Во все это время правитель Шегрисеба Даниаль-Аталькъ оказывалъ намъ большое расположеніе. Омаръ-Ханъ, между-тѣмъ, пробывъ въ Гератѣ одинъ мѣсяцъ, и, соединившись съ 15-ю человекъ приверженцевъ, которые послѣдовали туда за нимъ, распросился съ правителемъ Герата, Камранъ-Шахомъ, и черезъ Анджой, Мейменѣ, Балхъ,

прибыль въ Кумдузъ (64), изъ Кумдуза въ Каратегинъ (65), а отсюда пробрался черезъ горы въ Хокандъ, откуда написалъ въ Шегрисебъ чтобы всѣ находившіеся тамъ бѣглецы прибыли въ Хокандъ: «нусть всѣ вмѣстѣ будемъ горе изъять». По полученіи этого письма, сбѣжавшіе въ Шегрисебъ стали пробираться въ Хокандъ по пяти, по десяти человѣкъ. Рабъ ваизъ также отпривилелъ туда черезъ Хисаръ и Каратегинъ. Правитель хокандскій Мухаммедъ-Али-Ханъ (66) принялъ весьма ласково, и Омаръ-Хана, и сошедшихъ къ нему людей. Всѣ мы, человѣкъ сто или больше, жили вмѣстѣ при Омаръ-Ханѣ. По приказанію Мухаммедъ-Али, всѣ военачальники хокандскіе разъ въ недѣлю приходили къ нему на поклонъ. Расходы по содержанію окружающихъ Омаръ-Хана Мухаммедъ-Али также принялъ на свой счетъ, и ежедневно присылалъ имъ халаты. Осенью, когда Мухаммедъ-Али-Ханъ отправлялся по обыкновенію на птичью охоту въ ярѣность Ярмасаръ (67), приглашалъ онъ туда и Омаръ-Хана съ его людьми, которыхъ тотъ и бралъ съ собою человѣкъ пятьдесятъ. Обычай Мухаммедъ-Али-Хана относительно этой ежегодной охоты былъ таковъ. Бралъ онъ съ собою, по списку, тысячу шесть военачальниковъ, махремовъ и шагрданинцевъ (68). Ежедневно, на каждой станицѣ, гдѣ останавливался, служители разносили по каждому коню (69), собравъ съ чужимъ людямъ въ коню, чай, сахаръ и все потребное. По прибытіи въ Ярмасаръ, — ложить онъ въ 17 фарсахъ отъ Хоканда, — самъ Ханъ останавливался внутри ярѣности, а Омаръ-Ханъ и прочіе располагались въ окрестности. Птицъ ловить было у Хана болѣе тысячи. Съ собою имъ

нихъ охотился онъ самъ, остальныхъ раздавалъ спутникамъ. Всѣхъ этихъ птицъ вывозили ежедневно на озеро, и пускали на ловлю. Каждая ловчая птица была десять—пятнадцать штукъ дичи. Послѣ полудня, самъ Ханъ съ своею добычею удалялся съ мѣста охоты; прочіе съ набитою ими птицею располагались по берегу озера. Ханъ объѣзжалъ и осматривалъ. Затѣмъ всю добычу дня свозили къ нему на дворъ, и онъ разсылалъ въ каждый кошъ, смотря по числу людей въ немъ, отъ 5 до 10 штукъ убитой птицы. Въ особенномъ обиліи попадались здѣсь фазаны. Проохотившись 16 дней, возвращались въ Хокандъ, привозя съ собою телѣгъ двадцать соленой дичи. Эту дичь Ханъ разсылалъ въ подарокъ всѣмъ участвовавшимъ и неучаствовавшимъ въ охотѣ, штукъ по 50, по 100. — Пятнадцать мѣсяцевъ провелъ Омаръ-Ханъ въ Хокандѣ совершенно благополучно. Послѣ того, обнаружилась тамъ сильная язва (70). Заразившись, онъ слегъ. Это случилось въ пятницу. Мухаммедъ-Али-Ханъ послалъ къ нему всѣхъ врачей своихъ. Разныя лекарства пробовали, пользы однакоже не было, и въ субботу около полудня онъ скончался, завѣщая тѣло свое отправить для погребенія въ Бухару. Исполняя желаніе покойнаго, Мухаммедъ-Али-Ханъ отправилъ въ Бухару посла, и, вмѣстѣ съ нимъ, тѣло Омаръ-Хана въ закупоренномъ ящикѣ. Изъ находившихся при Омаръ-Ханѣ, одиннадцать человекъ изъявили желаніе сопутствовать покойному въ Бухару; прочіихъ Мухаммедъ-Али-Ханъ принялъ на службу къ себѣ. Изъ означенныхъ одиннадцати человекъ, Его Величество Эмиръ четырехъ умертвилъ, остальные бѣжали и разбрелись по разнымъ сторонамъ. Тѣло Омаръ-

Хана похоронили на Мезари-Шерифъ (71), около могилы пра-
дѣда его Даніяль-Аталыка (72). У Омаръ-Хана родился въ
Хокандѣ сыночекъ, который тоже умеръ въ двухъ-лѣтнемъ
возрастѣ.

IV. НѢЧТО О ТИРАНСТВѢ МИРЪ-НАСРУЛАХА.

Послѣ смерти Омаръ-Хана пришло извѣстіе въ Хокандъ,
что Его Величество Эмиръ тремъ братьямъ своимъ: Зобейръ-
Хану, Гамзѣ-Хану и Сефедеръ-Хану, дагъ въ управленіе крѣ-
постцу Нерѣ-Зумъ (73), на берегу рѣки Аму, и, вмѣстѣ съ
ними, отправилъ ихъ женъ, дѣтей и матерей, а чрезъ мѣ-
сяцъ послалъ туда нѣкоего Гази-Бика и миръ-шеба (74) бу-
харскаго, которые всѣхъ трехъ царевичей съ женами ихъ,
дѣтьми и матерями, отправили на тотъ свѣтъ, и похоронили
въ той же крѣпости (75). Въ теченіе шести-семи лѣтъ, всѣ
военные и гражданскіе чиновники оставшіеся еще на служ-
бѣ со времени Миръ-Хайдера, были отставлены и умери-
влены, а имущество ихъ вято на Эмира. Предки этихъ лю-
дей, болѣе двухъ-сотъ, трехъ-сотъ лѣтъ, были, изъ рода въ
родъ, постоянными слугами бухарскихъ государей. Теперь
жены и дѣти ихъ проводятъ жизнь въ нищетѣ. Ныгѣшніе
военные и гражданскіе чиновники бухарскіе все люди без-
родные, низкаго происхожденія (76).

V. СКАЗАНІЕ О КАШГАРСКИХЪ ПРАВИТЕЛЯХЪ.

Когда Омаръ-Хана не было уже въ живыхъ, бѣжалъ
изъ Бухары и прибылъ въ Хокандъ Юсуфъ-Ходжа, пото-
мкъ Его Святѣйшества Махдумъ-Аъзема (77), гробница ко-

торого находится въ одномъ фарсахъ отъ Самарянда. Скончался Его Святѣйшество около четырехъ сотъ лѣтъ тому. При жизни своей, онъ посѣтилъ большую часть страны Капгарской, Яркендской, Хотанской и Аксуской (78), и жители этой страны сдѣлались его послѣдователями. Черезъ нѣсколько лѣтъ они явились просить Его Святѣйшество чтобы онъ отпустилъ къ нимъ сына своего, и привезли его въ Капгаръ (79). Тамъ у этого сына Его Святѣйшества родилось двое дѣтей: Хасанъ-Ходжа и Хусейнъ-Ходжа. Населяютъ-же тотъ край тоже два колѣна: Акъ-Таклынды и Кара-Таклынды. Акъ-Таклынды сдѣлались духовными послѣдователями (80) Хасанъ-Ходжи, а Кара-Таклынды — Хусейнъ-Ходжи; потомъ этихъ учителей своихъ они избрали себѣ въ правители: Хасанъ-Ходжа сталъ правительствовать въ Капгарѣ, Яркендѣ и Хотанѣ, а Хусейнъ-Ходжа — въ Акеу и Или (81). Властвовали они лѣтъ пятнадцать—двадцать, и у каждаго родилось по нѣскольку сыновей. Спустя нѣкоторое время, Хусейнъ-Ходжа, для свиданія съ Хасанъ-Ходжею, пріѣхалъ въ Капгаръ. Случилось, по волѣ Божіей, такъ, что когда братья свидѣлись и передали другъ другу о радостяхъ своихъ и печаляхъ, Хусейнъ-Ходжа въ ту же ночь померъ. Когда стало это извѣстно и простымъ и знатымъ, Кара-Таклынды вступили въ распрю съ Акъ-Таклындами, и много народу погибло съ обѣихъ сторонъ: Кара-Таклынды думали что Хасанъ-Ходжа убилъ брата съ цѣлю властвовать одному. Кончилось тѣмъ, что управление всѣми семью городами дѣйствительно утвердилось за Хасанъ-Ходжею, и потомки его властвовали надъ ними лѣтъ двѣсти. Всѣ мѣста и должности раздавали

они исключительно Акъ-Таклындамъ, Кара-Таклындамъ-же находились въ презрѣніи и уничиженіи, промышляя лишь земледѣліемъ и торговлею. Изъ зависти и ненависти, написали они тайно къ владѣтелю Китая чтобы тотъ прислалъ войско, которому и помогутъ они овладѣть всѣми семью городами (82). Въ то время, — будетъ этому около ста-двадцати лѣтъ, — властвовали надъ семью сказанными городами (83) братья по имени Ай-Ходжа и Гуль-Ходжа. Китайцы вторглись въ страну съ сильнымъ войскомъ, и воевали около семи лѣтъ; наконецъ, доведенные до крайности, оба брата ходжи осаждены были въ Кашгарѣ. Видя что и этого города не въ силахъ отстоять, братья ходжи призвали старшаго изъ сыновей своихъ, и сказали ему: » намъ не миновать здѣсь гибели; тебя-же съ женою, дѣтьми, и со всею казною, которую мы столько лѣтъ собирали, выпроводимъ тайно изъ города. Отправляйтесь на Бедахшанъ (84) и Бухару. Можеть-быть достигнете благополучно, и племя наше со смертію нашею не пресѣчется«. Коротко сказать, дали имъ въ прикрытіе пятьсотъ храбрецовъ, выпустили изъ города, и отправили. Черезъ нѣсколько дней Китайцы взяли Кашгаръ, и всѣхъ ходжей умертвили. Что-же касается до путниковъ нашихъ, они благополучно прибыли въ Бедахшанъ, и правитель онаго, по имени Султанъ-Шахъ, оказывалъ имъ гостепріимство въ продолженіе нѣкотораго времени; но сановники Султанъ-Шаха доложили ему что Ходжа везетъ съ собою большую казну: »зачѣмъ допускать, чтобы казна эта даромъ ушла изъ вашихъ рукъ?« Соблазняемый внушеніями лукаваго, Султанъ-Шахъ спросилъ: »при Ходжѣ пятьсотъ храбрецовъ; какъ-

Учк. Зап. Книж. I, 1861 г.

же достигнуть намъ цѣли? На это старѣйшіе изъ сановниковъ отвѣчали: » по дорогѣ въ Бухару есть тѣснина съ узкимъ отверстіемъ; пошлемъ туда военачальниковъ; пусть они обѣ стороны ея займутъ стрѣлками, которые перебьютъ проѣзжающихъ изъ ружей«. Черезъ нѣсколько дней, Ходжа распрощался съ Султанъ-Шахомъ, и попросилъ вожака. Вожакъ, приведя ихъ въ указанное мѣсто, бѣжалъ обратно. Изъ бѣгства вожака стало ясно что устроены козни, да нельзя уже было избѣжать засады. Ходжа имѣлъ сына двухъ лѣтъ. Этого ребенка, чтобы онъ могъ сохраниться въ безопасности, и не погибло племя ходжей, съ однимъ только человѣкомъ, но обильно снабдивъ пищею, скрыли въ боковомъ ущельѣ тѣсины. Затѣмъ вступили въ бой съ Бедахшанцами, и были всѣ, мужчины и женщины, перебиты. Много казны досталось во власть Султанъ-Шаху; но онъ, не довольствуясь этимъ, отправилъ къ Китайцамъ посла съ грамотою: »мы-де непріятелей вашихъ переловили, перебили«. За это китайскій государь насладъ ему множество даровъ, и приказъ отдалъ чтобы впредь по всему Семиградью Бедахшанцамъ почетъ оказывали, не брали пошлинъ съ ихъ торговцевъ, съ женъ и дѣтей не взымали никакихъ поборовъ и податей. Еще и донынѣ Бедахшанцы пользуются въ томъ Семиградѣ почетомъ и уваженіемъ. Мальчикъ-же двухлѣтній, съ человѣкомъ къ нему приставленнымъ, черезъ нѣсколько времени послѣ того какъ все успокоилось, пробираясь горами, прибыли въ Уратюпѣ (85). Правитель Уратюпѣ, узнавъ о происхожденіи ребенка, воспиталъ его, вырастилъ и отправилъ въ Бухару. Бухарскій владѣтель тоже повелъ его, кормилъ и держалъ въ по-

четѣ (86). Вышепомянутый Мухаммедъ-Юсуфъ-Ходжа приходился внукомъ этому ходжѣ. Юсуфъ-Ходжа съ дѣтства своего находился при Миръ-Хусейнѣ, и Миръ-Хусейнъ постоянно жаловалъ его и одарялъ. По прибытіи въ Хокандъ, Юсуфъ-Ходжа принять былъ Мухаммедъ-Али-Ханомъ съ великою почестью, и когда объявилъ что намѣренъ требовать у Китайцевъ возвращенія страны принадлежавшей его предкамъ, Мухаммедъ-Али-Ханъ далъ ему двадцать тысячъ войска. Въ Хокандѣ проживало тогда отъ десяти до двѣнадцати тысячъ Кашгарцевъ. Всѣ они, придя къ Ходжѣ, присоединились къ нему. Рабъ вашъ тоже отправился съ ними въ Кашгаръ, какъ потому что былъ въ дружественныхъ отношеніяхъ съ Юсуфъ-Ходжею, такъ и изъ любопытства. Черезъ 15 дней пути прибыли къ первой китайской караульнѣ. Китайцевъ было тутъ до 200 человекъ. Послѣ трехъ-четыре часового боя, они были взяты и преданы смерти. Тутъ мы ночевали. Впередѣ, въ двухъ фарсахъ пути, есть другая караульня, сказали намъ. Тотчасъ отправлено было туда нѣсколько лазутчиковъ за вѣстями. Въ полночь они возвратились, и рассказали что анбалъ (87) выслалъ изъ Кашгара 13,000 китайскаго войска, чтобы оно, занявъ караульню, преградило Хокандцамъ путь къ Кашгару. Караульня эта была расположена на самой дорогѣ, между двухъ горъ, и гарнизонъ ея состоялъ изъ 500 Китайцевъ. Тою же полночью, какъ получено было означенное извѣстіе, Юсуфъ-Ходжа, сообщивъ его своему войску, приказалъ садиться на коней; пользуясь темнотою ночи, караульню обогли съ одной стороны, и заняли дорогу выше ея. Когда занялась заря, мы увидѣли что 13,000

Китайцевъ стоятъ передъ нами. Они тоже, увидавъ что дорога къ караульнѣ уже занята, и пройти въ нее они не могутъ, раздѣлились и стали подыматься двумя отрядами на двѣ высокія горы, съ обѣихъ сторонъ окаймлявшія дорогу; занявши скаты этихъ горъ, открыли они по насъ ружейный огонь. Это продолжалось до полудня; убитыхъ было довольно съ обѣихъ сторонъ. Надъ горами, которыя заняли Китайцы, подымались другія, еще выше. Юсуфъ—Ходжа распорядился чтобы на горы эти взобралась сотня его стрѣлковъ (88). Хотя и съ большимъ трудомъ, это было исполнено. Китайцы очутились такимъ образомъ между двухъ огней; стрѣлки стали бить ихъ изъ ружей сверху, остальное хокандское войско — снизу. Когда три—четыре тысячи пало подъ нашими выстрѣлами, и увидѣли они что избѣгнуть смерти нѣтъ имъ никакого средства, стали они сами убивать другъ друга. По закону этихъ безвѣрныхъ такъ и слѣдуетъ поступать (89). Къ закату солнца, нѣкоторые изъ Китайцевъ, сами себѣ распоровъ брюхо ножомъ, стали кидаться съ горы внизъ головою; другіе кляли себѣ въ пазуху мѣшочикъ съ порохомъ, и, зажигая его, тоже летѣли съ горы вверхъ—ногами. Увидѣвъ такую странность, все войско хокандское придвинулось къ подошвѣ горъ: смотрѣли мы и дивились. Изъ бросавшихся такимъ образомъ, одни скатывались къ подошвѣ горы полуживые, другіе совсѣмъ мертвые, иные въ дребезги разбитые. Всѣ Китайцы погибли окончательно, за исключеніемъ сорока—пятидесяти Калмыковъ, которые, болтая что—то, побросали свое оружіе, и сами пришли къ Ходжѣ. Эти оставлены были въ живыхъ. За пазухой у каждого мер-

твого китайца солдаты наши находили и брали себѣ по ямбѣ или полуямбѣ (90); ружья—же, луки, конья, сабли сносили къ Ходжѣ. Много добычи приобрѣло хокандское войско. Эту ночь мы провели тутъ же, на мѣстѣ сраженія. Тѣхъ Китайцевъ, что въ караульнѣ сидѣли, оставили мы на произволь судьбы, рассуждая что когда Кашгаръ будетъ взятъ, они сами должны будутъ бросить оружіе, и сдаться. На слѣдующій день, сѣвъ на коней, направились къ Кашгару. До Кашгара отъ помянутой караульни девятнадцать фарсаховъ пути. На третій день ночью, Ходжа съ войскомъ своимъ остановился въ одномъ фарсахѣ отъ Кашгара. Не успѣли расположиться здѣсь, какъ жители Кашгара, мужчины и женщины, стали прибѣгать, крича: »Ходжа нашъ, учитель нашъ«! Къ полуночи собралось около Ходжи до сорока, до пятидесяти тысячъ Кашгарцевъ. Все что было въ Кашгарѣ чиновнаго и должностнаго люду изъ Кара-Таклинцевъ, всё это бѣжало и скрылось въ китайскомъ кульбагѣ (91), который находился въ разстояніи одного фарсаха отъ Кашгара. Раннимъ утромъ, Кашгарцы окруживъ Ходжу, ввели его, вмѣстѣ съ хокандскимъ войскомъ, въ городъ Кашгаръ. Военачальники изъ Кара-Таклинцевъ, не надѣясь ничего хорошаго отъ Ходжи, ушли, какъ сказано, въ кульбагъ къ Китайцамъ. За это, хокандскіе военачальники, захвативъ женъ ихъ и малолѣтнихъ дѣтей, подвергали ихъ истязаніямъ, и, отыскавъ много спрятаннаго имущества, забрали его и отослали къ Мухаммед-Али-Хану въ Хокандъ. У женъ и дѣтей нѣкоторыхъ изъ бѣжавшихъ чиновниковъ имѣлись золотыя украшенія съ драгоценными камнями, стоявшія по 500 и по 1000 ямбъ :

эти украшенія Хокандцы побрали себѣ. Изъ уваженія къ Мухаммедь-Али-Хану, Юсуфь-Ходжа ни слова не сказалъ хокандскимъ военачальникамъ. Вслѣдъ за вступленіемъ въ Кашгаръ, войско хокандское отправилось осаждать китайскій кулбагъ, но, вмѣсто того чтобы дѣйствовать, лежало на боку. Самъ Мухаммедь-Юсуфь-Ходжа, съ кашгарскимъ войскомъ, состоявшимъ изъ Акъ-Таклынцева, двинулся между-тѣмъ на Яркендъ, взявъ этотъ городъ, и основать въ немъ свое мѣстопробываніе. Шестъ съ половиною мѣсяцевъ продолжалось его управленіе, какъ приходитъ въ Кашгаръ вѣсть что Китайцы, въ большихъ силахъ, прибыли въ Фейзъ-Абадъ. и что значительное же китайское войско пошло на Яркендъ, Отъ Фейзъ-Абада (92) до Кашгара всего 12 фарсаховъ пути. При первомъ слухѣ объ этомъ, хокандское войско, осаждавшее кулбагъ, снялось и пришло въ Кашгаръ, а въ Кашгарѣ стало собираться къ возвращенію въ Хокандъ, и выючить свой скарбъ. Видя это, Акъ-Таклынцы и свои пожитки стали тоже выючить, а тѣ, у которыхъ не было лошадей, присоединились къ хокандскому войску, съ дѣтьми и женами своими, пѣшкомъ. Полагали что изъ Кашгара вышло съ Хокандцами 50 — 60 тысячъ народу, мужчинъ и женщинъ. Опасаясь что Китайцы, пришедши, стануть убивать Акъ-Таклынцева, эти несчастные бѣжали большею частью нагіе, голодные; а какъ во время дороги наступила еще стужа, то ихъ померло на пути тысячъ до десяти. Черезъ три дня по выступленіи изъ Кашгара, какъ пришли мы на мѣсто называемое Кяни-Кургашинь (93), присоединился къ намъ и Мухаммедь-Юсуфь-Ходжа, тоже съ двумя-тремя тысячами

Акь — Таклышцевъ, бѣжавшій изъ Яркенда. Подвигаясь отъ станціи до станціи, добрались мы наконецъ и до Хоканда; а вслѣдъ за нами пришла вѣсть, что Китайцы, вступивъ въ Яркендъ и Кашгаръ, предали смерти 80,000 Акь — Таклышцевъ (94). Черезъ нѣсколько времени Мухаммедъ — Юсуфъ — Ходжа умеръ въ Хокандѣ. Сыновья его, со ста, двумястами человекъ и теперь бѣгаютъ иногда изъ Хоканда, и вторгаются въ Кашгаръ; но Китайцы, являсь въ большомъ числѣ, опять принуждаютъ ихъ спасаться въ Хокандъ (95). Поколеніе Акь — Таклышцевъ питаетъ искреннюю и сильную преданность къ этимъ ходжамъ: четыре — пять разъ подвергшись изъ — за нихъ гибели и разоренію, превосходящимъ всякую мѣру, оно, если сыновья Мухаммедъ — Юсуфъ — Ходжи подымутся снова, опять готово будетъ жертвовать за нихъ головою (96).

Писать я о томъ, что своими глазами видѣлъ. За ошибки, за ошибки сообразованіе простить: не довольно спокоенъ духомъ, чтобы писать красивымъ почеркомъ. Окончено въ мѣсяцъ ребіу — ссани 1276 года гилджры, 1859 по христіанскому лѣтосчисленію (97).

بیان بعض حوادث بخارا و خواقند و کاشغر تصنیف میرزا شمس بخاری

ذکر پادشاهی امیر میر حیدر

بعد از وفات امیر شاه مراد ارکان دولت همه جمع شد از میان پسران شان میرحیدر را خواسته در قرشی کس فرستاده بسرعت تمام در بخارا آورده اند همه سپاه و فقرا آمد دست بیعت دادند چنانچه رسم و قانون جلوس جنگزی را خواستن که بجا آورده بالای تخت نشاند حکیم قوشبیکلی وزیر را فرمودند سرپاه بسیار از هر نوع تیاری کردند و طبّاخان را فرمودند دیکهای کلان را در زیر بار کردند و هر انواع طعامها ترتیب نمودند یکصد پنجاه من بخارا پرنج در آن روز بگل رفت میکوبند در بالای ارک دو تخت هست یکی را ابو الفیض خانی مینامند دیگری را رحیم خانی تعبیر آن ایوان را ساختند روی بقبله طول ایوان هشتاد آلمین عرض آن نیز بیست

آچین کتر میباشد در زیر این ایوان تخت نهاده اند از سنگ
 مرمر طول و عرض پنج آچین در جانب راست و چپ
 ایوان رو بقبله باز دو ایوان دیگر کرده اند طول اینها
 مقدار شصت پنج کز عرض اینها ده کز جانب راست سیادت
 پناهان و علمایان مینشینند اول نقیب بعد فیضی بعد اوراق
 کلان بعد قاضی کلان بعد شیخ الاسلام بعد قاضی عسکر بعد
 اعلم بعد اوراق خورد بعد مفتی عسکر بعد رئیس بخارا باز
 دیگر خواجه کلان علمدار و علمای علمدار در جانب چپ اول
 آنالیق بعد دیوان بیکی بعد پروانه چی بعد دادخواه بعد
 اناق مهرداد بعد توقسابه در عمل بعد ایشک آقا باشی بعد
 میرآخور از میرآخور پایان مینشینند از هر کدام این
 علمها در ده کس دوازده کس میباشد کدام شان پیش عملدار
 شاه باشند بالانر مینشینند نقیب آنالیق بکنه بکنه میباشد بعد
 از آن که همه اسبابها تیار شد همه علمدارها آمدند بند در
 بند قبا جا بجای خود قرار گرفتن نمود سفیدی در پیش تخت
 گذاشتن امیر تاج مرصع بر سر نهاد در بالای نمود نشستند
 يك گوشه، نمود را نقیب گوشه، دیگر را آنالیق و گوشه،
 ثالث را دیوان بیکی و گوشه، رابع را پروانه چی گرفته در
 بالای تخت گذاشته و طلا و تنگه، بسیار نثار کرده بعد از آن

طعامها را نهاد بعد از فراغ طعام بهر کس علی قدر حال جامه، شال و کیمخاب و تاس و خنجر نه هزار جامه آن روز احسان نموده اند جلوس تمام یافتن بعد شهرت پادشاهی امیر حیدر بهر جانب منتشر شد از کابل زمان شاه از ابران فتحعلی شاه از خواقند عالیم خان از اورکنج ایلتنظر خان ایلیچی‌ها از برای مبارک بازی روانه نمودند ایلیچیان در بخارا در آمد هر کدام بدست بوسی مشرف شاه از نوازش و مرام خاقانی سرفراز کردید باز بولایتهای خود کشته رفتند بعد از آن امیر حیدر و الله، ما دختر ابوالفیض خان و از نسل چنگز خان میباشند گفته سگه و خطبه را بنام خود کرده در جاده پادشاهی نشسته حکومت و فرمان روای کرده اند از سپاه و فقرای شهر به صحرا بعد از خاطر مبارک خود جمع شدن بر حکیم قوشبیککی گفتند آنچه میخواستیم و اندیشه مطلوب ما بود الله تعالی فضل و کرم کرده بر کنار ما نهاد و چنانچه گفته اند

* هر چیز طلب کنی بیایی * رو از طلب هر نتابی *

مدعا ثابت شد لاکین چیزی اندکی مانده است که دین ناصر بیک برادر ما در مرو و میر حسین بیک برادر ما در سرقند هستن اگر چندبکه الحال حلقه، بندگی را بر کوش

استوار کرده پس از خط فرمان ما بر نمیتابند چند روزی بگذرد خواهند از هر جانب سر برداشتن حالا که سر وقتست در تدارك آن باید کوشیدن

* سر چشمه شاید گرفتن ببیل * چو پرشد نشاید گذشتن به پیل *

گفته اند در سپاه و ققرای مرو و سمرقند مبارك نامه روانه کنیم که دین ناصر بیک و حسین بیک را دستگیری کرده بدربار عالی بیاوند بهرحمتهای شاهانه ممنون و سرشار خواهند گردیدن اگر در فرمان عالی تهرّد نمایند با لشکر بسیار رفته قلعهای شانرا کیرفته بر زمین برابر کرده مال اشیای سپاه فقرا را تاراج کرده زن مرد شهرها را از دم شمشیر خواهم کنرانیدن حکیم قوشبیک نامها تیاری کرده بر آورده روانه کرد هنوز نامه بدست ققرای سمرقند نرسیده بود که میر حسین بیک با چندی از محرمان جانب شهرسبز کریخته رفت نامه دیگر در فقرا و سپاه مرو رسیدن زمان پیش دین ناصر بیک بردند از جهت آنکه دین ناصر بیک فقرا پرور و سپاه دوست گفتن ما همه مال جانها را فدای خاک پای امیرزاده ما کنیم هرچه فرمان و خواهش شان باشد مایان بنگ و فرمان بردار هستیم دین ناصر بیک از سپاه و فقرا خورسند شد در امیر

حیدر خطّ نوپشت که ولایت‌های مروئی را باید برابر تقسیم نمایند حالا همه را شان صاحب شاه اند جای اندکی بدست ما ماند است میخواهند که این را هم از دست ما ستانند مردمان بدست خود مملکت را نداده اند اول سر داده اند بعد ملك نامه تمام گفته خطّ را فرستادند وقتیکه امیر شاه مرورا بر دین ناصر بیک دادند از هر بیک و بیکزاده، بخارا مقدار ده هزار عسکر خوب همراه کرده بودند یکی را پدر در بخارا پسر در مرو یکی را پدر در مرو پسر در بخارا بود امیر حیدر خطّ دین ناصر بیک را خواند در غضب شاه لشکر بسیار جمع کرده در بالای مرو آمدند دین ناصر بیک نیز از مرو با لشکر فراوان بر آمد در میدان مقدار بیست روز جنگها مغلوبه کرده از دو جانب کس بسیار کشته شاه باز امیر حیدر کشته بخارا آمدن هر سال دو بار سه بار بالای مرو با لشکر بسیار امیر رفته جنگها کرده می آمدند بعد از سه سال باز بالای مرو رفته جنگهای بسیار کرده و ندبیرها کرده بر دروغ امیر حیدر کربزه شاه از تعاقب امیر لشکر دین ناصر بیک نیز پیش کرده آمد میان مرو و چهارجوی پنج شش هزار آدمان دین ناصر بیک را در میان گرفته همه را سرزده بر قریب چهارجوی آورده شش هفت هزار کله را بالا هم

گذاشته مناره کرده اند الحال هم آن حوض را کله مناره
 مینامند در مرو بر دین ناصر بیک خبر برده اند که نمل
 لشکر نان بدست افتاده همه را سر زدند دین ناصر بیک
 این خبر را شنید دو زن دو سه فرزندان خوردش را در
 اسپهای آرغوماق دوند سوار کرده مقدار پنجاه محرم مقرب خود
 را نیز همراه کیرفته راه مشهد را در پیش کیرفته با سرعت
 تمام اسپها را ناخت آورده در شش روز خود را در مشهد
 مقدس رسانیدند امیر حیدر خبر رفتن دین ناصر بیک را
 شنید از چهارجوی باز جانب مرو آمد در قلعه در آمد
 چند روزی استراحت کرده بلقب بی سرکرده را حاکم گذاشته
 باز فقرای بسیار مرو کچانیده با ظفر نصرت در بخارا در
 آمد در بالای تخت خود قرار کیرفتن مقدار چند سال از هر
 جانب خاطر جمع بودند در علم درس خانی سعی کرده در ده
 سال درس را ختم کرده بعد از آن چهار صد پنج صد ملام
 را بر خود شاگرد کیرفته هر روز هشت نه ساعت بر
 اینها درس تعلیم کرده و هم عرض داد فقرا را نیز هر روزه
 پرسیده مقیاری دو صد سه صد کس در پیش امیر درس
 خواند ختم کتوب کرده هم بر آمدند چنانچه رسم فلک قدر
 و آمد شد زمانه نمیکندارد که چند سال کسی بآسایش و حضور

باشد ایلتنظر خان اورکنچی باعیی شاه در امیر دشمن شد در آن وقت بسیاری جماعه، ترکانیه در تحت تصرف خان بود بنابر آن دو هزار دو هزار سه هزار سه هزار آمده صحرا های بخارا ناخت و تاراج کرده و نیز آدمان آن صحرا را اسیر کرده معه زن فرزندان شان کبرفته میبردند در میان دو سه سال مقدار چهل پنجاه هزار خانه دار از صحراهای بخارا اسیر کرده در اورکنج بردند در چنین تاز باز اورکنچی در میانکال بخارا چلک و بنگی قورغان نام دو قلعه هست میان دو قلعه ۲۵ چقریم راه میباشد اطراف و جوانب این دو قلعه جماعه، خطای و قبچاق میباشد یکصد بیست هزار خانه هستن این دو جماعه اتغاق کرده دو قلعه را کبرفته در امیر حیدر یو شدند معمور نام از خطای آدینه قل نام از قبچاق هر دو را حاکم کردند معمور و آدینه قل در خواقند و در شهرسبز و در اورکنج خطها روانه کردند که از هر جانب آیند جمع شاه ولایتها را می کیریم دشمنان وقت را غنیمت یافته از هر جانب سر برداشته از هر جانب آمدند در این اثنا جماعه، قراقلباق نیز باغواي خطای قبچاق در امیر حیدر عاصی شده برکشتن در هشت فرسخ سررقتند چپار نام قلعه را آنها کبرفته در قلعه در آمدند خطای قبچاقان کته قورغان را

نیز جنگ کرده از دست ابازی کبرفته تاراج کرده مال اشبلی
 بسیار بدست در آوردند بعد از آن حاکم خواقند عالم
 خان و حاکم شهرسبز دانیال آنالیق و قراقلیاتی و خطای قبیچاق
 همه اتفاق کرده در بالای سمرقند آمدند ایلتنظر خان اورکنجی
 نیز بالای چهارجوی با لشکر بسیار آمده محاصره کرده امیر
 حیدر بتنگ آمد در سید ولی نعم میر حصار و در حاکم بلخ
 و در حاکمان آندخوی و مبینه آنچه و شبوغان خط روانه کردند
 که بزودی عسکرهاى خود را جمع کرده بدربار عالی بیایند
 خود امیر لشکر بخارا و اطراف جوانب جمع کرده بودند که از
 هر جا لشکرها فوج فوج رسیدن کیرفتن مقدار ده هزار کسی
 از لشکر بخارا با ده سرکرده معتد در بالای چهارجوی
 روانه کرده خود معه لشکر اطراف و جوانب آمد در سمرقند
 در آمدند عالم خان خواقندی و حاکم شهرسبز و خطای قبیچاق
 همه از بالای سمرقند برگشته بر قلعه‌های خود رفتن امیر
 حیدر در سمرقند پسر خود میر حسین توره را حاکم گذاشته
 بعد از آن معه قوشون آندخوی مبینه و سمرقند در بالای
 قلعه خطای قبیچاق رفته بیست روز جنگها کردند بعد از آن
 خطای قبیچاق در قلعه محاصره شد از آن جا برگشته بخارا
 رفتن ایلتنظر خان اورکنجی در بالای چهارجوی آمد محاصره

کرده لشکر بخارا رسیدن بعد جنگهای بسیار کرده آن نیز کشته
 اورکنج رفت امیر حیدر بخارا در آملک حاکم آندخوی ومیمنه
 وباخ را انعام احسان بسیار کرده اوزاد کردن ومیر حسین
 توره نیز در سرقند سپاه وفقرا را نوازشها کرده سریشته قلعه
 را نیز با تمام رسانیک و خبرداری کرده استاده بودند که باز
 خطای قبچاق وعالم خان خواقندی و دانیال آنالیق شورشیزی
 وقراقلیات بالای سرقند آملک سه ماه محاصره کردند بعد از دو ماه
 دروازه‌های سرقند را خاک ریز کردند سپاه وفقرا سرقند
 شب روز در بالای قلعه بر آملک خبرداری میکردند که از
 جانب بخارا چیر آمد که ابلتنظر خان اورکنجی با ترکان بسیار
 از دریای عاموبه گذشته نومنات و صحراهای بخارا را تاراج
 ویغما کرده استاده است امیر حیدر فقرا و سپاه بخارا امر
 کردند پیاده وسوان همه بر آملک رفتن امیر حیدر با لشکر
 اورکنجی رسیده مقدار ده روز جنگها کرده از دو جانب کس
 بسیار کشته شده اند لشکر اورکنجی پتنگ آمده اند میخواستن
 که در کیمها در آمده از دریا گذرند امیر حیدر قافیه،
 تنگی اورکنجی‌ها را دانسنه بیکپار حمله آورده در لب دریا
 رسیده اند بک کیمه خورد درونش پر بار حاضر بودست
 ابلتنظر خان از ترس خود را در آن کیمه کیرفته هنوز در

میان دریا نرسیده بودست که قضای الهی در رسید در میان
 دریا غرق گردیده است لشکر اورکنجی پیاده و سوان خودها را
 از پیم جان بر دریا انداخته اند از تعاقب نیز لشکر بخاری
 رسید آنیکه این جانب بود اینها بقتل آوردند درون دریا هر
 آمده بآب غرق شده از اورکنجیان اندکی خلاص یافتن لشکر
 بخارا ضمیمت بسیار کیرفته عازم بخارا گردیدن نقان شادیانه را
 در نوازش در آورده در قلعه‌های اطراف و جوانب مرصن
 ایلتنظر خان و شکست یافتن لشکر اورا نامه‌ها نویسنه روانه
 کردند و امیر حیدر خیر محاصره شدن سرفند را دانسته باز
 معه قوشون بخارا منزل طی کرده در سرفند آمده در آمدند
 بعد عدوان دانسته همه از بالای قلعه بر کشته در قلعه‌های
 خود رفتن امیر حیدر باز از سرفند بر آمده بالای قلعه
 چلک آمده خطای قبیچاق را محاصره کرده چهل روز قلعه را
 قبل کردند هر روز از قلعه خطای بسیار کس بر آمده جنگها
 کردند دیدند که بغیر از دو جانب کس مردن دیگر حاصل
 نیست طبل باز کشت را در نوازش در آورده جانب بخارا
 کشته آمده بعرض داد مردمان مشغولی نموده ایستادند و امیر
 نصر الله پسر خود را در قرشی و عمر خان پسر خود را در
 کریمینه حاکم کرده روانه کردند که باز اوزبکن این ولایت

باغی نشوند بعد از آن خطای قباقلان بر سرقند بر امیر
 حسین توره خطّ روانه کردند که مایان همه غلام و خدمتکار
 شان میباشد میدانیم که امیر حیدر بشان الطقات بسیار
 ندارند اگر مایان را بخدمتکاری قبول نمایند عهد و امان
 مینماییم شان بدولت بر تخت سرقند نشینند مایان خدمت
 کرده تا بتخت بخارا بلکه خود بخارا را هم از امیر حیدر
 کپرفته بشان تسلیم مینماییم امیر حسین در علم و تدبیر زمانه
 بسیار معلوم و مشهور بودند هفت هشت سال باز ولایتها
 مزبذب و ویرانی شده ابستاده دشمنان از هر جانب سر
 برداشته غارت و بغما کرده کشته اند بر اینها عهد امان کرده
 بخود کبرم بلکه بعد از چند گاهی بفرمان و اطاعت امیر حیدر
 دلالت نمایم مثل سابق ولایتها آرامیده شود گفته در خطای
 قباقلان خطّ و آدم روانه کردند که آدینه قل و معمور هر دو
 در بیرون قلعه سرقند آیند ما از درون قلعه چند سرکرده
 را بر آورده هر دو جانب عهد و امان کرده بعد بمصاحت
 کار میکنم خطّ و آدم امیر حسین توره رفتن زمان آدینه قل
 بی و معمور بی هر دو وعده کرده روانه کردند که بعد از
 پانزده روز بخدمت میرویم صد صد دوصد دوصد سرکرده
 و صلدارهای خود را گفته اند که سرقند رفته امیر حسین

را دیده دها کرده آیدستان هر دو ولایت اکنون یکی شد
خطای قباغان سرفند آمده میر حسین را دعا کردند امیر
حسین بر اینها سرپا ونوازشهای بسیار کردند در سدد روی
دیدن پدر بودند که در بخارا امیر حیدر خیر شتیک اند که
میر حسین توره با خطای قباغان یکی شده اند در بالای بخارا
قوشون کشیک می آیند امیر حیدر لشکر بخارا وتومناات را جمع
کرده بر سرفند درآمده مقدار ده روز ایستاده محمد سخر بی
این دولت قوشبیک را حاکم کرده میر حسین تون را همراه خود
کیرفته بخارا لوردند خطای قباغان هفت سال در بخارا یاغی
شد هر سال وقت زراعت امیر حیدر رفته زراعت اورا تلف
کردن وقتش تنگ شده حاکم شهرسبز و حاکم حصار را واسطه
کرده امیر حیدر از سر کنه آنها در گذشتن آدینه قل بی
ومعمور بی بخنمت امیر آمده عنبر گفته باز مثل سابق بجایهای
خود قرار کیرفتن در سنه ۱۸۲۵ بود بعد از که ایلتنظر خان
بر دریا غرق شد رحیم خان برادرش حاکم شد همان در
بخارا یاغی بود بعد از وفات رحیم خان الله قلی خان پسرش
حاکم شد با امیر حیدر صلح نموده آشتی شد در سنه ۱۸۲۵
امیر نصرالله که در قرشی حاکم بودند میر مظفر توره پسر
حاضر شان تولد یافت توی میدهم گفته امیر حیدر را خیر کردند امیر

حیدر از بخارا با پنج هزار کس در قرشی رفتن مقدار پانزده روز نوی داده بهر کس اکرام و احسان بسیار کردند بعد از آن امیر حیدر عازم بخارا گردیدند در اثنای راه کسل هارض شد بنوعی کرده در بالای اسب نشاند در بخارا در آوردند مقدار هژده روز در پستر مرض خابده بودند در این هژده روز بغیر حکیم قوشبیکلی و مقیم بی دیگر ارکان دولت نزد امیر حیدر نمی در آمدند خواست این هر دو در پادشاهی امیر نصر الله بود حکیم قوشبیکلی و مقیم بی همیشه در فکر آن بودند روز هژدم که امیر حیدر ساعت هشت وفات نمودند حکیم قوشبیکلی بکسی اظهار نا کرده بر گل سرکرده‌گان درون شهر بوده‌گی خبر فرستادند که زود در بالای ارک جمع شوند که امیر حیدر سپارش دارند تا ساعت ده سرکرده‌گان و هملداران درون شهر مقدار دو صد کس جمع آمدند بعد قوشبیکلی گفتن که بناگاه اگر امیر حیدر وفات یابند از پسران شان شمایان کدام را میخواهید همه گفتن هر کدام را که شما خواهید چرا که حکومت بالای ارک بفرمان قوشبیکلی میباشد همه از ترس اختیار را با قوشبیکلی گذاشته اند قوشبیکلی گفتن امیر حیدر ملامت سپارش عالی آنکه سرکرده‌گان همه خط مهر کرده در میر نصر الله روانه کرده کیرفته آرند اگر حوادث شود در اینجا

حاضر باشند سرکرده‌ها دیده اند که بغیر از راضی‌کی دیگر چنان نیست در امیر نصر الله عریضه نویسته ساعت ده روانه کردند اللوق بیگ نام و شریف نام را در همه سرکرده‌گان قوشبیکلی امر کردند که نا امیر نصر الله آمدن همه در بالای اراک باشند و در دروازه اراک نیز قوشبیکلی آم آمدن کذاشتن بالای اراک کسی را فرآمدن و برآمدن نکندارید

واقعه میر حسین

امیر حیدر وقتکه میر حسین نوره را از سرقتد بیکار کرده آورده بودند همه عملدار و خدمتکاران تون را کیرفته بودند مقدار بیست سی غلام ده دوازده خدمتکار معتمد شان بود ساعت یک محرم امیر حیدر پنهانی در خانه میر حسین خیر آورد که چه خبر دارید که امیر حیدر وفات یافتن قوشبیکلی و جمیع سرکرده‌گان در امیر نصر الله خط راهی کردند اول پگاه خواهند آمده شما را هم بقتل خواهند رسانید میر حسین تون خبر را شنیدن بعد بجز کرختن دیگر چاره نیافتن ده پانزده اسب را فرمودند که حاضر کرده پیارید اسبها را حاضر کرده آوردند زمان از حوالی درون مادر امیر حسین کیربان شاه بر آمدن گفتن که شما باده پانزده کس بیج

جا رفته نمیتوانید و در هر جاه و در هر راه شمارا خواهند
 کبرفته بقتل رسانیدن توکل با خدای هژده هزار عالم کردا
 بدروازه، ارک روید در آنجا کشته شوید نامی خواهد مانده
 در امیر حسین نیز معقول افتاده وداع کرده از حوالی بر آمده
 بهر جانب غلامان آواز دادند که فقرای که هستید جمع شد
 بیابید که امیر حیدر وفات یافته اند امیر حسین تون بالای
 ارک میروند از جهت که فقرای بخارا بر امیر حسین اخلاصی
 بسیار داشتن در میان نیم ساعت بیست سی هزار فقرا جمع
 شد آمدند امیر حسین معه ده خدمتکار شان سواره دیگر فقرا
 همه پیاده بدروازه، ارک آمدیم امیر حسین را دیده دروازه
 رک را محکم کردند دروازه را که محکم کردند فقرا همه هر
 جانب کریختن کمان فقرا بود که از قوشبیکگی بر امیر حسین
 کس آمده آورده باشند بعد از که فقرا همه جانب رفتن
 در تحت دروازه، ارک معه امیر حسین ده سوار باقی نماند
 در این زمان همه حیران بودند که چه کار کنند در بخارا
 دو دیوانه، مشهور بود آنها حاضر آمدند بر نوره کفتن همه
 از اسپها فروز آمده بر تحت دروازه، ارک بیابید مایان با
 نبر دروازه را میشکنیم امیر حسین از اسب فروز آمدند
 دیگران نیز فرآمده تحت دروازه آمدیم که از بالای درواز

آدمان قوشبیکلی آواز دادند که امیر حیدر سلامت میباشند چرا
آمدید کردید و الا نخواهیم گذاشتن بر سخن آنها کوش نا
کرده بتحت دروازه رسیدن زمان از بالا سنکها انداختن بر
هر کس چهار سنک پنج سنک رسیده از همه خونها جاری
شد يك ملتيف نیز انداختن يك آم وفات شد بعد از آن
دیوانه دروازه را سه چهار تبر زده بود که دروازه بدان
غوسی شکست در امیر حسین عقل هوش نمانده بود و قوت
راه رفتن نیز نمانده دو غلام در کتف خودها برداشتن در
بالای ارک بر آمدند در بالای ارک دو سه هزار کس دو
صد سیصد سرکرده و عملدار همه پنهان شاه اند اگرده پانزده
کس بیاید امیر حسین اینها را بقتل میرساند چهل پنجاه
هزار فقرا همه در بالاهاى بلم ودر بالاهاى مدرسه نماشا کرده
ایستاده اند خلص امیر حسین با ده کس درون ارک درآمده
تا مهمان خانه رحیم خانى رفتن کسی سدّ راه نشد بعد از
تعاقب فقرای بسیار غولو کرده برآمده اطراف امیر
حسین را احاطه کرده کیرفتن بعد از هر جانب سرکرده کلن
آمدن در پای امیر حسین افتاده بوسها کردند بعد از آن بر
سرکردهها گفتن بابای ما حکیم قوشبیکلی بیارید از سر
کناه شان درگذشتیم در زمان رفته قوشبیکلی را آورند

قوشیکی کریان شد امیر حسین الثقات بسیار کرده. قسم باد کردند که شمارا نخواهم کشتن نترسید بعد از آن نقاره‌های شادبانه را در نوازش در آوردند وقت غروب شد مشعلهای بسیار کبراندند شمعهای بسیار کبرانبیه خطّ نویسا را طلب کرده بر همه قلعه‌ها شادی‌نامه نوشتن در امیر نصر الله نیز خطّ نوشتن کلّ خطها تا نیم شب تمام کرده هر یکی را بدست یکی محرم داده بر آورده اوزاد کردند بعد از آن صبح دمیدن زمان امیر حیدر را جنازه خوانک فرمودند برده دفن کردند بعد از آن آلوق بیک و شریفی که خطّ سر کرده هارا در امیر نصرالله برده بودند بسرعت تمام راه رفته ساعت ده شب در قرشی در آماک خطها را سپاریک اند امیر نصر الله از مضمون خطّ آگاهی یافته فرموده اند که چرچی‌یان خبر زده در اسپها سوار شوند خودی امیر نصرالله با دو صد سبصد کس حاضر سواری کرده در راه در آماک اند تا بوقت صبح بکسی سخن ناکرده در ناز آمده در خواجه مبارک نام هفت فرسخ از قرشی آمده اند نگاه کرده اند کسی اندکی دپکران در راه مانک اند تا بر آمدی آفتاب توقف کرده مقدار هزار کس جمع شده باز سواری کرده اند قریب چاشت بهاشت نام سردابه رسیده اند پنج فرسخ از بخارا باز در

اینجا فرآمده جمع شده در شهر درآبم گفتگی وقت به از
 جانب بخارا محرم خط امیر حسین را آورده کی میرسد خط را
 کشاده دیدن زمان امیر نصرالله از هوش رفته هر کدام
 لرکان دولت دلداری داده در اسب سوار کرده جانب قرشی
 پیش کشته رفته در قرشی درآمده در تدارک جانب شهرسبز
 معه کوچ رفتنی بودند امیر حسین شنبه آدم و غنم روانه
 کردند که نترسند گریخته نروند این ولایت بر همه مایان
 کفایت میکند بعد از آن امیر نصرالله شاد شده تارتوق
 بسیار روانه کردند عمرحان نوره نیز از کرمینه تارتوق
 بسیار روانه کردند زبیره خان همزه خان صفدر خان سه برادر
 شان در شهر بخارا شب روز بخدمت امیر حسین بودند در
 اینها اکثر اغلب مهربانی‌های فراوان میکردند در تخت بخارا
 امیر حسین جلوس کرده در سپاه و فقرا امانهای بیشمار کردند
 مقدار سه ماه سلامت در بخارا حکومت کردند حکیم قوشبیک
 همیشه از امیر حسین وهم داشت و پادشاهی امیر نصرالله را
 میخواست مقیم بی اکه داشت شریف بیگ نام همیشه بخدمت
 امیر حسین بود اکثر دواها را بخته میداد حکیم قوشبیک بر
 بیگ شریف دو هزار طلا داده باز وعده‌های بسیار کرده
 چند مثقال الماس سوده کرده را داده است که در میان دواها

انداخته بدهید شریف بیگ الماس سوده را در میان دواها کم
 کم داده بعد از سه ماه الماس اثر کرده در امیر حسین
 مریض افتادند روز تا روز کسل زیاد شد امیر حسین بر
 ارکان دولت وصیت کردند که عمر خان به خط روانه کنید
 معه عسکر کرمینه آمده بیرون شهر بخارا ایستد از این
 کسل امان نخواهم یافت هرچه بعد من عمر خان در شهر در
 آمده صاحب شود اگر میر نصر الله در آیند در خورد ریزه‌گان
 ما بسیار جفا خواهند کردن بفرمایش امیر حسین خط روانه
 کرده عمر خان را آوردند در بیرون شهر مقدار هشت روز
 ایستادند امیر حسین هرژه روز کسل خواب کرده وفات یافتن
 همان ساعت عمر خان معه عسکر کرمینه در اراک بخارا برآمد
 سپاه فقرا آمده دست بیعت دادند

واقعه عمر خان

چند روزی با سپاه فقرا نوازشها کردند اما شب روز شرب
 خمر و عرف مبتلا بودند کم کم در میان مردم شهوت یافته بهر
 جانب شایان شد از شهر بخارا نبرآمد از ولایتها خبر نگرفت
 بی پروای عمر خان را امیر نصرالله دانسته با لشکر قرشی
 جانب سمرقند رفتن در سمرقند محمد صفر بی حاکم بود بر

آمده میر نصرالله را در سرقند در آورد در بخارا خبر آمد
 هرخان با قوشون بخارا معه توبخانه برآمده کریمینه آمدن
 امیر نصرالله در سرقند چهار روز ایستاده بالای کته قورغان
 آمدند حاکم کته قورغان نیز برآمده دینه تسلیم کرد در
 کریمه خبر آمد که کته قورغان را نیز فتح کردند مبار
 کته قورغان و کریمینه نه فرسخ میباشد بخدمت عمرخان مقدر
 بیست هزار لشکر بود سی سرکرده را معه سه برادر شان که
 زبیره خان همزه خان صفدر خان بود با چهارده هزار کس
 روانه کردند که رفته جنگ کنید اینها در نصف راه رفته بودند
 که امیر نصرالله نیز از کته قورغان برآمده اند در راه
 ملاقی شدن سرکردهها معه سه برادر شان شمشیرهارا بر
 کردن خود حمایت کرده از اسپها فرآمد بخدمت امیر نصرالله
 رفته دست بوسی کرده اند وقت پشن یعنی نصف روز بود
 که در عمرخان خبر آمد که لشکر فرستاده اتان همه رفته
 در امیر نصرالله همراه شدند امیر نصرالله در بالای شا آمده
 ایستاده اند همه دیکهای آتش را در زمین ریخته باضطراب
 تمام چادرها را ویران کرده عمرخان معه چهار پنج هزار
 کس حاضر توبخانه را پیش انداخته جانب بخارا عازم گردیدیم
 برفتار توبخانه ساعت ده شب در آفساج نام قلعه کهنه سه

فرسخ بخارا به آمده فرآمدیم که از چهار پنج هزار کس تخمین ششصد کس بیش نماند است همه سپاه عقیب کشته بخدمت امیر نصرالله رفته اند عمرخان نیز وهم کرده باضطراب اسپهای توپخانه را دم داده باز بار کردند جانب بخارا رفتن بنده همیشه با ده دوازده میربچه‌گان آشنا سوای قوش بودیم آنها نیز در آفساج مشورت کردند که همه بخدمت امیر نصر الله رفته اند مایان نیز میرویم گفته نیم شب از آفساج بپس گردیده سری آفتاب بود که در خام رباط نام موضع آمده فرآمدیم از خام رباط باز بسرعت تمام راهی گردیده چاشت گاه در ملک نام موضع آمدیم که امیر نصر الله با عسکر بسیار نمودار شدند همه از اسپها فرآمده سلام کرده دست بوسی کردیم مقدار چقریم راه از احوالات عمرخان سوال کردند نوازشهای بسیار نموده در اسپان سوار گردیدیم نماز عصر بدولت آمده در خام رباط بلرگاه را بر پا کرده قرار کیرفتن از جانب بخارا ده ده بیست بیست اهل سپاه آمله دعا کرده همراه شده ایستاده اند باز وقت صبح بود که بدولت سواری کرده جانب بخارا عازم گردیدند چاشت در وغازی نام موضع آمده فرآمدند بلز از آنجا سواری کرده قریب غروب در غُربون نام موضع يك فرسخ بخارا فرآمدند بلز

وقت صبح سواری کرده آمد در بازارچه نام موضع چهار چنبرم از بخارا فرار کیرفتن عمرخان همه دروازه بخارا را خاک ریز فرموده اند مگر دروازه جانب امیر نصرالله کشاده مانده هر روز از درون بخارا پنج هزار کس بر آمده کتر جنگ کرده باز میکشتن بعد از ده روز آنرا نیز خاک ریز کردند از درون شهر هر روز دو صد سیصد توب در قوشون امیر نصرالله هوا میدادند در میان قوشون تیرش آمده می افتاد مقدار چهل روز قبه کرده خواب کردند بعد از چهل روز در لشکری خرجی نمایند باران زیاده شد مردم بتنگ آمدند و هم نیز خبر آمد که سرفند و کته قورغان و جمیع میانکل بلز بجانب عمرخان کشته اند و هم مقدار هزار کس از جماعه نیمین از کته قورغان شباشب آمد در شهر بخارا بخدمت عمرخان درآمدند امیر نصرالله اضطراب شدند اما هر روز جاسوس امیر نصر الله در شهر بخارا در آمده در حکیم قوشبیککی خطا برده خطا می آورد قوشبیککی تنها علاج قلعه را دادن نتوانست چرا که عمرخان اختیار شهر را در اباز بی نام و رجب بیک دادخواه نام گذاشته بوجه اند بیکر و حبله بسیلر حکیم قوشبیککی اباز بی را و رجب بیک دادخواه را بخود کیرفته در امیر نصر الله نویستن که بعد از سه شب خدمت دروازه آیند

شهر را می‌دهم بشب و عا با لشکری تحت دروازه رفتن داده نوانستن باز کشته بجای خود قرار کیرفتن قوشون امیر نصرالله قریب بود که ویران شود باز از درون قوشبیکى خطّ کردند که فردا شب سه‌شنبه معه لشکر تحت دروازه بیابند خواهم کشاده دادن در این دروازه عمرخان ایاز بی را گذاشته بودست معه توپخانه قوشبیکى با ایاز بی مشورت کرده نیم شب دهن توب را جانب شهر کرده حاضر بودند امیر نصرالله نیز با کُل لشکر تحت دروازه رفتن خاک دروازه را از درون ایاز بی خالی کرده وقت صبح بود که لشکر امیر نصرالله در شهر درآمده از تعاقب وقت فرض بود که امیر نصرالله نیز در آمده بالای دروازه‌خانه برآمده نشستن لشکر را فرمودند که از سپاه درون شهر هر کرا یابند قتل نمایید و هم خانه سپاه را تاراج کنید لشکر بهر جانب اسب ناخته رفتن یکنه دونه سپاه واخورده را کیرفته آورند نشان دادن زمان قتل کنید گفته امر کردند مقدار یکنیم ساعت در بالای دروازه نشستن چهار پنج هزار کس را در پیش دروازه بقتل رسانیدند باز در کوچه‌ها کسی بسیار را بقتل رسانیدن تخمین هفت هشت هزار کس همین روز کشته شد گفتن حکیم قوشبیکى وایاز بی در بالای دروازه‌خانه آمده امیر را زیارت کرده

بعد از آن امیر را در اسب سوار کرده بالای ارك روان شدند عمرخان دانسته که امیر در آمدند علاجی نیست خان پادشاه نام والده اوکی عمر خان بود در خانه خلن پادشاه در آمده پنهان شده اند ایشان نقیب جین امیر حیدر که بیست سال شد که در اورنبورخ آمده یکسال ایستاده جانب اورکج رفتن ایشان نقیب در وقت امیر حیدر پانزده بیست سال در میانکال در پنجشنبه نام قلعه حاکم بودند همه سپاه و فقرا نقیب را میخواستن میان نقیب و عمر خان چیزی ضبار شده بود بنا بر آن نقیب در قرشی در امیر نصر الله رفته امیر نصر الله را جانب سر قند بردند سبب ولایتها را کبر رفتن ایشان نقیب بودند در فتح بخارا نیز تدبیرها را نقیب کردند وقت صبح در بخارا در آمدند اول نقیب معه ادمهای خود در آمده توغری بالای ارك رفتن خان پادشاه بر نقیب التماس کرده اند که عمرخان را طلب کرده کیرید که باز قتل نکنند امیر نصر الله دروازه ارك آمدن زمان نقیب عرض کردند که عمرخان را بر من بخشید امیر نیز بشما دادیم گفتن امیر بالای ارك بر آمدند عمرخان را نقیب فر آورده همراهش خانه خود برد دو روز در خانه خود داشته بعد از آن دو سه ترکمان را همراه کردند که برده تا مرو

گذارید از آنجا نرکانهای دیگر برده در هرات مانند عمرخان
 سلامت در هرات درآمد بعد امیر نصر الله پادشاه شد تا یکماه
 هر روز پنجاه کس صد کس را کشتن بسیار آدمان جانب شهر
 سبز و اورنج کرینخته رفتن بند با وجود که بخارا را همراه
 درآمد باز شهرسبز رفتن مقدار یازده ماه در شهرسبز بودیم
 کریمه در شهرسبز بسیار بود حاکم شهرسبز دانیال آنالقی
 بر همه رفته‌گان بسیار التغات و مهریگی کردند بعد عمرخان
 در هرات یکماه ایستاده پانزده کس از تعائب رفته همراه
 شدند بعد از آن حاکم هرات کلمران شاه رخصت گیرفته
 آندخوری و مینه آمد بالای باغ قتی قندوز رفته از قندوز
 قرانیکن از قرانیکن میان کوهستان قتی خواقند رفته درآمد
 بعد از آن بشهرسبز خط روانه کردند که همه شهرسبز بوده‌کیها
 خواقند بیابند یکجا باهم باشیم بعد از خط آمدن پنج پنج ده هر
 کدام برآمد جانب خواقند رفتن بنده نیز بالای حصار قتی
 قرانیکین رفته خواقند درآمد محمد علی خان حاکم خواقند
 در عمرخان و در آدمان رفته بسیار مهربانی‌ها کردند مقدار
 صد آدم بیشتر همه در حوالی عمرخان در یکی بودند
 هفته یکبار بامر محمد علی خان کل سرکرده‌های خواقند
 آمده سلام داده می‌رفتند هر روزه خراجات حوالی عمرخان را

محمد علی خان میدادند هفته یکبار سرپاها روانه میکردند
سال یکبار نیرمه‌ماه در یارمزار نام قلعه از برای شکار مرغ
محمد علی خان میرفته از با قوشهای بسیار در عمر خان نیز
کس فرستادند که معه آدمان شان برآیند عمر خان پنجه
آدم همراه کیرفتن هر ساله نظام محمد علی خان بودست که
شش هزار تا سرکرده تا محرم تا شاکرد پیشه همه را روی
خط میکردند است هر روز در هر منزل که فرآیند بقطر
آدم همان قوش چای قند معه کل اسباب درکاری قوش بقوش
خدمتکاران آورده میداده اند از خوابند مقدار هفتاد فرسخ راه
بوده است داخل یارمزار شدند خود خان در درون قلعه یارمزار
فرآمد عمر خان و دیگران در هر حوالی‌ها فرآمدند مقدار هزار
قوش زیاده‌تر خان داشته صد قوش همیشه با خود خان دیگرهارا
بهر کسی سپاریده بوده اند هر روز همه قوشها را در
کول در آورده در مرغ هوا میدادند هر قوش ده مرغ پانزده
مرغ شکار میکنند بعد از نصف روز خود خان از کول مرغ
بسیار کیرفته میبرآید دیگران نیز مرغ شکار کرده را در لب
دول نگاه داشته می ایستند در خان منظور کرده همراه در
حوالی خان می آرند خان بهر قوش بقدر آدمش پنج پنج
ده ده روانه میکند مرغ بازی نوق زیاده بسیار میشده است

شانزده روز شکر کرده جانب خوانند گردیدند بیست عربه مرغ نمک کرده بار کرده خوانند آورده در خانه هر کس رفتگی و نارفتگی پنجاه ته صدته مرغ روانه کردند مقدار پانزده ماه عمر خان بخوبی گذرای کرد بعد از آن در خوانند وبای زور شد عمرخان روز جمعه وبا رسیده خواب کرد خان شنیده چهار پنج حکیم روانه کرده بسیار معالجه کردند مفید ناقتاد بوم شنبه نصف روز بود که وفات یافت عمرخان وصیت کرد که اگر من فوت شوم جسد مرا خان بخارا روانه نمایند در محمد علی خان کفن در بخارا ایچی کرده جسد عمر خان را صندوق نیاری کرده انداخته روانه کردند از آدمان عمر خان یازده کس با مرده همراه رفتن دبیران را محمد علی خان بخدمت خود کبرفت یازده کس که همراه مرده بخارا رفته بودند چهارش را حضرت امیر قتل کرده اند دیگرانش باز کریخته هر جانب رفته اند جسد عمر خان را در پس دانیال آنالیقی بابلی شان در مزار شریف دفن کرده اند از عمر خان در خوانند يك پسرچه بود آن هم دوساله شاه وفات کرد

ذکر جور و جفای امیر نصرالله

بعد از وفات عمر خلن در خواقند از بخارا خبر آوردند که حضرت امیر بهادران شان زبیره خان همزه خان وصغر خان را در نره زوم نام قلعه چه در لب دریای عبویه هست حاکم نما کرده معه زن فرزند و مادرهای شان روانه کرده بعد از یکماه غازی بیگ نام را معه میر شب روانه کرده اند سه توره را معه زن فرزند مادران شان بقتل رسانیدند همرا در همانجا دفن کرده آمدند سرکرده و عملدارها بکه از وقت امیر حیدر مانده بودند در میان شش هفت سال همه را از منصب های شان بیکار کرده مال اشیاهای شان را هم کیرفته تمام کردند آبا و اجداد آنها اکثر دو صد سال سه صد سال در پادشاهان بخارا خدمت کرده نصب بنصب آمده بودند الحال زن فرزند آنها بکندای لوقات میکنند این عملداران و سرکرده کان الحال همه بی اصل و بی نصیب میباشند

بیان واقعهٔ حاکمان کاشغر

بعد از عمر خان وفات یافتن محمد یوسف خواجه از بخارا در خواقند کربخته آمدند نصب محمد یوسف خواجه حضرت مخدوم اعظم نام در بک فرسخ سرقند بزرگ وار هستند وفات

حضرت بزرگوار قریب بچهار صد سال میباشد در وقت
 حیات بزرگوار اکثر ولایت کاشغر و ولرکند و خطن و آقسو
 آمدن پشان داخل شاه اند بعد از چند سال اهلی آن ولایتها
 آمده يك پسر حضرت بزرگوار را طلب کرده کاشغر برده
 اند از شان نیز در آن ولایت دو پسر شده است حسن
 خواجه و حسین خواجه نام در آن ولایتها نیز دو جماعه میباشد
 آق تاغلی و قره تاغلی آق تاغلی در حسن خواجه مرید شده
 آند قره تاغلی بر حسین خواجه این دو جماعه دو خواجه زاده
 خود را حاکم کرده اند در کاشغر یازکند خطن حسن خواجه
 حاکم در آقسو ایله حسین خواجه حاکم شاه اند مقدار پانزده
 بیست سال حکومت کرده اند از هر کدام اینها فرزندانهای
 بسیار شده بعد از مدتی حسین خواجه بدین حسن خواجه
 کاشغر آمده بودند قضای الهی آمده همه بکررا دیده غم شادی
 باهم گفته در میان همین شب حسین خواجه وفات یافته اند
 خورد کلان مطلع شدن بعد جماعه قره تاغلی با جماعه آق
 تاغلی بسیار نزاعها کرده کس بسیار از دو جماعه مرده شد
 کان قره تاغلی شد که حسن خواجه تنها حکومت کنم گفته
 برادر خود را کشته باشد بعد از آن حکومت هفت شهر بر
 حسن خواجه قرار یافت اولاد حسن خواجه مقدار دو صد سال

در هفت شهر پادشاهی کردند همه اهل منصب را از آق تاقلی
 میکردند جماعه قره تاقلی خوار و ذلیل بودند دهگلی و کسب
 میکردند جماعه قره تاقلی از حسب و رشیک اکثر در حاکم
 خطای پنهانی خطا میکردند که لشکر روانه کنند مایان خنمت
 کرده هفت شهر را کبیرفته میبرهیم مقدار يك صد بیست سال
 میشود که آی خواجه و کون خواجه نام برادران در هفت شهر
 حاکم بودند که خطای لشکر فراوان راهی کرد مقدار هفت
 سال جنگ کرده آخر خواجه کل تنگ شک همه در قلعه کاشغر
 درآمده محاصره شدند دیدند که قلعه کاشغر را هم نگاه داشته
 نمیتوانند يك پسر کلان خود را گفتن که اکنون مایان شهید
 خواهیم شد این قدر خزینه چندین ساله جمع شده ایستاده
 است شمارا معه زن فرزند خزینه پنهانی بر آورده اوزاد
 کنیم بالا بر بدخشان قتی بخارا روید شاید سلامت رسد که
 نسل مایان شاید برهم نخورد خلص پنجمد کسی جرّار همراه
 کرده بر آورده روانه کردند بعد از چند روزی خطای کاشغر
 را کبیرفته همراه شهید کرد این پسر خواجه در بدخشان
 سلامت آمدند حاکم بدخشان چند روزی مهمانداری کرد سلطان
 شاه نام بود ارکلی دولت بسلطان شاه عرض کردند که خزینه
 بسیار خواجه همراه خود آورده است چرا این خزینه را میکندارید

که مفت و رایگان رود شیطان نیز وسوسه و اغوا کرد گفتن
 پنجم کس جرّار دارد چه باید کرد کهنه سالهاش گفتن فلان
 دره هست بیش محکم میباشد راه بخارا گفته سرکرده در آن دره
 درآورده بعد از آن دو جانب دره به ملتق دارها را
 میکنداریم همه را خواهند با ملتق پرانیدن بعد از چند روز
 خواجه رخصت کبرفت و راهبر طلب کرده کبرفت راهبر در
 آنجا برده کربخته پس آمد بعد از کربختن راهبر از مکر
 اینها واقف شدند پسون کرد خواجه يك پسر دوساله داشت
 با آرزوی بسیار و معه يك آدم در میان کزکوه گذاشتن که
 شاید سلامت ماند که نسل مایان باقی باشد بعد از آن خود
 اینها جنگ کرده همه زن مرد را قتل کرده خزینه بسیار را
 سلطان شاه صاحب شد سلطان شاه برخطای خطّ و اباجی روانه
 کرد که دشمن شمارا کبرفته کشتم حاکم خطای نیز انعام
 بسیار راهی کرد و هم در هفت شهر بدخشی را حرمت کنند
 از سوداگرش باج نکیرند از زن فرزند اینها آلق سالیق
 نکیرند گفته فرمان کرد الان نیز بدخشی در آن هفت شهر
 با حرمت میکنند پسر دوساله آن مرد بعد از چندگاه که
 همه قرار کبرفتن کوه بکوه آمد در اورنپه داخل شد حاکم
 دانسته بچه را تربیت کرده کلان بخارا روانه کردند حاکم

بخارا نیز تزیینت کرده ننگه دلش را این محمد یوسف خواجه نبیره
 ن خواجه میباشند محمد یوسف خواجه بر امیر حسین از
 خوردی همراه بود امیر حسین همیشه انعام احسان میکردند محمد
 یوسف خواجه بخوانند در آمدند محمد علی خان بسیار عزت
 کرد بعد از دوماه از محمد علی خان مدد طلب کردند که
 رفته ولایت آبا واجداد را از خطای طلب میکنم گفته محمد علی
 خان بیست هزار عسکر همراه کرد از اهل کاشغر مقدار ده دوازده
 کس در خوانند بودست همه در خواجه آمده همراه شدند بنده
 نیز باهم جهت قدر دان بودن تمنا گفته همراه در کاشغر رفته
 پانزده روز راه رفته در قراول خانه اول رسیدیم مقدار دوصد
 خطای بودست سه چهار ساعت جنگ کرده کیرفته خطای هارا
 کشتن در این جا شب قرار کیرفتن در پیش نیز دو
 فرسخ راه قراول خانه دارد گفتن در قراول خانه پیش چند
 جاسوس روانه کردند که خبر کیران باشند نیم شب خبر آوردند که
 از کاشغر انبال سزده هزار خطا روانه کرده است که رفته در
 قراول خانه درآید تا که عسکر خوانند جانب کاشغر نیاید قراول
 خانه میان دو تاق بالای راه انداخته بودست مقدار پنجم
 خطای از اول در این قراول خانه بودست نیم شب خبر را
 شتیدن زمان خواجه در لشکری خبر داده سواری کردند از

يك جانبه قراول خانه بناركي شب گذشته بالای راه را کيرفتن
 صبح دمیدن بعد نگاه کردیم که سزده هزار خطای آمدند
 دیدند که راه قراول خانه را کيرفته اند در آمده نتوانند دو جانب
 راه دو کوه بلند بود خطای دو بولك شک در بالای دو کوه هر
 آمدند در میان کرگاه کوه قرار کيرفتن دو جانبه ملتق پرانید.
 بنصف روز جنگ کردند از دو جانب کس بسیار مرد بالای
 سر خطای ها باز کوه بلند بود خوانه حمل بسیار کرده مقدار
 صد میرکان را بالای سر خطای ها در کوه بلند برآورده آن
 میرکن ها از بالا این عسکر خواقند از پایان شده در تحت
 ملتق کيرفته مقدار سه چهار هزار خطای را در زیر ملتق
 هلاک کردند خطای ها دیدند که بغیر از مردن هلاچی
 ندارند خود را بهست خود کشتن در قانون آن ببین ها
 صولب بودست کشت روز بود که بعضی از خطای ها کارد را
 در شکم خود خلانیده سرنکون از بالای کوه خود را در
 پایان هوا دادند بعضی خلنه دارو را در بغل خود کرده آتش
 را در بالای آن گذاشته سرنکون از بالای کوه هوا دادند همه
 عسکر خواقند این واقعه را دیده در زیر کوه آمده ایستادیم
 بعضی ها نیم جان بعضی بی جان بعضی میده میک شک بزیر کوه
 آمدند کل خطای مرده تمام شد مقدار چهل پنجاه قلماق لا لا

گفته از بالای کوه براق خود را پرتافتند جانب خواجه آمدند
 اینها را نکشته نگاه داشتن از بغل هر کدام خطای مرده کی یک
 بامبو نیم بامبو صکری یافته کیرفتن ملتق و کلن و نیزه شمشیر
 را آورده بخواجه سپاریدند غنیمت بسیار عسکر خواقندی حاصل
 کردند این شب نیز در اینجا قرار کیرفتن دیگر خطای که
 در قراول خانه بود بحال شان گذاشتن کاشغر فتح شدن بعد
 خواهند پرتافتند برآمدن گفته اول نگاه سواری کرده جانب کاشغر
 روانه گردیدند از این قراول خانه تا کاشغر دولزده فرسخ راه
 بودست روز حوم بود که شب در یک فرسخ کاشغر خواجه معه
 لشکر آمده فرآمدن زمان بود که اهل کاشغر زن مرد خواجه پیرم
 گفته آمدند تا نیم شب مقدر چهل پنجاه هزار کاشغری در
 اطراف خواجه جمع شدند در کاشغر از آنچه عملدار و صاحب
 منصب که از قره ناقلی بود همه در کلباغ خطای رفته در
 آمدند از کاشغر تا کلباغ خطای یک فرسخ راه بودست اول نگاه
 بود که کاشغریان خواجه را در میان کیرفته معه عسکر خواقندی
 در شهر کاشغر فرآمدند سرکرده های قره ناقلی از نرس خواجه
 آن کلباغ خطای در آمدن بودند سرکرده های خواقند زن بچه های
 آنها را کیرفته قند و قساس بسیار کرده مال بسیار یلقته کیرفته
 در محمد علی خان در خواقند روانه کردن از زن بچه های بعض

ایشان مقدار هزار پامبو بگ نیم هزار پامبورا سرروی ضعیفان از طلا از جواهرات درستی کرده بودند یافته کیرفتن محمد یوسف خواجه رعایه^۶ خان را کرده بر سرکرده‌های خواقندی چیزی نگفتن بعد از کاشغر در آمدن در بالای کلباغ خطای رفته محاصر کرده مسکر خواقندی خواب کردند خود محمد یوسف خواجه معه قوشون کاشغر که جماعه^۷ آق ناقلی باشد برآمده بالای بارکند رفته بارکند را نیز فتح کرده در آنجا اقامت نمودند شش پنج ماه حکومت کرده بودند که یکبار در کاشغر لوانه افتاد که خطای بسیار در فیض آباد نام موضع آمده است و باز خطای بسیار بالای بارکند هم رفته است از فیض آباد تا کاشغر ۱۳ فرسخ راه میباشد قوشون خواقندی بمجرد آوازه از بالای کلباغ چادرها را ویران کرده در کاشغر آمد از کاشغر نیز جانب خواقند راهی شک فی شک اسبابهای خود را بار کردند آق ناقلی این حال را دیده مال اشیای خود را در اسبها بار کرده آقی که سواده نداشت زن بچه^۸ خود را پیاده در میان مسکر خواقندی همراه شده برآمدند پنجاه شصت هزار از زن مرد کاشغر برآمد گفته نخمین کردند از ترس آنکه خطای بیاید جماعه^۹ آق ناقلی را قتل خواهند کردند گفته اکثر اینها برهنه کرسنه باز هوا سرد شد در راه مقدار ده هزار کاشغری وفات

شد از کاشغر سه روز ابن جانب آمده در موضع کلن
 قورغاشیم نام فرآمده بودیم که محمد یوسف خواجه نیز با دوسه
 هزار آق تاقلی از پارکند کریخته آمد در قوشون همراه شد
 منزل بینزل طی کرده در خواقند درآمدم از تعاقب خیر
 آمد که خطای در پارکند و کاشغر درآمده هشتاد هزار آق
 تاقلی را بقتل رسانیده است محمد یوسف خواجه بعد از چند
 وقت در خواقند وفات یافته اند الحال پسران محمد یوسف
 خواجه با صد کس از خواقند کریخته رفته در کاشغر مبدرآیند
 باز خطای بسیار آمده کیرفتنی میشود باز کریخته خواقند
 می آیند جماعه آق تاقلی ابن خواجه کلن به بسیار اخلاص
 واعتقاد دارند از حد افزون چهار پنج بار قتل وتاراج یافته
 اند بلز پسران خواجه روند جان خود را فدا میکنند
 از آنچه دیده خود را عرض نمودم سهو ونقص بنده را عفو
 فرمایند خاطر جمعی ندارم که نویسم خط خوب سنه ۱۲۷۶ سنه
 ۱۸۵۶ بود که تمام یافت در ماه ربیع الثانی

ПРИМЪЧАНІЯ.

1. Кончина Шахъ-Мурада и воцареніе Миръ-Хайдера имѣли мѣсто въ 1801 году. Шахъ-Мурадъ первый изъ бухарскихъ властителей принялъ титулъ эмира, желая придать правленію своему характеръ религіозный: эмиръ есть сокращеніе *Эмиръ-эль-Муминимъ*, «повелитель вѣрующихъ», титула который носили исключительно халифы. Но когда именно принялъ онъ этотъ титулъ, неизвѣстно. Довольно-долгое время управлялъ онъ ханствомъ довольствуясь титуломъ *кайба*, т. е. «намѣстника» ханскаго, и, точно, ханомъ бухарскимъ въ его время считался явѣю Абуль-Гази; но Абуль-Гази носилъ только титулъ ханскій, дѣйствительная-же власть принадлежала исключительно Шахъ-Мураду. Въ примѣчаніяхъ къ изданнымъ мною Запискамъ о Хивѣ Маіора Бланкеннагеля (Вѣстникъ И. Р. Географическаго Общества на 1858 годъ, книжка третья, стр. 112, примѣчаніе 27) я объяснилъ отношенія существовавшія въ Хивѣ, во второй половинѣ прошлаго столѣтія, между ханами ея по имени и дѣйствительными правителями Ханства. Точно такія же отношенія имѣли тогда же мѣсто и въ Хавотѣ бухарскомъ. Съ кончины въ 1747 году Абуль-Фейзъ-Хана, властвовавшего съ 1705 года, ханское въ Бухарѣ достоинство носилъ послѣдовательно сынъ его Абдуль-Муминъ, и потомъ Обейдуллахъ, управлялъ-же ханствомъ, отъ имени ихъ, узбекскій военачальникъ Рахимъ-Бикъ, который принялъ титулъ хана лишь по смерти Обейдуллаха. Послѣ Рахимъ-Бика, дѣйствительное управленіе ханствомъ перешло, съ титуломъ аталыка, къ племяннику Рахимову Даніалу, а титулъ ханскій предоставленъ (не позже 1764 года) помянутому уже Абуль-Гази. »По смерти Рахимъ-хана« — читаемъ у Мейендорфа — вступилъ на престолъ слабый Абуль-Гази, происхожденіемъ чингисидъ, но всю власть предоставилъ онъ первому министру своему, Даніаль-Би аталыку, родомъ узбеку изъ поколѣвія

Машгутъ, по смерти котораго власть перешла къ преемнику его Давлетъ-Кушбегю. Сынъ Давлета, Шахъ-Мурадъ, убилъ Давлета и занялъ его мѣсто; впоследствии онъ женился на вдовѣ Рахиль-Ханъ, чтобы войти въ связь съ чингисовымъ родомъ, и продолжалъ пользоваться верховною властью до самой кончины Абуль-Гази, последовавшей въ 1785—1786 году. Тогда онъ вступилъ на престолъ призывъ митъ Массуми-Гази (см. Сенковского *Supplément à l'histoire des Huns etc. St. Pétersb. 1824. p. 120*). Но Абуль-Гази умеръ не въ 1785—1786 годахъ, а гораздо позже. Въ 1795 году былъ въ Бухарѣ, посланный туда министръ правительствомъ, горный чиновникъ Т. С. Буряковъ, а при немъ Абуль-Гази еще зарекомендовалъ, но уже вступалъ уже на престолъ дѣла, въ оставъ тронъ, жилъ въ кругу своего семейства, въ одной деревнѣ близъ Бухары. Многие утверждаютъ, — продолжаетъ г. Буряковъ, — что онъ принужденъ былъ противъ воли удалиться въ сію мѣсто, гдѣ приставленъ къ нему караулъ, которому строго приказано не впускать хана никуда изъ замка, въ коемъ онъ заключенъ, а на содержаніе его опредѣлена небольшая денежная сумма (Сибирскій Вѣстникъ на 1518 годъ, ч. II, стр. 58). Подтвержденіе свѣдѣнію г. Бурякова, что въ 1795 году Абуль-Гази Ханъ былъ еще живъ, извѣстно въ достоверности котораго В. В. Вельяминовъ-Зерновъ привелъ сомнѣніе (*Bulletin de la classe des sciences historiques etc. de l'Acad. Imp. des Sciences de St. Pétersbourg. Tome XVI, p. 187, note 17*), находитъ въ книгѣ приобщенной у Маммалыя, что шахъ персидскій Ага-Мохаммедъ-Ханъ, еще позже того, именно въ 1796 году, напирался митъ войною на Бухару, послалъ письмо къ Абуль-Гази-Хану, требуя отъ него немедленной выдачи Персиянъ захваченныхъ въ плѣнъ съ-продолженіе безпрестаннахъ вторженій въ Хорасанъ Шахъ-Мурада (*The History of Persia, въ французскомъ переводѣ, vol. III, p. 418—419*). По Ибн-Халдунаху, Шахъ-Мурадъ, вступилъ въ управленіе ханствомъ по смерти Давиль-Би, два года только признавалъ власть

собою главенство Абуль-Гази-Хана, а потому потребовала чтобы онъ формально отказался отъ управленія (*Magasin Asiatique*. II, 184). По словамъ муллы Ахмедъ-Саъида, бывшаго въ Оренбургѣ въ 1825-хъ годахъ, Абуль-Гази-Ханъ приходился Абуль-Фейзъ-Хану двоюроднымъ племянникомъ. »Его — рассказывалъ мулла — хорошо кормили и одѣвали, но власти онъ ни какой не имѣлъ. Можно было ходить къ нему пить чай или съ поклономъ, но принести ему жалобу или просьбу подать о чемъ-либо ни кто не отваживался, зная что за это сильно-бы досталось отъ Шахъ-Мурада«. Мирза-Шемсъ, на разспросы мои объ Абуль-Гази, отъ-чалъ: »держали его съ семьей въ городкѣ Уаэментъ, не подалеку отъ Бухары, подъ карауломъ, и только по пятницамъ, наѣвъ на него чалму, привозили въ Бухару, въ мечеть, а какъ служба въ мечети отходила, отвозили обратно«. — Изветуллахъ называетъ Абуль-Гази-Хана потомкомъ Чингиса, сыномъ Ибрагимъ-Хана, который приходился племянникомъ Раджебъ-Мохаммедъ-Хану, приходившему отъ славнаго въ Бухаринъ Абдуллахъ-Хана, и враждовавшему въ свое время съ Абуль-Фейзъ-Ханомъ (*Magasin Asiatique*. II, 184). Персидскій-же писатель, пѣтируемый Малькольмомъ, Миръ-Юсуфъ-Али, рассказываетъ что Абуль-Гази-Ханъ былъ сынъ сейида или ходжи по имени Абдуль-Рахима, по прозванію *мазбути*, »ветошника«, которое было дано ему ради того, что этотъ святой человекъ имѣлъ привычку собирать ветхую одежду, мыть ее, починивать и потомъ отдавать бѣднымъ или носить самъ. Къ этому Миръ-Юсуфъ-Али присовокупляетъ что младшій сынъ Абдуль-Рахима посаженъ былъ Рахимъ-Биномъ въ правители побѣденныхъ послѣднимъ хорезмскихъ неколѣній, но, тотчасъ же по смерти Рахимъ-Бина, былъ подданными своими лишенъ жизни (*Малькольмъ*, I. с. III, 349). Съ именемъ Абуль-Гази-Хана известны двѣ монеты, битыя въ Бухарѣ: одна въ 1199, другая — въ 1200 году гиджры (= 1784—1786 по Р. X.). На монетахъ этихъ титулуется онъ сейидомъ и бегадиромъ, первымъ — въроатво

по прикѣру предшественниковъ своихъ изъ астраханской династїи, которые всѣ носили титулъ сейида, а вторымъ — неимѣно на какіе подвиги.

Вотъ почти все, что знаемъ доселѣ объ Абуль-Гази-Ханѣ, подъ именемъ котораго властвовалъ надъ Бухарїею Шахъ-Мурадъ, одинъ изъ замѣчательнѣйшихъ людей Азіи въ прошломъ вѣкѣ, первый богословъ и знаменитѣйшій святоша своего времени. Самые подробныя доселѣ свѣдѣнія объ этой личности заключаются въ «Исторїи Персіи» Малькольма (III, 334 и 349—376), пользовавшагося многими, незадачными доселѣ, любопытными персидскими мемуарами. Считаемо великимъ извлечъ изъ этого источника преимущественно, слѣдующія біографическія данныя.

Шахъ-Мурадъ-Бекъ былъ старшій сынъ Даниаль-Аталыа. Наши, Еремовъ и Бурнашовъ, называютъ его, сокращенно, Шахратъ-Бекомъ. Еремовъ, служившій въ войскахъ Даниаль-Аталыа, ходилъ подъ начальствомъ Шахъ-Мурада, въ полонїи 1770—хъ годовъ, въ походъ на Мервъ, окончившійся бѣгствомъ Бухарцевъ. Вообще, по словамъ Миръ-Юсуфъ-Али, первая молодость Шахъ-Мурада прошла далеко не замѣтательно; благочестію и отшельничеству началъ предаваться онъ не ранѣе, какъ достигнувъ 25-лѣтняго возраста. Вскорѣ затѣмъ умеръ отецъ его Даниаль, объявивъ его своимъ преемникомъ; но Шахъ-Мурадъ надѣлъ дервишскую расу, заперся въ одной изъ мечетей Бухары, и не хотѣлъ слышать ни о чемъ, что-бы ишло ему погужаться въ богомысліе. Онъ отказался даже отъ доли своей въ оставшихся послѣ отца богатствахъ: »никогда не соглашусь я — сказалъ онъ — освернить руки мои деньгами, приобретенными насиліемъ и несправедливостями. И мало того, что отказался; одѣвшись въ рубище, повѣсивъ саблю на шею, отправился онъ въ такомъ видѣ по улицамъ Бухары, слезно умоляя жителей чтобы они простили преступленія и проступки покойнаго отца его, и предаятъ въ искушенію ихъ собственную жизнь. Между учеными и святошами Шахъ-

Мурадъ успѣлъ уже приобрести себѣ уваженіе, какъ благочестіемъ, такъ ученостію и вѣсколыми отличными богословскими сочиненіями; но народъ еще не зналъ его, и теперь пришелъ въ удивленіе и умиленіе, видя въ такомъ знатномъ молодомъ человѣкѣ столько святости и самоуничженія. Послѣ этого, Шахъ-Мурадъ заключился въ главной мечети города, и цѣлый годъ провелъ въ молитвахъ и созерцаніи, не допуская до себя никого кромѣ нѣсколькихъ любимыхъ учениковъ: въ это именно время написалъ онъ замѣчательнѣйшее изъ своихъ сочиненій *Айнъ-аль-Хикметъ*, «Источникъ Мудрости». Слова его какъ совершеннаго суфи росла и распространилась между-тѣмъ. Утомленный честолюбіемъ и распрями его братьевъ, народъ сталъ умолять его принять бранды правленія, но напрасно: поставленный созерцательною жизнью прѣвѣйше всѣхъ примановъ и обольщеній мірскихъ, восторженный суфи если спускался до дѣятельности, то не иначе какъ религіозной: съ толпами народа, постоянно окружавшими его каждый разъ какъ выходилъ онъ изъ своего заключенія, Шахъ-Мурадъ отправился разорять игорные дома или убѣжища разврата, которыми, говорятъ, было въ Бухарѣ нѣсколько тысячъ. Между-тѣмъ беспорядки въ управленіи увеличивались со дня на день. Произошло волненіе, жертвою котораго сдѣлалось болѣе тысячи человѣкъ. Самъ ханъ Абуль-Гази и вся знать бухарская отправились въ мечеть къ Шахъ-Мураду, повели его оттуда на могилу отца, и здѣсь торжественно умоляли его принять на себя завѣдываніе дѣлами Ханства. Шахъ-Мурадъ, тронутый бѣдственнымъ положеніемъ соотечественниковъ, и неотступными просьбами, поддакъ, но еще не совѣтъ: обѣщавъ принять участіе въ управленіи лишь совѣтами и указаціями, и ограничивался этимъ въ-дѣйствительности, пока Ниязъ-Али, правитель Шегрисебеской области, отложившейся еще въ правленіе Давиль-Аталыка, не простеръ дерзости своей до вторженія въ самые бухарскіе предѣлы. Тогда Шахъ-Мурадъ принявъ титулъ намба, пошелъ съ войскомъ на Ниязъ-Али, при-

нудилъ его заплатить за дерзость частью приобретенныхъ имъ земель, и съ тѣхъ поръ сталъ править Ханствомъ самолично, оставивъ за Абуль-Гази-Ханомъ, какъ видѣли мы выше, только одинъ титулъ ханскій.

Первымъ дѣломъ его было устроить отправленіе правосудія, взиманіе налоговъ и содержаніе войска въ точной сообразности съ религіозными постановленіями Ислама по симъ предметамъ. Затѣмъ и все остальное повелъ онъ порядкомъ, напоминавшимъ времена первыхъ халифовъ съ примѣсю суеверна, кимъ себя, однимъ словомъ, отшельникомъ на престолѣ. Весь блескъ придворной обстановки предшественниковъ его былъ уничтоженъ. Дворецъ обратился въ судебную палату, гдѣ председательствовалъ онъ съ сорока избранными законовѣдцами, оказывая всѣмъ и каждому самое величепрѣятное правосудіе. По уголовно-полицейской расправѣ предписанія Корана стали соблюдаться съ величайшею строгостію: разбойниковъ казнили смертью, ворами отрубали правую руку, пьяницъ сѣкли публично; воспрещено было куреніе табаку, и предписано всѣмъ классамъ народонаселенія точное исполненіе религіозныхъ обязанностей: нерадивыхъ полицейскимъ чиновникамъ разрѣшено было побуждать къ тому плетью. Изъ веселой, разгульной, раснущенной, Бухара обратился въ монастырь. Всѣ желаніе посвятить себя изученію религіи принимались въ медресѣ безъ малѣйшаго затрудненія, и получали пищу даромъ: говорить что въ одно время число студентовъ доходило въ Бухарѣ до 30,000. По части общественныхъ финансовъ, Шахъ-Мурадъ отиѣнилъ всѣ сборы, кромя пошлины съ иностранныхъ товаровъ, и оброчна съ казенныхъ земель, но зато требовалъ неуклонной уплаты *джозіа* (подати съ немусульманъ) и *закята* (религіознаго сбора съ магметанъ), подчинивъ послѣднему даже солдатъ. Затѣмъ, значительнымъ источникомъ государственныхъ доходовъ явился *хумс*, или пятая часть добычи взятой у непріятеля, такъ-что Шахъ-Мурадъ

имѣлъ возможность назначить войску постоянное жалованье, котораго прежде оно не получало.

Собственною жизнью подавая примѣръ воздержности и умеренности, Шахъ-Мурадъ бралъ на содержаніе свое изъ государственной казны по одной тенгѣ (15 в. с.) въ день — не болѣе тогда, сколько выдавалось бѣднѣйшимъ изъ студентовъ. Женѣ своей, дочери Абуль-Файзъ-Хава, давалъ онъ всего по три тенгѣ въ день, да и то упрекалъ ее нерѣдко, что много даетъ; та, впрочемъ, имѣла свое состояніе, и не нуждалась въ этомъ жалованьи; но когда она родила ему сына, Миръ-Хайдера, Шахъ-Мурадъ съ радости что имѣетъ наследника чингисовой крови, разщедрился, и назначилъ на содержаніе сына и матери по пяти тилъ въ день (около 20 руб. сер.), а когда она произвела на свѣтъ еще двухъ другихъ сыновей, это содержаніе было удвоено. Въ этомъ и другихъ случаяхъ обнаруживалось что суфи былъ не прочь чтобы дѣти его пользовались тѣми удобствами и наслажденіями, которыя самъ онъ, внутренно, или только по-наружности, презиралъ. Семейство его и жило во дворцѣ; самъ-же онъ помѣщался въ одной голой комнаткѣ, куда входъ былъ открытъ всякому, во всякое время дня, носилъ одежду изъ самой грубой ткани, и, какъ истинный суфи, считалъ излишествомъ даже малѣйшую опрятность. Но не имѣя того что собственно называется Дворомъ, довольствуясь однимъ прислужкоймъ и поваромъ, вѣчно-засаленный, Шахъ-Мурадъ позволялъ сановникамъ Ханства жить роскошно и великолѣпно; эта противоположность ихъ блеска съ его простотою нравилась даже грозному повелителю, рѣзко отличая его отъ всего окружающаго.

Всѣмъ этимъ внушилъ онъ къ себѣ такое благоговѣнное уваженіе, и въ Узбекахъ, и въ Сартахъ, что народъ считалъ его за человѣка вдохновеннаго свыше, чуть не за пророка, и повиновался безпрекословно и безропотно всякой его волѣ. *Газавъ* — война противу невѣрныхъ — составляетъ одну изъ капиталныхъ

завоеватель Корана, и Шахъ-Мурадъ считалъ священною обязанностью строго исполнять эту заповѣдь, тѣмъ болѣе что она совпадала съ жадностью Узбековъ къ грабежу, и доставляемою добычею давала ему возможность содержать постоянно сильное войско, наводить страхъ на сосѣдей, и, слѣдовательно, ограждать своими собственными владѣніями. За немнѣніемъ полъ рукою настоящихъ невѣрныхъ, которыхъ можно было-бы грабить съ удобствомъ, должность ихъ во мнѣніи православныхъ суннитовъ, каковы Бухарцы, испрашивать съ успѣхомъ поганые *refuzium* вѣтхосовѣтныя, т. е. Персіане; и какъ положеніе Восточной Персіи во время Шахъ-Мурада было самое жалкое и беззащитное, то онъ ежегодно почти предпринималъ грабительскія вторженія въ эту сторону, прикрывая ихъ религіознымъ характеромъ гавата. Первымъ военнымъ подвигомъ Шахъ-Мурада по вступленіи въ управленіе было, какъ мы уже видѣли, усмиреніе шегрмсебскаго владѣльца. Затѣмъ подчинилъ онъ себя владѣльца ходжендскаго и многія туркменскія поколѣнія, и, послѣ нѣсколькихъ походовъ, покорилъ независимое дотогдѣ владѣніе Мервское, мужественный ханъ котораго Байрамъ-Али довольно-долго отстаивалъ свою независимость. По источникамъ, которыми пользовался Малькольтъ, Байрамъ-Али-Ханъ былъ убитъ въ сраженіи съ Узбеками на берегу Аму-Дарьи, послѣ чего сынъ его Мухаммедъ-Хусейнъ-Ханъ еще нѣсколько времени держался въ Мервѣ, пока не былъ принужденъ къ сдачѣ голодомъ, взятъ въ плѣнъ и отвезенъ въ Бухару, откуда впоследствии бѣжалъ въ Персію, гдѣ пользовался большою милостію Фетхъ-Али-Шаха. Можетъ быть дѣло такъ и было въ дѣйствительности, но Мирва-Шемъ увѣряетъ что ему навѣрное извѣстно, что не только Мухаммедъ-Хусейнъ, но и отецъ его, самъ Байрамъ-Али-Ханъ, взятъ былъ въ плѣнъ при покореніи Мерва въ 1200 году гиджры (=1785—86 по Р. Х.), оба отвезены въ Бухару, и здѣсь Байрамъ-Али, по приказанію Шахъ-Мурада, кончилъ жизнь на висѣлицѣ, а сынъ его, черезъ нѣсколько лѣтъ, дѣйствительно

спасая бѣгствомъ въ Шегрисебъ, а оттуда въ Персію. Это извѣстіе Мирза-Шемсъ подтверждаетъ сочиненною въ Бухарѣ хронограммою событія: سر غلام برید بزیر دار نهاد » Отрубите молодцу голову, и пусть она будетъ положена подъ висѣлицу». Чтобы видѣть числительное значеніе этого стиха, надо перевести его въ другомъ смыслѣ, который тоже въ немъ заключается, что и составляетъ достоинство хронограммы, именно такъ: *отсыките юлову суламу* (то-есть букву : мн *غ*), *и приложите ее къ подножію висѣлицы* (то-есть слова *دار*, *даръ*, подножіе коего есть буква *р* или *ر*); буква-же *غ* имѣетъ числительное значеніе 1000, а буква *ر* = 200, что и составляетъ вмѣстѣ 1200, годъ событія. *نهاد* есть старинная форма повелительнаго отъ *نهادن*. — Покореніе Мерва открыло Шахъ-Мураду свободный входъ въ Хорасанъ, и несчастная страна эта, раздираемая междоусобіями мелкихъ владѣльцевъ, сдѣлалась поприщемъ постояннаго грабительства бухарскихъ Узбековъ. Ежегодно часть 60-тысячной арміи Шахъ-Мурада отправлялась туда, подъ личнымъ его предводительствомъ » для искорененія ереси и еретиковъ«, грабила беззащитныя селенія, брала окупъ съ городовъ которыми не могла овладѣть, угрожая въ противномъ случаѣ истребленіемъ окрестныхъ жатвъ, и возвращалась домой обремененная добычею, гоня передъ собою стада захваченнаго скота, и толпы полоненнаго народу — мужчинъ, женщинъ и дѣтей. Обыкновенно набѣги такого рода оканчивались успѣшно для Узбековъ, неудача-же прикрывалась какимъ нибудь религіознымъ предлогомъ. Такъ, въ походъ подъ Мешгедъ, видя что трудно овладѣть этимъ городомъ, Шахъ-Мурадъ объявилъ, и жителямъ его, и собственному войску, что Имамъ Риза (патронъ Мешгеда) явился ему во снѣ, и приказалъ пощадить этотъ священный городъ и ближайшія его окрестности. Вслѣдствіе этого, предмѣстія и ближайшія деревни онъ воспретилъ трогать, но зато разграбилъ безъ

ниже сердца остальные округа, и всѣхъ жителей ихъ увелъ въ неволю. Рассказываютъ что въ войскахъ своихъ Шахъ-Мурадъ строго поддерживалъ дисциплину; но это значить только, что разбойничьи шайки его даже и въ походѣ исправно творили намазъ пять разъ въ сутки, и исполняли всѣ его приказанія: каждый отдѣлъ войска шёлъ своего муллу.

Бурнашовъ, бывший въ Бухарѣ, какъ выше сказано, въ 1795 году, рассказываетъ что въ началѣ этого года предпринять былъ Бухарцами, въ числѣ 15,000 человекъ, походъ на Персію. Войскомъ командовалъ 16-лѣтній сынъ Шахъ-Мурада. Четыре персидскихъ города взяты были приступомъ. Два изъ нихъ, согласившіеся принять суннитское исповѣданіе, которому слѣдуютъ Бухарцы, т. е. согласившіеся оставить расколъ, были пощажены; другіе-же два, которые оказали сильное сопротивленіе, съ причиненіемъ немалого Бухарцамъ урона, и непринявшіе предложеннаго побѣдителями правовѣрія, были совершенно разорены, и всѣ оставшіеся жители взяты въ плѣнъ и распроданы въ Бухарію (Сибирскій Вѣстникъ на 1818 годъ, часть III. стр. 105—107).

А вотъ что читаемъ о Шахъ-Мурадѣ у того же г. Бурнашева: »Дворецъ ханскій въ Бухарѣ занимаетъ Шамратъ-Бекъ съ нѣкоторыми чиновниками. При дворѣ его не было ни малѣйшей пышности. Онъ имѣлъ только двухъ супруговъ, на содержаніе которыхъ производилась весьма малая денежная сумма, и потому онѣ должны безпрестанно упражняться въ разныхъ рукодѣліяхъ, чему Шамратъ-Бекъ, въ свободное отъ государственныхъ занятій время, подавалъ и самъ прихѣръ. Платье носилъ онъ простое, безъ всякихъ знаковъ отличія. Обыкновенная его пища состояла изъ хлѣба и воды. Народъ къ сему владѣльцу сохранялъ особенное уваженіе, почиталъ его истиннымъ послѣдователемъ магометанскаго закона, и даже за святого. Не менѣе искусенъ онъ былъ и въ дѣлахъ военныхъ, ибо во время правленія своего Бухарією имѣлъ войну съ Индією, Букарскимъ, Ходжанскимъ, Ташкентскимъ и Хивин-

скимъ владѣніями; изъ коихъ послѣднія четыре, будучи побѣждены, признали его своимъ протекторомъ, и обязались письменно въ необходимыхъ случаяхъ дѣлать вспоможеніе, что однакоже худо исполняютъ. (Сибирскій Вѣстникъ на 1818 годъ, часть II, стр. 56—57)... »По окончаніи поста начинается у Бухарцевъ правдикъ» — рассказываетъ тотъ же путешественникъ: — »въ то время жители бѣгутъ за городъ и забавляются тамъ конскимъ ристаніемъ, борьбою и тому подобнымъ: всѣ таковыя игры и увеселенія были однакоже при Шамратъ-Бейѣ совсѣмъ запрещены» (тамъ же, III, 86).

Разъ въ жизни Шахъ-Мурадъ вошелъ въ невыгодное для него столкновеніе — съ сильнымъ Тимуръ-Шахомъ афганскимъ, у котораго, пока тотъ воевалъ въ Индіи, пообобрагъ онъ мало-помалу почти всѣ владѣнія его на лѣвомъ берегу Аму; но локій суфи вышелъ сухъ и изъ этой бѣды. Тимуръ-Шахъ, чтобы наказать Шахъ-Мурада за его вторженія въ свои земли, перешелъ, весною 1789 года, черезъ Гинду-Кушъ, съ арміею простиравшеюся, говорятъ, до 100,000 человекъ. Шахъ-Мурадъ собралъ всѣ войска, какія только могъ собрать, и переправился съ ними, на встрѣчу врагу, черезъ Аму. Около Акчѣ произошло нѣсколько нерѣшительныхъ стычекъ между обѣими сторонами, а между-тѣмъ афганская армія, стратегическими распоряженіями Шахъ-Мурада, лишена была подвоза съѣстныхъ припасовъ. Въ такомъ положеніи вещей, и зная что Тимуръ-Шахъ началъ войну неохотно и готовъ отступить отъ нея, лишь-бы это могло быть сдѣлано безъ ущерба его военной чести. Шахъ-Мурадъ открылъ мирныя переговоры, и, предоставляя афганскому государю славу побѣдителя, просилъ его прекратить кровопролитіе ради общихъ имъ интересовъ Ислама. Тотъ согласился, и миръ былъ заключенъ, при чемъ Шахъ-Мурадъ, оказывая въ сношеніяхъ съ Тимуръ-Шахомъ совершеннѣйшее къ нему уваженіе и покорность, сумѣлъ, по условіямъ мирнаго договора, удержать за собою всѣ прибрѣтенія слѣ-

данныя на счетъ Афганцевъ. Между-тѣмъ наступила зима, большую часть своей артиллеріи Тимуръ-Шахъ принужденъ былъ оставить въ Балхѣ, а при переходѣ черезъ Гинду-Кушь значительная часть его арміи погибла въ снѣгахъ отъ холода. Такимъ-образомъ гроза собравшаяся—было надъ Шахъ-Мурадомъ, благодаря умѣнью его вести дѣла и пользоваться обстоятельствами, разразилась безо всякаго для него вреда, прибавивъ къ военной его славѣ еще репутацію искуснаго дипломата (см. Эльминстова An account of the kingdom of Cabul. London. 1839. II, 305-306). Изъ двухъ словныхъ подаренныхъ Тимуръ-Шахомъ Шахъ-Мураду при заключеніи мира, одного и восемь аргамаковъ послѣдній отправилъ съ посломъ своимъ въ С. Петербургъ, къ Императрицѣ Екатеринѣ. Посолъ этотъ присутствовалъ, въ 1797 году, въ Москвѣ при коронаціи Императора Павла. Вслѣдствіе этого посольства, вѣроятно, Императрица Екатерина и послала въ Бухару, на постройку медресѣ 40,000 руб. сер. Медресѣ это принадлежитъ къ числу лучшихъ въ Бухарѣ, и, по имени лица, правившаго посольство, известна подъ именемъ Медресѣ-Назаръ-Ильчи.

Подъ конецъ Шахъ-Мурадова владычества близко было уже другое опасное для него столкновение — съ персидскимъ шахомъ Ага-Мохаммедъ-Ханомъ; но и тутъ обстоятельства выручили его. Въ 1796 году, Ага-Мохаммедъ-Ханъ предпринялъ походъ въ Хорасанъ, извѣлъ Мешгедъ, и, собираясь вторгнуться въ бухарскія владѣнія, послалъ письмо къ Абуль-Газимъ-Хану, въ которомъ, называя Шахъ-Мурада узурпаторомъ, требовалъ возвращенія всѣхъ плѣнныхъ Персіахъ, захваченныхъ послѣднимъ къ—продолженіе набѣговъ его на Персію. На это письмо, адресованное къ Абуль-Газимъ-Хану, Шахъ-Мурадъ отвѣчалъ циркуляромъ къ хорасанскимъ владѣльцамъ въ такомъ тонѣ, что слышали—де мы, пожаловалъ къ вамъ господинъ евнухъ: коли можете, возьмите его сами, а не можете, такъ меня позовите; приду и помогу вамъ наказать его. Трудно сказать, кто-бы кого одолѣлъ, если-бы противники со-

шлись; но русская армія подъ начальствомъ графа Зубова вступила въ это время въ предѣлы Персін, и, вмѣсто вторженія въ Бухарію, Ага-Мохаммедъ-Ханъ долженъ былъ посѣпить на защиту западныхъ областей своихъ.

Изветуллахъ рассказываетъ о Шахъ-Мурадѣ что, принудивъ Абуль-Гази-Хана отказать отъ управленія, онъ выхлопоталъ себѣ у константинопольскаго султана грамоту на званіе намѣстника государева, и принялъ титулъ Вели-Ніемъ; султанъ-же произвелъ его собственно только въ чинъ Курджи-Баши (Magasin Asiatique, II, 184).

Ниже (примѣч. 60) приведенъ будетъ рассказъ одного очевидца о Шахъ-Мурадѣ, весьма хорошо его характеризующій; теперь-же заключимъ извлеченія наши замѣткою Мирзы-Шемса что, отличался крайнимъ смиреніемъ, проводя на молитвѣ цѣлыя ночи, Шахъ-Мурадъ, хотя и правительствовалъ съ неограниченною властью, никогда однакоже не возлагалъ на себя царскаго вѣнца, и не допускалъ чтобы имя его поминалось въ хутбѣ или изображалось на монетахъ, на томъ основаніи, какъ говорилъ онъ, что «мы не царскаго рода, предки наши простые Узбеки». И дѣйствительно, всѣ доселѣ извѣстныя монеты изъ времени правленія Шахъ-Мурадова, битыя не отъ имени Абуль-Гази-Хана, чеканены Шахъ-Мурадомъ въ честь отца своего, Давіаля. На нихъ изображено: «*Покойный Эмир-Давіаль, воитель непримыхъ*», и на другой сторонѣ: «*Битва съ Бухарь съ такомъ-то юду*». Монеты эти принадлежатъ къ 1206, 1208 и 1213 годамъ гиджры (= 1791-2, 1793-4 и 1798-9 по Р. Х.) См. статью В. В. Вельяминова-Зернова «*Бухарскія и Хивинскія Монеты*» въ «*Запискахъ*» Имп. Археологическаго Общества, т. XIII, стр. 418-419.

2. Мирзъ-Хайдеръ, какъ уже упомянуто выше, былъ старшій сынъ Шахъ-Мурада отъ дочери Абуль-Фейзъ-Хана, бывшей замужемъ, въ первомъ бракѣ, за Рахимъ-Ханомъ; едва выйдя изъ отрочества онъ начальствовалъ уже войсками отца въ набѣгахъ на

Персію, и потомъ посланъ былъ снѣж-последнимъ правительствовать въ Карши.

3. *Карши* — самой большой городъ въ Ханствѣ послѣ Бухары, расположенный въ плодородномъ оазисѣ на караванномъ пути мѣж Герата и Кабула въ Бухару и Самаркандъ. Здѣсь, по Борису, до 10,000 жителей, а по Мейендорфу — содержался постоянно гарнизонъ въ 2000—3000 человекъ. Наибольшія подробности о Карши сообщены Н. В. Ханьковымъ, посѣщавшимъ его въ 1842 году. См. его »Описание Бухарскаго Ханства«. Спб. 1843. стр. 108—110.

4. Такъ перевожу я вездѣ выраженіе *سپاه و فترا*, потому-что въ Бухаринъ все народонаселеніе, за исключеніемъ сейидовъ и холжей, дѣлится на два класса: *сипаюв*, подъ коими разумѣются не одни военные, а всѣ большіе и малые чиновники, все что такъ-ли-иначе принадлежитъ къ правительству, словомъ »служимый людъ«, и *фукара*, подъ коими разумѣются торговцы, ремесленники, земледѣльцы, невольники, словомъ »земщина« (см. Ханькова: Описание Бухарскаго Ханства, стр. 183).

5. Въ подлинникѣ *سرپا*, а *сарпаам*, по Мейендорфу, называется въ Бухарѣ un habillement complet, стало быть халатъ, чалма и проч. См. Voyage à Boukhara, p. 289. Халатъ собственно называется *جامه* *дасамэ*. Отъ персидскаго слова *сарпай*, или правильнѣе *сарам*, происходитъ и русскій *сарафан*.

6. *Мекки*, или иначе *батмак*, равняется, безъ малаго, осьми пудамъ.

7. »Кремль« перевожу я слово *ارک* *арк*, потому-что цитадели въ азіатскихъ городахъ, называемыя арками, суть тоже самое, что кремли въ старыхъ русскихъ городахъ: Новѣгородъ, Мо-

скія, Тулѣ, Нияниемъ, и т. д. Такъ-какъ о крѣпкѣ бухарскомъ безпрестанно упоминается въ настоящихъ запискахъ, то вотъ нѣкоторыя о немъ подробности, заимствуемыя у Мейендорфа (*Voyage d'Orenbourg à Boukhara, fait en 1820. Paris. 1826. Pp. 164—165 и 179*). Аркъ построенъ въ Бухарѣ, почти по срединѣ города, на холму который называется Нумишкендъ; холмъ этотъ, высокій отъ природы, возвышенъ еще посредствомъ насыпи. Высота его отъ 35 до 40 туазовъ; окружность у подошвы отъ 400 до 500 шаговъ въ діаметрѣ; бока, хотя и не перпендикулярны, но весьма круты. Насыпь сдѣлана была при Саманидахъ. На поверхности этого холма, имѣющаго фигуру срѣзаннаго конуса, выстроены аркъ, одна изъ древнѣйшихъ построекъ въ Бухарѣ, возведенная, говорятъ, за десять столѣтій тому. Стѣны арка имѣютъ до 10 туазовъ высоты, и одинъ ворота. Ворота эти изъ кирпича, съ башнями въ 15 туазовъ по обѣимъ сторонамъ, и обращены на главную площадь города — Рикистанъ. Войдя въ ворота, подымаешься, большимъ корридормъ со сводами, на площадь арка. Здѣсь находятся построенныя изъ глины дворецъ хана и дворцовыя службы, мечеть, гаремъ окруженный садомъ и закрываемый деревьями, домъ гдѣ принимаетъ и работаетъ кушбиги, другой домъ гдѣ его квартира, наконецъ казармы для стражи, конюшни и пр. — Видъ арка со стороны гдѣ находятся ворота, приложенный къ Путешествію Мейендорфа, даетъ понятіе объ этой постройкѣ лучше всякаго описанія. Тотъ же видъ приложенъ и къ Описанію Бухарскаго Ханства, помѣщенному въ «Сибирскомъ Вѣстникѣ» на 1823 годъ.

8. Абуль-Фейзъ-Ханъ властвовалъ съ 1705 по 1747 годъ, когда былъ умерщвленъ военачальникомъ своимъ, прославившимся на службѣ въ войскахъ Надиръ-Шаха, Рахимъ-Бикомъ. Этотъ-же послѣдній, овладѣвъ верховною властію въ Ханствѣ, но, по простому происхожденію своему изъ Узбековъ мадгьтскаго племна,

не имѣя права на престолъ, возвелъ на оный, «для порядка», сына Абуль-Фейзова, по имени Абдуль-Мумина. При возшествіи своемъ на ханство, Абдуль-Муминъ, рассказываетъ Назетуллахъ, былъ ребенкомъ семи лѣтъ (по Эверсману, 8—12 лѣтъ). Рахимъ-Бикъ, по малолѣтству Хана, вступилъ въ управленіе ханствомъ съ титуломъ аталыка, «дядьки», и потому женился на дочери Абуль-Фейзъ-Хана. Черезъ шесть съ половиною лѣтъ, когда Абдуль-Муминъ пришелъ въ возрастъ, многіе изъ приверженцевъ его рѣшились умертвить Рахимъ-Бика. На обѣдѣ у молодого государя, куда позванъ былъ Рахимъ-Бикъ, человекъ спрятанный въ комнатѣ сдѣлалъ по нему выстрѣлъ изъ ружья. Пуля пробила шапку Рахимъ-Бика, но самъ онъ остался невредимъ; сторонники его перерѣзали по этому случаю чиновниковъ государя, и черезъ шесть мѣсяцевъ Абдуль-Муминъ-Хана бросили въ колодець, и утопили. Съ уничтоженіемъ такимъ образомъ примаго потомства Абуль-Фейзъ-Хана, Рахимъ-Бикъ принялъ ханскій титулъ, и властвовалъ въ Бухарѣ два съ половиною года (*Magasin Asiatique* Клапрота. Paris. 1826. vol. II. p. 184). Эверсманъ также говоритъ что по убіеніи Абдуль-Мумина, Рахимъ-Бикъ властвовалъ два съ половиною года, но что умерщвленіе Абдуль-Мумина имѣло мѣсто всего чрезъ два-три мѣсяца послѣ того какъ онъ возведенъ былъ на престолъ, вслѣдствіе того будто-бы, что ребенокъ разрубилъ однажды саблею арбузъ, и на вопросъ матери зачѣмъ это сдѣлалъ, отвѣчалъ что не арбузъ онъ рубить, а голову Рахимъ-Бика (*Reise von Ogenburg nach Bokhara*. Berlin. 1823. s. 79). Тотъ же анекдотъ, только иначе, рассказываетъ и Миръ-Юсуфъ-Али. Чрезъ нѣсколько лѣтъ по вошествіи на престолъ, Абдуль-Муминъ, упражнялся въ стрѣльбѣ, и цѣлясь въ арбузъ, въ которомъ находилъ сходство съ Рахимъ-Бикомъ, сказалъ будто-бы: «ну, теперь выстрѣлимъ въ голову ата-баба» (дядьки-батьки), какъ называлъ онъ Рахимъ-Бика. Послѣдній, вида въ этихъ словахъ намѣреніе мальчика отомстить за смерть отца, рѣшился отравить его на тотъ свѣтъ, такъ чтобы гибель ребенка

приписана была случаю: когда Абдуль-Муминъ стоялъ подлѣ колодца, одинъ изъ товарищей дѣтскихъ игръ его бросился на юнаго государя, и будто-бы нечаянно столкнулъ его вглубь. (Малькольма »Исторія Персія« въ французск. переводѣ. Paris. 1821). III, 348). Выстрѣлъ въ Рахимъ-Бика, о которомъ говоритъ Изветуллахъ, Ефремовъ приписываетъ женѣ Рахимъ-Бика, дочери Абуль-Фейзъ-Хана (см. ниже примѣчаніе 15 bis). Такъ-или-иначе, во всякомъ случаѣ Абдуль-Муминъ не могъ занимать престола семь лѣтъ, какъ говоритъ Изветуллахъ, потому что въ 1752 году, когда грекъ Григорьевъ (любопытныя показанія котораго о Бухаріи и тамошнихъ событіяхъ напечатаны В. В. Вельяминовымъ-Зерновымъ въ приложеніяхъ къ первому тому его »Историческихъ извѣстій о Киргизъ-Кайсакахъ«. Уфа. 1853. Стр. 8 - 32). выгналъ изъ Бухары, тамъ престолъ ханскій занималъ уже Обейдуллахъ-Ханъ.

Обейдуллахъ этотъ, по Ефремову и Негри, былъ тоже сынъ Абуль-Фейзъ-Хана. Григорьевъ называетъ его сыномъ аральскаго Шахтемиръ-Хана, и такъ рассказываетъ дѣло: »Интригами своими (Рахимъ-Бикъ) Бухарцевъ возбудилъ къ тому, что они Абулфансъ Хана; безъ всякой причины, убили, а хотя послѣ того ханомъ учредили было сына его Абулфанса Абдулмамина, но, его жъ Рагимъ Бека возбужденіемъ, и онаго убили; и какъ тутошное ханское поколѣніе кончилось, въ чемъ во всемъ онъ Рагимъ Бекъ простирается для того одного, что Бухарское Ханство самъ заступитъ желалъ, въ которое, по усильству его (т. е. потому что силенъ былъ) Авганцами, вступаться было и сталъ; токмо отъ того отвращенъ братомъ его роднымъ, потому что какъ онъ не ханскаго роду, тобъ оное отъ тутошныхъ же благополучно окончатъ никакъ не могъ; чего ради онъ бекъ своею партією въ ханы тутъ выбралъ уже посторонняго, и только для виду народу, бывшаго Аральскаго Шатемиръ Хана сына Байдуллу, которому и нынѣ (въ 1752 году) не больше шестнадцати лѣтъ, и ни силы, ни силы

ни въ чемъ не имѣеть, да и содержать его онъ Рагимъ Бекъ въ своихъ рукахъ какъ когда хочетъ, и такъ всю Бухарію, болѣе вежливаго ханъ, властвуетъ самъ; чего ради, въ подкрѣпленіе силы своей и означенныхъ, выведенныхъ съ собою изъ Персіи, Афганцевъ содержитъ всѣхъ при себѣ съ особливимъ ласкательствомъ, чрезъ что народъ, хотя имъ и не доволенъ и весьма ему не радъ, но опровергнуть его не могутъ. Но какъ къ тому хотя малой случай возышютъ, то они, особливо Узбеки, учинить того не оставятъ. По немъ же Рагимъ Бекъ хотя и другіе знатные, Деветъ Диванбій и прочіе нѣкоторые, тамъ есть, но въ народное правленіе кромѣ его никто изъ нихъ вступаться не можетъ « (см. I. с. Стр. 16).

Обейдуллахъ-Ханъ, о которомъ Иззетуллахъ вовсе не упоминаеть, кончилъ жизнь свою, по Негри, тѣмъ что былъ убитъ Рахимъ-Бикомъ. Когда именно это произошло, неизвѣстно.

Что касается до продолжительности правленія Рахимъ-Бика съ титуломъ аталыка, и потомъ хана, то, по свѣдѣніямъ собраннымъ Негри (у Сенковского въ Supplement etc. p. 120) въ званіи аталыка правительствовалъ онъ при Абуль-Фейзъ-Ханѣ и обоихъ преемникахъ его ханахъ Абдуль-Муминѣ и Обейдуллахѣ — девять лѣтъ, да потомъ два года съ титуломъ хана. Ефремовъ разсказываетъ что Рахимъ-Бикъ ханствовалъ всего одинъ годъ, и умеръ скорострѣжно, на третій день болѣзни, отъ сильной опухоли брюха («Десятилѣтнее странствованіе по Бухарѣ, Хивѣ, Персіи и Индіи». Спб. 1786. Стр. 110).

Что говорится у Борнса о Рахимъ-Бикѣ, будто онъ навелъ Надиръ-Шаха на Бухару, есть чистый, ни на чемъ не основанный вадоръ. Иззетуллахъ-же, навывая Абуль-Фейзъ-Хана не государемъ Бухары, а комендантомъ бухарскаго кремля, и Миръ-Хайлера — двоюроднымъ братомъ Рахимъ-Хана, тогда-какъ онъ приходящаго племянникомъ послѣднему — совершенно перепуталъ обстоятельства и отношенія. Впрочемъ, быть можетъ это вина не

Иветуллаха, а его переводчика, Клапрота. Разныйъ образомъ совершенно ошибочно также известіе Мейндорфа (у Сенковского, въ Supplement etc. p. 129) будто Рахимъ-Бинъ убилъ Абуль-Фейзъ-Хана и двухъ его сыновей въ 1740 году, и самъ умеръ въ 1742. Въ 1840 году Надиръ-Шахъ еще только приходилъ на Бухару, и взялъ съ собою Рахимъ-Бина съ его Узбеками, а самъ-же Мейндорфъ говоритъ что эти Узбеки подъ начальствомъ Рахимъ-Бина много лѣтъ служили въ войскѣ Надировомъ. Потомъ, грекъ Григорьевъ выѣхалъ изъ Бухары когда Рахимъ-Бинъ еще правительствовалъ тамъ, а выѣхалъ онъ въ 1752 году. Наконецъ, у меня есть бухарская монета съ именемъ Абдуль-Муминъ-Хана (сына Абуль-Фейзова) битая въ 1160 году гижры = 1747 по Р. Х., стало быть и убитый по Мейндорфу въ 1740 году сынъ Абуль-Фейза былъ въ 1747 году еще живъ (монета эта описана В. В. Вельяминовымъ-Зерновымъ въ помянутой уже статьѣ его, помѣщенной въ Запискахъ И. Археолог. Общества, т. XIII, стр. 408, N° 33).

9. Алчинъ есть нашъ аршинъ въ 16 вершковъ. Самое слово *аршинъ* есть обрусѣвшее алчинъ.

10. *Гезъ* — мѣра неточная, какъ наша маховая сажень; *Хавыковъ* полагаетъ ее равною приблизительно $1\frac{1}{2}$ аршину.

11. *Сейидами* называются въ Бухарѣ потомки халифовъ Османа и Алиа происшедшіе отъ дочери Магомета; потомки-же халифовъ Абу-Бикра и Омара, равно-какъ и вышеназванныхъ, но отъ другихъ женъ, называются *Ходжами* (*Хавыкова* »Описание Бухарскаго Ханства«. Стр. 182). *Улемами* зовется сословіе законовѣдцевъ и духовенства.

12. О значеніи этихъ чиновъ см. *Хавыкова*, въ указ. сочиненіи, стр. 189 - 192. *Накибъ*, *Фейзы*, *Ураки-Келамъ* и *Ураки-Хурдъ* суть чины, въ которые производится исключительно ходжи *Сейидъ-Ата*. *Шейхъ-Уль-Исламъ*, *Казыи-Аскеръ*, *Абламъ*, *Муфтии-Аскеръ* и *Ремъ* — чины принадлежаціе исключительно ходжамъ

Джудбары. Буква *с* послѣ гласной обозначаетъ, по моей транскрипціи, арабскую букву *ع*: *علم* пишу Аъламъ, *مور* Маъмуръ и т. д.

13. О значеніи и принадлежностяхъ сихъ чиновъ см. Ханькова, въ указанномъ сочиненіи, ст. 184 - 185. Что-же касается въ-особенности до перваго изъ нихъ, то аталыкъ значитъ собственно »дядька«. Это самое высшее, послѣ ханскаго, достоинство въ Бухаріи. »Первоначально — объясняетъ О. И. Сенковскій — должность аталыка заключалась въ воспитаніи наследника престола и завѣдываніи его хозяйствомъ. Впоследствии мѣсто аталыка сдѣлалось первымъ при Дворѣ, и получило почти такую же важность какъ должность диванъ-беги или великаго-везира; наконецъ, со времени Махмудъ-Бія, который военными дарованіями и добродѣтелями своими заставилъ уважать себя и бояться во всѣхъ убѣдкихъ владѣніяхъ, аталыки бухарскіе присвоили себѣ власть ничѣмъ не уступавшую власти палатныхъ мѣровъ (*maîres du palais*) при »лѣвивыхъ« меровингскихъ короляхъ Франціи, и кончили, какъ эти мѣры, тѣмъ что захватили престолъ своихъ повелителей« (*Supplement etc.*, p. 98). »Что же принадлежитъ до правленія здѣшняго (въ Бухарѣ) — говоритъ Ефремовъ — то оное самовластво и зависитъ совершенно отъ воли и власти аталыка, коему и самъ ханъ подмаетенъ« (Десятилѣтнее Странствованіе и проч., стр. 97). При Миръ-Хайдерѣ званіе аталыка пожаловано было имъ лишь тестю своему, независимому хану хисарскому, а преемникъ его Миръ-Насруллахъ почтилъ этимъ достоинствомъ единственно владѣтеля шегрисебзскаго, когда тотъ отдалъ старшую дочь свою за самаго Эмира, а младшую за сына его (Мейендорфа *Voyage à Boukhara*, p. 259, и Ханькова »Описаніе Бухарскаго Ханства«, стр. 185).

14. Слово *کیمخا* или *کیمخاب* О. И. Сенковскій объясняетъ (въ *Supplement etc.* p. 116) такъ: *espèce de satin ondoyé très*

connu dans le Levant, а *طاس* — просто espèce d'étoffe. *Ким-хабъ* есть »парча«, а *тасъ* — »глазеть« и вообще »одноцвѣтные шелковыя матеріи съ золотомъ«.

15. Миръ-Хайдеръ, какъ объяснено выше, вступилъ на престолъ въ 1801 году. Земанъ-Шахъ кабульскій — въ 1793 году. Фетхъ-Али-Шахъ персидскій — въ 1798 году. Объ Алимъ-Ханѣ хокандскомъ неизвѣстно положительно ни то, когда онъ наследовалъ отцу своему Нарбута-Бію, ни то, когда лишился жизни по проискамъ брата и преемника своего Омаръ-Хана (см. »Записки Имп. Географ. Общества«. Кн. III, стр. 192 — 193). Объ Ильтезеръ-Ханѣ ургенчскомъ (Н. Н. Муравьевъ называетъ его Ельтезеръ, а Базинеръ — Ильтезеръ) знаемъ, относительно времени вступленія его на престолъ, только то что онъ властвовалъ послѣ 1795 года. См. ниже, примѣчаніе 39.

15 bis. Дочь Абуль-Фейзъ-Хана, бывшая за мужемъ за Рахимъ-Ханомъ, потомъ вышедшая за Шахъ-Мурада, и прижившая съ нимъ двухъ сыновей, Миръ-Хайдера и Хусейнъ-Бика, называлась, по персидскимъ источникамъ Малькольма, *Елдузъ-Бенюмъ*, а по Иззегулаху — *Шемсъ-Бану-Аимъ*. И Рахимъ-Бикъ, и Шахъ-Мурадъ, оба женились на ней чтобы войти въ связь съ родомъ Чингисъ-Хана хотя по женской линіи, и черезъ то приобрѣсти право на престолъ. Мирза-Шемсъ не знаетъ ея имени: »у насъ, — говоритъ онъ, — звали ее просто »старой государыней«, да и вообще избѣгаютъ называть женщинъ по именамъ: я не знаю даже имени сестры моей, бывшей въ замужествѣ за Миръ-Хусейномъ«. Жила она, по словамъ его, до глубокой старости, до 92 лѣтъ. По разспроснымъ свѣдѣніямъ заключающимся въ рукописномъ сборникѣ Г. Ф. Генса, она умерла въ 1822 году; но едва-ли это вѣрно, ибо въ такомъ случаѣ она должна была родиться въ 1730 году, и Миръ-Хайдера (родившагося въ 1777 году) произвести на свѣтъ имѣя уже 47 лѣтъ отъ роду. — Ефремовъ считаетъ ее

ошибочно за другую дочь Абуль-Фейзъ-Хана, которая, до замужества съ Рахимъ-Бикомъ, выдана была за мужъ будто-бы за Надиръ-Шаха (эта другая дочь Абуль-Фейзъ-Хана дѣйствительно выдана была за мужъ, только не за самого Надиръ-Шаха, а за племянника Надирова, Али-Кулы-Хана. См. Geschichte des Nadirschah, von Mirza Mohammed Mahadi Masanderani, Greifswald. 1770. S. 330), и рассказываетъ что она, желая отомстить Рахимъ-Хану за смерть отца своего, провертѣла тайно отверстіе въ стѣнѣ, и однажды, когда Рахимъ-Ханъ обѣдалъ съ своими сановниками, выстрѣлила въ него черезъ это отверстіе изъ ружья, но убить его не убила, а только сшибла съ него шапку; и будто Рахимъ-Ханъ заподозрилъ въ этомъ покушеніи русскихъ невольниковъ, за что и перебилъ почти всѣхъ, сколько имъ находилось ихъ въ его владѣніяхъ; настоящая-же виновница выстрѣла отырыта была будто-бы только уже въ правленіе Давіаль-Атадыка (Десятилѣтнее Странствованіе, и проч. Стр. 109 и 112).

Въ сборникѣ Генса находимъ извѣстіе, что кромѣ двухъ означенныхъ дочерей Абуль-Фейзъ-Хана (выданной за мужъ за Али-Кулы-Хана, и жены Рахимъ-Бина и Шахъ-Мурата) было ихъ у него еще двѣ: одна—приходившаяся двоюродною сестрою Абуль-Гави-Хану (бухарскому) и вышедшая за мужъ за хана хивинскаго Каша, сына Батыръ-Султана, и другая—которая была къ замужеству за ходжею Мухаммедъ-Юсуфомъ, сыномъ ходжи Мухаммедъ-Эмина. Миръ-Хайдеръ убилъ этого Мухаммедъ-Эмина, но Мухаммедъ-Юсуфу далъ званіе накиба. Эта жена Мухаммедъ-Юсуфа, по смерти мужа, около 1824 года, жила еще въ Бухарѣ съ дѣтьми своими.

16. Извѣствія до сихъ поръ монеты Миръ-Хайдера, битыя съ его именемъ, принадлежать къ 1215, 1216, 1225, 1226, 1227, 1228, 1230, 1234 и 1237 годамъ гижры (= 1801, 1802, 1810, 1811, 1812, 1813, 1815, 1818 и 1821 по Р. X.). На монетахъ этихъ онъ является съ титулами Падишахъ, Сейидъ, Эмиръ и

Эмиръ-эль-Муменинъ. Но кромя монетъ съ своимъ именемъ, Миръ-Хайдеръ былъ еще монеты въ честь отца своего, и отца и дѣда вмѣстѣ. На первыхъ надпись: *رحمت باد ير معصوم غازي* «Милосердіе божіе да будетъ надъ Маъсумъ-Гази». Такая монета извѣстна съ 1236 годомъ гиджры = 1820 - 1 по Р. Х. На послѣднихъ изображены сряду именъ отца и дѣда: *امير دانيال معصوم غازي* «Эмиръ-Даніаль; Маъсумъ-Гази». Такія монеты извѣстны съ 1231, 1233 и 1234 годами гиджры = 1816, 1817 - 8 и 1818 - 9 по Р. Х. См. »Записки« Имп. Арх. Общ. т. XIII, стр. 419 - 424. — *Хутбэ*, въ мусульманскомъ церковномъ служеніи, соответствуетъ нашей эктени. Право быть поминаемымъ въ эктени, равно какъ и право бить монету съ своимъ именемъ, составляютъ, повсюду на Магометанскомъ Востоку, принадлежность одного верховнаго властителя страны.

17. Миръ-Хусейнъ-Бикъ былъ Миръ-Хайдеру единоутробнымъ братомъ, отъ одной матери, а Динъ-Насиръ-Бикъ имѣлъ матерью другую жену Шахъ-Мурада, по имени Калмыкъ-Аимъ. Она жила въ Мервѣ, и бѣжала оттуда въ Гератъ вмѣстѣ съ нимъ.

18. Есть два города по имени *Мерв*, и находятся они не вдалекѣ одинъ отъ другаго. Для отличенія ихъ другъ отъ друга, одинъ называется *Мерв - Шахджоганъ*, другой — *Мерв - Рудъ*. Здѣсь идетъ рѣчь о первомъ, правителемъ куда Шахъ-Мурадъ посадилъ Динъ-Насиръ-Бика (по разсказу Мирзы-Шемса) тотчасъ же по покореніи этого города въ 1200 году гиджры. Нѣкоторыя подробности о положеніи Мерва въ послѣднее время изложены ниже (примѣч. 23).

19. Миръ-Хусейнъ-Бикъ назначенъ былъ Шахъ-Мурадомъ въ правители Самарканда вскорѣ послѣ того какъ Миръ-Хайдеру данъ былъ имъ въ управленіе Карши. О положеніи Самарканда въ наше время см. Н. В. Ханькова въ его »Описаніи Бухарскаго Ханства«, стр. 99 - 105.

20. Въ подлинникѣ *مخبر* махрамъ. Слово это повсюду на Мусульманскомъ Востоку означаетъ дворцоваго чиновника и близкаго человека, имѣющаго входъ во внутренніе покои. При бухарскомъ Дворѣ дворцовыя чины называемыя махрамами составляютъ особый отдѣлъ, раздѣляющійся на восемь разрядовъ, или степеней. См. Н. В. Хавыкова »Описание бухарскаго Ханства«, стр. 185 — 186.

21. *Шегрисебъ*, у нашихъ русскихъ торговцевъ извѣстный подъ именемъ *Шериавеса*, есть главный городъ небольшого владѣнія того же имени, занимающаго гористое пространство между Карши и Самаркандомъ. Населенъ Узбеками Кивегесова Рода, пользующимися у Бухарцевъ весьма воинственною репутациею. По причинѣ этой воинственности, Себзицы подчиняются бухарскому владѣтельству не иначе, какъ истощивъ всѣ средства сопротивленія, и при первой возможности возстановляютъ свою независимость, избирая себѣ собственнаго правителя. Еще кое-какія подробности объ этомъ владѣніи можно найти у Мейендорфа (*Voyage à Boukhara* etc. p. 135), который говоритъ, между прочимъ, что Шегрисебское Владѣніе, присоединенное къ Бухарскому Ханству Мухаммедъ-Рахимъ-Ханомъ, отложилось отъ онаго въ 1751 году. Это дѣйствительно случилось, но гораздо позже: покойному-же Миръ-Насруллаху опять удалось подчинить Шегрисебъ своей власти. Послѣ походовъ подъ этотъ городъ, повторившихся нѣсколько лѣтъ сряду, и хотя неудачныхъ (по той причинѣ что Себзицы дѣлали окрестности города недоступными, наводняя ихъ), однако истощившихъ силы и средства страны, Насруллахъ, лѣтомъ 1856 года, явился снова подъ стѣны Шегрисеба, и началъ военныя дѣйствія. Видя невозможность сопротивляться долѣе, правительствовавшій тамъ Искендеръ-Валлими (вѣли-ун-виемъ) самъ отперъ ворота города, и съ покорностію вышелъ къ Эмиру, который его, со всѣмъ семействомъ, роднею и должностными лицами, отправилъ на житье въ Бухару, гдѣ подарилъ ему домъ, два фруктовые сада, и

значилъ 4000 р. сер. содержанія изъ доходовъ съ Каракульскаго Округа. Затѣмъ, большинство обывателей Шегрисебзской Области Эмиръ выселилъ частію въ Карши, частію въ Самаркандъ, а управленіе ею поручилъ двумъ узбекамъ изъ Мангитскаго Рода, одного посадивъ въ самомъ Шегрисебзѣ, другаго въ городѣ Китабѣ, и оставивъ въ томъ и другомъ по 1700 человекъ гарнизона; сверхъ-того, 1500 человекъ своего войска поставилъ въ Яккабагъ, и 1200 въ Чирагчи, двухъ крѣпостяхъ не подалеку одна отъ другой, такъ-чтобы въ случаѣ надобности всѣ эти гарнизоны могли тотчасъ же подать взаимную помощь, и соединиться. Наконецъ, плодомъ покоренія Шегрисебза было еще приобрѣтеніе для гарема Эмирова сестры Искендера-Валлими, извѣстной красавицы, которая выдана была братомъ за мужъ за одного шегрисебзскаго бека по имени Якупа: этого Якупа Эмиръ сослалъ въ Чарджуй, а жену его взялъ себѣ.

22. *Чарджуй* лежитъ на лѣвомъ берегу Аму-Дарьи по пути изъ Бухары къ Мерву, на рубежѣ воздѣлываемаго пространства и гнущейся далѣе на югъ безплодной, песчаной степи; защищается небольшою крѣпостцю на возвышеніи; населеніе не превышаетъ 4000 или 5000 душъ, да и то въ жары выночевываетъ болѣею частію на берега Аму. Такъ пишетъ Борнсъ, посѣтившій Чарджуй въ 1832 году (*Travels into Bokhara*. III, 7 - 8). Имя этого города Мирза-Шемсъ пишетъ постоянно *چهار جوی* *Чарджуй*, какъ и слѣдуетъ, ибо *Чарджу*, или *Чарджуй*, есть простонародное сокращеніе *Чарджуй*.

23. *Мерв*, извѣстный у Киргизовъ, а за ними и у Русскихъ Оренбургскаго-Края, торгующихъ съ Азіей, подъ именемъ *Мары*, а у Бухарцевъ — *Мавра*, былъ въ прежнее время весьма цвѣтущій и сильно-населенный городъ. Выселеніе части жителей изъ покореннаго города внутрь владѣній побѣдителя есть весьма обыкновенная въ Азіи мѣра предосторожности; но какую страшную тя-

гостію дожитися эта предосторожність на благооставленіе переселенцевъ, не говоря уже о чувствахъ привязанности къ роднѣ! Было бы надѣлано, что Миръ-Насруллахъ поступилъ въ наше время съ вѣкореннымъ Шегривобанъ (примѣчаніе 21) точно такъ же, какъ отецъ его поступилъ съ Мервомъ. Уменьшая что Миръ-Хайдаръ, за привязанность Маверцевъ къ Дияъ-Насиръ-Бакъ, обезлюдилъ городъ выселеніемъ, Мирва-Шемъ не обозначаетъ числа выселенцевъ. По свидѣніямъ, собраннымъ Мейендорфомъ, выселены были всѣ жители города въ числѣ 25,000 душъ (Voyage à Bokhara, p. 155). »Меръ — продолжаетъ Мейендорфъ — слушать теперь иѣстою ссылки: туда ссылаютъ всѣхъ преступниковъ, которыхъ не хотѣтъ казнить смертію. Такихъ жителей набирается уже до 500 человекъ, не считая гарнизона въ 400 — 500 человекъ, который содержитъ здѣсь Эмиръ, сѣлая въ три года разъ. Окрестности города начинаютъ снова воздѣлываться; нѣсколько канатъ для поливаніи полей проведено изъ Мургаба, рѣки протекающей въ 20 верстахъ отъ Мерва. Но Эмиръ, чтобы воспрепятствовать городу заселиться вновь, и чтобы жители его, вѣльзуюсь извоировашионію своею, не вздумали сдѣлаться независимыми отъ него, не позволяютъ снабжать городъ водою въ обиліи. Важною условію преняго благоденствія Мерва была бѣда или плотина на Мургабѣ, которая, не допуская воды рѣки теряться, какъ теперь, въ пескахъ, доставляла средства къ цѣлѣующему земледѣлію. »Плотина эта, говоритъ Борисякъ, разрушена была Шахъ-Мурадомъ около 45 лѣтъ тому (писано въ 1838 году). Нынѣ рѣка орошаетъ лишь ближайшія къ ней земли; они покрыты турменскими кибитками, ибо осѣдлыхъ деревень нѣтъ. Земледѣліе здѣсь поливное, и производительность великолѣпнаа (Travels into Bokhara. III, 30 — 31). Выселенные Маверцы живутъ и мовынѣ, въ Бухарѣ и Самаркандѣ, особыми кварталами. Говорятъ будто они выучили Бухарцевъ воздѣлывать шелкъ, и таятъ шелковыя матеріи, чего эти прежде не умѣли. Что-же касается до опустѣлаго Мерва, то данъ

хивинскій Мухаммедъ-Рахинъ, находя выгоду въ обладаніи этимъ пунктомъ для дѣйствій противу Персін и непокорныхъ ему Туркменовъ, отнялъ его у Миръ-Хайдера, и населилъ своими Хивинцами. Покойный Миръ-Насруллахъ опять завладѣлъ Мервомъ, но не на долго: черезъ нѣсколько времени Хивинцы снова укрѣпились здѣсь. Чтобы выжить ихъ, Бухарцы подстрекнули Туркменовъ, и тѣ, напавъ на городъ ночью, въ-расплохъ, перерѣзали большую часть жителей, и остались владѣльцами мѣста. Это произошло въ 1846 году. Съ тѣхъ поръ хивинскій ханъ Мухаммедъ-Эминъ почти каждый годъ собиралъ войско, и ходилъ воевать маверскихъ Туркменъ, но безуспѣшно. Военныя дѣйствія ограничивались большею частію тѣмъ что онъ травилъ ихъ дуга, и жегъ посѣянный хлѣбъ, а Маверцы, отогнавъ свой скотъ подальше, смѣлились надъ напрасными усиліями Хана, разорывшими его казну, разбивали отряды его при каждой съ ними встрѣчѣ, и въ 1850 году, когда Хивинцы, въ числѣ 6000 человекъ, захвативъ табунъ туркменскихъ лошадей, приступили ночью къ дѣлежу ихъ, сдѣлали сильную вылазку, напали внезапно на Хивинцевъ, и почти всѣхъ ихъ успѣли перерѣзать. Наконецъ, послѣдній походъ Мухаммедъ-Эмина на Мервъ и Серахсъ, въ началѣ 1855 года, кончился тѣмъ что онъ былъ разбитъ Туркменами и Персіанами, и голова его явилась выставленною, какъ трофей, въ Тегеранѣ.

24. Тоже самое читаемъ у Борнса: »Миръ-Хайдеръ показывалъ себя на престолѣ богѣ духовнымъ лицомъ нежели свѣтскимъ правителемъ, и строгое со стороны его соблюденіе заповѣдей Корана, чѣмъ онъ весьма прославился въ мусульманскомъ мірѣ, не мало содѣйствовало къ усиленію святошества и фанатизма въ его владѣніяхъ. Титулъ свой »Повелителя Правовѣрныхъ« (Эмиръ-эль-Муменинъ) понималъ онъ буквально, и большую часть своего времени употреблялъ на исправленіе и улучшеніе нравовъ своего вѣка. Онъ не царскія, а поповскія отправлялъ обязанности: читалъ молитвы за упокой души при погребеніи умершихъ, всту-

валъ въ богословскіе споры въ мечетахъ, управлялъ церковнымъ служеніемъ, и преподавалъ въ семинаріяхъ» (Travels into Bokhara. II, 266 и III, 286).

Весьма живо является намъ образъ Миръ-Хайдера въ разсказѣ Низзетуллаха, посѣщавшаго Бухару въ 1813 году. «Миръ-Хайдеру — пишетъ онъ — около тридцати-двухъ лѣтъ. Онъ высокъ ростомъ, и хорошо сложенъ. Цвѣтъ лица у него отъ природы прекрасный; но горячность съ которою онъ предается отпращиванію религіозныхъ обязанностей, постъ который соблюдаетъ онъ постоянно черезъ два дня въ третій, наконецъ неутомимость съ какою творитъ онъ судъ подданнымъ, сдѣлали его блѣднымъ и вальшимъ. Въ полночь онъ встаетъ и читаетъ приличную молитву; затѣмъ нравственныя и религіозныя занятія свои продолжаетъ до зари. Послѣ молитвы положенной въ это время, толкуетъ челоуѣкамъ пятидесяти студентовъ Коранъ и Хадисы (преданія о Магометѣ). Затѣмъ выходитъ въ пріемный залъ, садится на бархатной подушкѣ, и принимаетъ, въ обычной формѣ, *селамъ-алейкумъ* придворныхъ. Обратное *селамъ-алейкумъ* отдаетъ не самъ Эмиръ, а за него особый для должности этой чиновникъ. При выходѣ такого рода, люди пользующіеся репутаціею святости и учителя закона садятся по правую сторону Эмира, а ханы (высшіе военные и гражданскіе чиновники) по лѣвую. Всѣ смѣютъ на колѣняхъ; одинъ Хакимъ-Би (кушбиги) остается въ стоячемъ положеніи, прямо противъ Эмира. Дворцовые чиновники тоже располагаются по лѣвую руку. Законовѣдцы и ханы, являясь ко Двору, одѣваются всѣ одинаковымъ образомъ; такимъ же образомъ и всѣ пріѣзжіе должны, для представленія къ Эмиру, одѣваться по узбекки. У дверей пріемной залы подхватываетъ ихъ чупдаръ, и ведетъ къ государю. Въ нѣкоторомъ разстояніи они останавливаются, произносятъ *селамъ-алейкумъ*, и дѣлаютъ еще нѣсколько шаговъ впередъ. Тогда двое изъ служителей Эмира берутъ ихъ за руки, и подводятъ къ сѣдалищу государя. Эмиръ протягиваетъ руку,

представленный цѣлуется ее. Если государю угодно приказать ему сѣсть, придворные чиновники ведутъ представившагося, и указываютъ ему мѣсто соответственное его званію. Сѣвши, удостоенный этой чести обращается къ Эмиру съ привѣтствіемъ, и излагаетъ что ему нужно. Посланные получаютъ содержаніе на счетъ Эмира. — По окончаніи выхода и отпуска присутствовавшихъ, чударъ объявляетъ народу, собирающемуся каждое утро къ дверямъ Дворца, что имѣющіе надобность до Эмира могутъ войти. Ихъ впускаютъ и сажаютъ въ присутствіи Эмира. Онъ прочитываетъ ихъ просьбы, и промзводитъ рѣшеніе сообразно съ закономъ. Книги законовъ кладутся около него въ большомъ числѣ. Около полудня, являются ученые разсуждать и спорить передъ Эмиромъ, который часто принимаетъ участіе въ ихъ бесѣдѣ. Затѣмъ читается полуденная молитва, при чемъ Эмиръ отправляетъ должность пишь-имама, а тамъ обращается снова къ разбору просьбъ и жалобъ, что и продолжается до послѣполуденной молитвы. Послѣ этого, время до вечера проводится въ обычныхъ занятіяхъ, а по прочтеніи вечернихъ молитвъ подають обѣдъ. Затѣмъ читаются молитвы на ночь, и Эмиръ отходитъ ко сну, но болѣе четырехъ съ половиною часовъ не спитъ. — Если тяжба требуетъ долгаго разслѣдованія, Эмиръ отсылаетъ тяжущихся къ кадію, который и рѣшаетъ дѣло непремѣнно по закону, боясь Эмира, и зная какъ легко всякій имѣетъ къ нему доступъ. Всѣ молитвы за упокой души умершихъ Эмиръ читаетъ самъ, а въ соборной городской мечети самъ же по пятницамъ читаетъ хутбѣ и отправляетъ обязанности пишь-имама.

» У Эмира четыре жены, кромѣ невольницъ. Изъ братьевъ его одинъ, Насреддинъ-Ханъ, живетъ теперь въ Мешгедѣ, получая пенсію, по три тумана въ мѣсяцъ, отъ правителя тамошняго Мухаммедъ-Мирзы, сына Фетхъ-Али-Шахова; другой — Мухаммедъ-Хусейнъ-Ханъ, живетъ въ Шегрисебѣ у тамошняго владѣтеля, Ниязъ-Али-Би, но содержаніе получаетъ отъ Миръ-Хайдера.

» Миръ-Хайдеръ наследовалъ отцу своему Мурадъ-Бию (Шахъ-Мураду). Тотчасъ же началъ онъ бить монету съ своимъ именемъ, титулуясь *Сейидъ Эмиръ Хайдеръ, надиманъ кази*, просилъ себѣ утверженія у Константинопольскаго Двора, и облеченъ во всѣ знамя верховной власти. Но чрезъ два года отказался отъ всякой царской пышности, и, подражая смиренію отца своего, принявъ титулъ *Эмиръ-эль-Муламмилъ* (повелителя правовѣрныхъ). Съ тѣхъ поръ, во всѣхъ отношеніяхъ показывалъ онъ себя государемъ разумнымъ, правосуднымъ, благочестивымъ и способнымъ; только въ отношеніи къ окружающимъ его онъ нѣсколько капризенъ и вспыльчивъ, и когда недоволенъ кѣмъ изъ нихъ, тотчасъ лишаетъ своихъ вилостей, и даже предастъ смерти безъ всякаго разслѣдованія дѣла (Magasin Asiatique. II, 178 - 180 и 185).

А вотъ и другой портретъ того же лица, рисованный, черезъ восемь лѣтъ, живописцемъ съ инымъ взглядомъ на вещи: »Ханъ (Миръ-Хайдеръ) — пишетъ Мейендорфъ — ведетъ себя по наружности благочестиво, но не имѣя нужды владѣть собою, предается вслѣдъ крайности распутства, и соблазнительнымъ примѣромъ своимъ увлекаетъ къ тому же и сановниковъ своихъ. Не стану упоминать о жестокостяхъ сопровождавшихъ его вояцареніе: онъ до того въ духѣ азіатскихъ правительствъ, что никого не удивляютъ, и слѣдствія ихъ повсюду одинаковы. Страхъ, этотъ ужасный бичъ деспотовъ, который не даетъ имъ покоя иначе какъ въ чувственномъ упоеніи или самозабвеніи, преслѣдуетъ также и бухарскаго хана. Онъ довѣряется одному Кушбегію, который и приготовляетъ на собственной кухнѣ всѣ кушанья для ханскаго стола. Поварь, приготовляющій эти блюда, отвѣдываетъ отъ каждаго въ присутствіи Кушбегі; потомъ самъ Кушбегі отвѣдываетъ каждое блюдо, ставитъ ихъ въ ящикъ, запираетъ замокъ у шпинна, и прикладываетъ къ замку печать свою. Лишь послѣ этихъ формальностей, блюда подаютъ Хану, и онъ ѣстъ ихъ . . . а когда Ханъ мечуетъ изъ Бухары, онъ и саму своему приказываетъ выжить изъ то-

рода: такъ велика его недовѣрчивость» (Voyage à Boukhara, pp. 257 — 259).

Въ заключеніе характеристики Миръ-Хайдера помѣщаемъ слѣдующій отрывокъ изъ разсказовъ о Средней-Азіи Муртавы Фейзулліва (ненапечатанныхъ). » У хана Миръ-Хайдера женъ множество, именно около 75, сколько о томъ можно знать. Когда онъ провѣдаетъ что у кого изъ подданныхъ есть дочь красивая собою, онъ тотчасъ же беретъ ее, женится на ней по магометанскому обряду, а на другой день ужъ даетъ ей разводную, но изъ дворца не выпускаетъ. Для виду, онъ будто и предлагаетъ ей свободу, но выѣстъ съ тѣмъ и обнадеживаетъ что можетъ быть опять будетъ съ нею вѣнчаться, и совѣтуетъ въ ожиданіи этого оставаться у него. — Эмиръ Хайдеръ любитъ также и крѣпкіе напитки, и, какъ говорятъ, зачастую ими упивается. Его въ Бухарѣ не любятъ, и явно желаютъ чтобы Тюря-Ханъ (Миръ-Хусейнъ-Тюря) принялъ правленіе. Эмира считаютъ слабоумнымъ или, по крайней мѣрѣ, слабымъ человекомъ; особенно не нравится народу то, что онъ даетъ управлять собою Кушбигію (Хакиму), человекъ развратному и злону, и другимъ приближеннымъ.

25. Въ Бухарскихъ медресѣ (семинаріяхъ или духовныхъ академіяхъ) профессоръ (мудеррисы) науки ими преподаваемые проходятъ съ студентами по извѣстнымъ для каждой руководствамъ, излагающимъ основанія науки; руководства-же, заключающія въ себѣ развитіе и объясненіе началъ, студенты болъшею-частію должны сами читать. Такихъ руководствъ, которыя должны быть изучены въ теченіе полнаго курса наукъ, считается болѣе 137 книгъ. Кто докончилъ эти книги, тотъ кончаетъ учиться. Любопытныя подробности объ этихъ руководствахъ и вообще объ ученѣ въ Бухарѣ, о числѣ студентовъ (коихъ въ одномъ этомъ городѣ было въ 1840 году отъ девяти до десяти тысячъ, а во всемъ ханствѣ должно быть отъ 15,000 до 16,000), ихъ образъ жизни и проч. см. у Н. В. Ханькова, въ »Описаніи Бухарскаго Ханства«, стр. 212 — 223.

26. Подъ *Уриччалъ* Мирса-Шемъ разумеютъ *Новый-Уриччалъ*, находящійся въ 31 верстѣ къ С.В. отъ Хивы, важнѣйшій торговый и ремесленный городъ Хамства. Подробности объ немъ см. у Данилевскаго въ «Описаніи Хивинскаго Ханства» (Записки И. Русск. Географ. Общества. Книга пятая, стр. 109).

27. Названіе *Милкала* носитъ часть Зеравшанской Долины, между Самаркандомъ и Керминомъ, заключающая въ себѣ городки и крѣпости Коттѣ-Курганъ, Катарчи, Пенджшембѣ, Митанъ, Нурагоръ, Яггы-Курганъ и Чалакъ. См. Борисовы Travels into Bokhara, III, 294.

28. Обѣ крѣпости эти расположены въ долинѣ р. Зеравшана, не подалеку одна отъ другой, и принадлежать къ Милкальскому Округу, плата ежегодно поземельной подати: *Яггы-Курганъ* — 6000, *Чалакъ* — 5000 тиллей, (см. Бориса: Travels into Bokhara. London. 1839. II, 294). Кромѣ упомянутаго, есть въ Бухаріи другой Яггы-Курганъ, къ С.В. отъ Самарканда. Для отличія отъ этого, Яггы-Курганъ чтѣ въ Милкалѣ прозывается *Кышчакимъ Яггы-Курганомъ*.

29. *Чакрымъ* — мѣра пути татарская, въ Бухаріи неупотребительная, которою Мирса-Шемъ обозначаетъ протяженіе равное нашей верстѣ, какъ это принято вообще въ Оренбургскомъ-Краю.

30. *Каракамаки* — тюркское племя, весьма близкое къ Киргизъ-Кайсакамъ, и отличающееся въ Хивѣ расположеніемъ къ земледѣлю, въ бухарскихъ предѣлахъ ведетъ кочевую жизнь, обитая преимущественно между Джизахомъ и Уратомъ.

31. Въ *фарсахъ* считается 12,000 шаговъ, стало быть по нашему 8 верстѣ; но персидскій фарсахъ принимается обыкновенно за протяженіе равное 7 верстамъ нашей мѣры.

32. Крѣпость *Коттѣ-Курганъ* находится въ Милкальскомъ Округѣ, и лежитъ по пути изъ Кермина въ Самаркандъ, отстоя отъ послѣдняго въ 67, а отъ Кермина въ 83 верстахъ. Поземельной подати платитъ 12,000 тиллей. См. Бориса: Travels

into Bokhara, II, 294; Ханькова »Описание Бухарскаго Ханства«, стр. 98; и Лешаново Reise nach Bokhara und Samarkand. St. Petersburg. 1852. S. 99.

33. Бунтъ Хатайцевъ и Кипчаконъ имѣлъ мѣсто, — это извѣстно изъ современныхъ распросныхъ свѣдѣній, — осенью 1621 года. Причиною бунта было, какъ рассказывали, неудовольствіе этихъ Узбековъ на то, что Миръ-Хайдеръ отдался совершенно въ руки Хакима-Кушбиги, человека алчнаго и скунаго, возведеннаго шкъ въ это званіе изъ ничтожества, тогда-какъ Узбеки не имѣли никакого вѣсу въ правленіи. — Тою же осенью и Хивинцы подступали къ Чегарджую, но не подъ предводительствомъ Ильтнезеръ-Хана, котораго въ это время давно уже не было на свѣтѣ. Съ какого и по какому именно времени властвовала въ Хивѣ Ильтнезеръ-Ханъ, неизвѣстно. Изъ записокъ Майора Бланкенагеля, посѣщавшаго Хиву въ 1793 — 4 годахъ, и митрополита Хрисанфа, бывшаго тамъ въ 1795 году, знаемъ только что въ это время Ханство Хивинское управлялось еще Эбвазъ-Инакомъ, отцемъ Ильтнезера; а въ 1810 году на Ханствѣ Хивинскомъ сидѣлъ уже несомнѣнно братъ Ильтнезера, Мухаммедъ-Рахимъ.

34. *Хисаръ*, главный городъ независимаго и значительнаго узбецкаго владѣнія того же имени, лежащаго на юго-востокъ отъ Шегрисеба, находится при впадающей въ Аму-Дарью рѣкѣ Кафиръ-Ниганъ. См. у Мейендорфа (Voyage, etc., стр. 130 — 131).

35. О нынѣшнемъ состояніи *Балха* см. Мурирета (Travels, II, 493 — 494) и Борнеа (Travels into Bokhara, II, 204 — 208). *Мейменѣ*, *Андхотъ*, *Амчѣ* и *Шебуртажъ* — главныя мѣста небольшихъ узбецкихъ владѣній по лѣвую сторону Аму-Дарьи, между Балхомъ и Мервомъ. Владѣнія эти, до послѣдняго времени, признавали надъ собою власть бухарскаго эмира; но нѣсколько лѣтъ уже, они, какъ и Балхъ, подчинились Достъ-Мухаммеду, хану кабульскому. По свѣдѣніямъ собраннмъ Мейендорфомъ, городъ Андху, въ разстояніи 100 верстъ отъ Балха, заключаетъ въ

себѣ до 4000 домовъ, и населятъ частью Узбеками и Талжинками, но болѣе всего Арабами. Въ Мейменѣ до 1000 домовъ, и населятъ онѣ Узбеками (Voyage à Boukhara, p. 143). По свидѣніямъ собраннымъ Борисомъ въ 1837 - 1838 годахъ, Мейменѣ есть самое сильное изъ этихъ владѣній: ханъ его можетъ выставить въ поле до 6000 всадниковъ, тогда-какъ владѣтель Андху — не болѣе 500. Шибурганъ — сильнѣйшее укрѣпленіе въ тѣхъ мѣстахъ: цитадель его построена изъ сжегаго кирпича и, окружена земляными валами. Владѣлецъ можетъ выставить въ поле отъ 500 до 600 всадниковъ (Sabool, p. 225 - 228). По свидѣніямъ собраннымъ Н. О. Блазандергомъ, въ Мейменѣ считается Узбековъ до 5000 семействъ, въ Андху — 3700, въ Шибурганѣ — 3500 семействъ («Статистическое Обзорѣніе Персія». Спб. 1853. Стр. 289). Объ Акчѣ неизвѣстно ничего.

36. *Кокунъ* — контингентъ, который по росписи о народонаселеніи, ставится городомъ или областью; иногда-же слово это употребляется просто въ значеніи «войско», «рота».

37. Имя рѣки Аму Мирза-Шемъ пишетъ всадъ *آمويه* или употреблялъ произношеніемъ, *عامويه* то-есть Амуд, а не *آمو*, т. е. Аму.

38. *Туманъ* есть собственно имя числительное, означающее 10,000. Кочевые народы, незнакомые съ административно-территориальною терминологіею осѣдлыхъ, не имѣющие въ языкахъ своихъ даже словъ для означенія понятій «область», «округъ», «уѣздъ», и т. п., говоря владѣи своей страны съ осѣдлыми народонаселеніемъ, по-необходимости должны были за основаніе административнаго дѣленія сихъ странъ брать адмистивно численность обитателей. и потому дѣлили страну, при первомъ покореніи ея, на туманы, «тимы»; со временемъ-же, при постепенной привычкѣ кочевниковъ къ осѣдлому быту, слово туманъ терло мало-по-малу въ глазахъ ихъ свое арифметическое значеніе, и приобрѣтало въ за-

иѣтъ административное — уѣзда, округа, волости; такъ теперь въ Бухаріи отъ тумана вовсе не требуется чтобы онъ заключалъ въ себѣ десять тысячъ жителей. По Борису, округъ города Бухары состоитъ изъ семи тумановъ: Рамитанскаго, Зенданійскаго, Вафкендскаго, Варданзійскаго, Хайрабадскаго, Вагазійскаго и Гиджуванскаго; округъ Самарканда заключаетъ въ себѣ пять тумановъ, округъ Каршійскій — тоже пять, округъ Міянкальскій — семь, и т. д. (Travels into Bokhara III, 293 - 294).

89. Это пораженіе Хивинцевъ Бухарцами подъ начальствомъ самаго Миръ-Хайдера произошло въ концѣ 1822 года, дѣйствительно около Аму-Дарьи. По современнымъ разсказамъ ханъ хивинскій Мухаммедъ-Рахимъ шелъ на Бухару съ 15,000 войска, изъ коихъ, впоследствии означеннаго пораженія, 8000 легло на мѣстѣ, а 7000 утонуло въ рѣкѣ, при чемъ самъ Рахимъ-Ханъ былъ раненъ, но успѣлъ спастись, а братъ его, сопутствовавшій ему въ походѣ, лишился жизни.

Событіе это Мирза-Шемъ смѣшалъ съ другимъ, которое произошло тоже въ правленіе Миръ-Хайдера, но лѣтъ 14 - 16 ранѣе. Тогда вторгнувшійся въ предѣлы Бухаріи ханъ хивинскій Ильтнезеръ дѣйствительно утонулъ при переправѣ черезъ Аму-Дарью. — Лѣтъ 14 или 16 ранѣе, говорю я, потому-что одинъ извѣстнѣйшій походъ Ильтнезеръ-Хана на Бухарію, и гибель его въ водахъ Аму, относятъ къ 1808, другія къ 1806 году. Во всякомъ случаѣ, сынъ и преемникъ Ильтнезеръ-Хана, Мухаммедъ-Рахимъ не могъ вступить на престолъ около 1802 года, какъ читаемъ у Н. Н. Муравьева («Путешествіе въ Туркменію и Хиву», Москва 1822. Часть II, стр. 41), а вступилъ позже. До послѣдняго времени, съ именемъ Мухаммедъ-Рахимъ-Хана и обозначеніемъ года битвы извѣстна была только одна монета — 1236 года гиджры (= 1820 по Р. X.). См. Френа Nova Supplementa ad Receptionem, etc., p. 135). У меня нашлась гораздо старѣйшая, именно съ означеніемъ 1225 года гиджры; но и это доводитъ

насть несомнѣнно только до 1810 года во Р. Х. Монета эта описана мною въ статьѣ »Неизданныя Бухарскія и Хивинскія Монеты«, помѣщенной въ »Извѣстіяхъ« Имп. Археологическаго Общества, т. II, стр. 160.

40. Слово **تور** *тюра* употребляется у тюркскихъ племенъ въ разнообразныхъ значеніяхъ. Въ Бухаріи *тюра* есть титулъ ханскихъ сыновей и въ-особенности наследника престола, совершенно соответствующій персидскому **میرزا**, и, въ этомъ смыслѣ, такъ же какъ и слово **میرزا**, ставится послѣ собственнаго имени. Въ Киргизской Степи *тюрами* называютъ потомство прежнихъ хановъ, которое мы, незная почему, титулуемъ »султанами«.

41. Это не тотъ *Девлетъ-Кушбеги*, о которомъ упоминають *Негри* и *Мейендорфъ*, какъ о первомъ министрѣ *Абуль-Гази-Хана* (у *Сенковского*, въ *Supplement etc.*, p. 120 et 129), а тотъ, который былъ правителемъ Самарканда въ проѣздъ черезъ этотъ городъ, въ 1813 году, *Миръ-Изетуллаха* (*Magasin Asiatique*. II, 166).

42. Это въ Средней-Азійи обычный образъ дѣйствій противу враговъ, чтобы принудить ихъ къ покорности. Такъ *Ефремовъ* рассказываетъ о походахъ *Даніаль-Аталыка*: »Если кто изъ сосѣдей сдѣлается непрітелемъ, тогда *Аталыкъ* выѣзжаетъ со всѣмъ войскомъ, и, приблизясь къ непріятельскому городу, велитъ палить изъ всѣхъ пушекъ и *мартиръ*, гдѣ по непривычкѣ отъ одного звука страшатся, сдаются и платятъ дань *Аталыку*. Буде-же снмъ образомъ не устрашитъ, то велитъ войску лошадьми скормить посѣянный хлѣбъ, а траву смечь, и все то мѣсто отравить. На другое лѣто вторично приходитъ. Такимъ образомъ всѣ тамошніе города подъ владѣніе Бухаріи пришли (»Десятилѣтнее Странствованіе«, и проч. Стр. 73 — 74).

43. *Аллахъ-Кули-Ханъ* вступилъ на престолъ въ 1825 году, тотчасъ же по смерти отца своего *Мухаммедъ-Рахимъ-Хана*.

44. Этотъ Миръ-Музаферъ властвуетъ нынѣ въ Бухаріи, вступивъ на престолъ по кончинѣ отца своего Насруллаха, послѣдовавшей осенью 1860 года.

45. *Туй* — пиршество въ кочевомъ вкусѣ, заключающееся въ угощеніи присутствующихъ, конской скачкѣ съ привазами, борьбѣ, стрѣльбѣ въ цѣль и т. д.

46. *Гуламы* — такъ называются молодые люди, служащіе при господинѣ своемъ въ родѣ тѣлохранителей, оруженосцевъ, гонцевъ. Иногда-же слово это означаетъ просто »рабъ«. *Хизмет-кары* — »слуга«; но такъ зовутся только слуги изъ вольныхъ людей, а не изъ рабовъ.

47. Значитъ, авторъ самъ былъ актеромъ въ разыгрывавшейся драмѣ. Съ этого времени, онъ уже вѣрѣдно упоминаетъ о себѣ, и былъ личнымъ свидѣтелемъ тѣхъ происшествій, о которыхъ рассказываетъ.

48. Такъ перевожу я слово *انسان*, которымъ обозначаются люди, въ поступкахъ и образѣ жизни совершенно сходные съ нашими »юродивыми«.

48 bis. Такъ перевелъ я, чтобы остаться вѣрнымъ грамматической постройкѣ фразы, но смыслъ требуетъ перевести иначе, а именно: »все это поспрталось. а если бы выйти изъ нихъ хотя 10 — 15 человѣкамъ, они могли бы убить и Миръ-Хусейна, и его свиту«.

49. *Миманъ-Ханѣ*, »гостиная-палата«, комната или зданіе для приѣма пословъ и другихъ пріѣзжихъ.

50. Дѣдушкой, *баба*, называетъ любовно Миръ-Хусейнъ Хаджима-Кушбиги, потому-что выросъ на его глазахъ, и съ дѣтства привыкъ уважать этого человѣка, несмотря на коварство свое, пользовавшагося въ Бухарѣ всеобщимъ уваженіемъ. Въ 1820 году, по прибытіи къ Бухарѣ нашего посольства, Хаджимъ-Кушбиги выѣхалъ къ нему на встрѣчу, и вотъ какъ г. Мейендорфъ описы-

заеть наружность этого бухарскаго савошика: »Кушбигию гдѣтъ пятьдесятъ отъ роду. Его длинная и темноволосая борода начиваеть сдѣлать; ростомъ онъ высокъ, имѣеть пріятное и доброе выраженіе лица. Чалма на немъ была изъ бѣлой кашмирской шали, халатъ изъ той же матеріи съ большими букетами, а шуба соболья, крытая полосатымъ кашемиромъ (Voyage à Boukhara, p. 82). Борисъ, имѣвшій сношенія съ этимъ же лицомъ въ 1832 году, остался имъ чрезвычайно-доволенъ. Въ третьей части Борисова путешествія въ Бухару, на стр. 232 — 233, 248 — 249, 267 — 270 и 277 — 279, желающіе могутъ прочесть о длинныхъ бѣсѣдахъ его съ Кушбиги, въ которыхъ мы, признаемся, не находимъ ничего особеннаго. »21 Іюля — пишетъ Борисъ — мы сдѣлали прощальный визитъ бухарскому визирю, и при этомъ случаѣ характеръ этого добраго человѣка выказался въ еще болѣе благопріятномъ свѣтѣ чѣмъ въ предшествовавшихъ свиданіи, когда онъ изъявилъ столько расположенія къ намъ. Кушбигию гдѣтъ шестдесятъ; борода его побѣлѣла уже отъ гдѣтъ, но глаза живы и блестятъ. Въ чертахъ лица его видѣны умъ и даже хитрость, составляющая, какъ говорятъ, отличительный его характеръ. . . . Я разстался съ этимъ достойнымъ человѣкомъ, растроганнымъ. — Достойный человѣкъ достойный и конецъ получилъ: въ 1837 году Эмиръ Насруллахъ сослалъ его сначала въ Карши, потомъ въ Нуръ-Ата, потомъ призвалъ въ Бухару, и заключилъ въ дворцовую темницу, гдѣ, въ 1840 году, велѣлъ зарѣзать, вмѣстѣ съ товарищемъ его по сдѣлѣ Бухары Насруллаху, Эйвазомъ топчи-башни. См. Ханькова »Описаніе Бухарскаго Ханства«, стр. 229 — 230.

51. Развалины каравансарая *Ходжа-Мубарекъ* находятся, по маршруту Н. В. Ханькова, въ $6\frac{1}{2}$ фарсахъ отъ Карши, и въ $10\frac{1}{2}$ фарсахъ отъ Бухары.

52. *چاشت* есть утренняя пора, когда тѣнь бросаемаа чело-вѣкомъ бываетъ равна дѣйствительному его росту.

Учен. Зап. кн. I. 1864 г.

8

53. Въ подлинникѣ *مع کوچ*: бухарское выраженіе, означающее »со всѣмъ, съ чѣмъ перекочевываютъ съ мѣста на мѣсто, съ пожитками, съ семействомъ, со скотомъ«.

54. Собственно не »дары«, а поклонное, ибо употребленное въ подлинникѣ турецкое слово *تارنوق*, означаетъ всякаго рода предметъ, который представляется отъ младшаго къ старшему, когда послѣдній является къ первому, по какой-либо надобности, на поклонъ. Въ такомъ случаѣ, въ Азіи, какъ извѣстно, съ пустыми руками явиться нельзя. Самый обыкновенный *тартык* между кочующими есть лошадь.

55. *Тилла* — золотая бухарская монета, неизмѣющая постоянного вѣса. При гг. Мейендорфѣ и Эверсманѣ, посѣщавшихъ Бухару въ 1821 году, т. е. около того времени, о которомъ идетъ рѣчь у Мирзы Шемса, 74 - 75 тиллей равнялись 100 голландскимъ червонцамъ. См. *Voyage à Boukhara* первого, р. 212, и *Reise nach Buchara* послѣдняго, s. 108.

56. По маршруту Иззетуллаха, станція *Ханъ - Робатъ* отстоитъ отъ Бухары въ разстояніи 15 часовъ пути (*Magasin Asiatique*. II, 48).

57. Развалины *Маликъ*, по маршруту Н. В. Ханькова, отстоятъ отъ Бухары въ 75, а отъ Керминѣ — въ 15 верстахъ. Подробное описаніе ихъ, съ рисункомъ, см. у Лемана (*Reise u s. w.* Стр. 86 - 89).

58. По маршруту Иззетуллаха, урочище *Умазы* находится отъ Бухары въ 39, а уроч. *Умазы-Кышлакъ* — въ 34 верстахъ.

59. На планѣ г. Бухары, приложенномъ къ »Описанію Бухарскаго Ханства« Н. В. Ханькова, селеніе *Базарчи* расположено подъ самыми стѣнами Бухары, противъ Имамскихъ - Воротъ; по Мейендорфу-же находится оно въ двухъ верстахъ отъ нея. Въ этомъ селеніи русское посольство въ Бухару жило нѣсколько дней, по выѣздѣ изъ города 10 марта 1821 года (*Voyage à Boukhara*, р. 83 et 89).

60. *دجين*, или *дэджин*, есть киргиско-узбекское слово, перешедшее и въ бухарское нарѣчіе персидскаго языка. Въ словарѣ къ Татарской Хрестоматіи Куляшова (Казань, 1859) оно написано *جين* и истолковано «племянникъ съ женниной стороны; кородной, сводной». *Ишанъ*-же, по Н. В. Ханькову, есть прозваніе даваемое простымъ народомъ въ Бухарѣ шейхамъ или молахамъ отличающимся подвигами святости. По Малькольму (*The History of Persia*, London. 1835. II, 255), Ишанъ-Накибъ былъ сынъ Ишанъ-Махдума, правителя джизахскаго, жеватаго на дочери Давиль-Аталька. Если такъ, то онъ приходился племянникомъ Шахъ-Мураду и дядю Насруллаху. — Въ Оренбургѣ Ишанъ-Накибъ женился на татаркѣ, которая плѣнила его своимъ искусствомъ печь пироги, и отправился съ нею въ Хиву, а изъ Хивы въ Персію, пробираясь къ Меккѣ, но издержался дорогою, принужденъ былъ нищенствовать, и погибъ безъ вѣсти въ Багдадѣ. Это тоже одна изъ жертвъ образцовой неблагодарности и жестокосердія эмира Насруллаха. Какимъ важнымъ значеніемъ пользовался Ишанъ-Накибъ при особѣ эмира Шахъ-Мурада, видно изъ разсказа о поѣздкѣ къ сему-последнему посланца отъ владѣтеля чинаравскаго Маминъ-Хана (въ 1794 году). Разсказъ этотъ такъ любопытенъ по заключающимся въ немъ подробностямъ относительно образа жизни Шахъ-Мурада, что мы считаемъ нелишнимъ привести его здѣсь изъ Малькольма (II, pp. 256 - 260). Маминъ-Ханъ велъ пріазвъ съ Ишанъ-Накибомъ; потому, въ одинъ изъ набѣговъ Шахъ-Мурада на Хорасанъ, чтобы отвратить отъ себя грозу, послалъ одного чиновника своего съ письмомъ къ Ишанъ-Накибу, и подарками ему и его повелителю, въ лагерь сего-последняго. «Я былъ введенъ, — пишетъ чиновникъ, — къ Ишанъ-Накибу, который сидѣлъ въ глубинѣ великолѣпнаго шатра. Это былъ человекъ замѣчательно — красивой наружности, но съ рѣдкою бородою. Онъ спросилъ меня о здоровьѣ, потомъ о здо-

ровъ Мамншъ - Хана, и прибавилъ: »да зачѣмъ самъ онъ не пріѣхалъ? Я пустился было въ извиненія, но онъ перебилъ меня, сказавши: »А, понимаю. Кабы я былъ одинъ, онъ-бы навѣстилъ меня, а теперь боится Шахъ-Мурада«. Затѣмъ всталъ и вышелъ, пригласивши меня отдохнуть въ той-же палаткѣ. Мнѣ принесли богатое ночное платье, и всѣ присутствующіе удалились. Но только что я легъ, какъ меня позвали къ Ишанъ-Накибу, который благосклонно пригласилъ меня отобѣдать съ собою. Обѣдъ былъ великолѣпенъ. Послѣ обѣда подали чай, и хозяинъ мой пилъ его изъ золотой чаши, осыпанной драгоцѣнными камнями. Мнѣ подали чашу серебряную съ золотою насѣчкою. Въ три часа по полудни онъ повелъ меня въ большую палатку о пяти столбахъ, гдѣ мы нашли много народу на молитвѣ. Сотворивъ тоже, мы возвратились въ его шатеръ, и только что успѣли войти, какъ слугитель доложилъ объ Эльхуръ-Суфи. Съ прибытіемъ этой духовной особы, Ишанъ-Накибъ занялся ею исключительно, оказывая въ обращеніи съ нею глубочайшее уваженіе: когда подали чай и кофе, онъ самъ держалъ чашу, пока пилъ изъ нея Эльхуръ-Суфи. Не долго мы просидѣли такимъ образомъ, какъ вышелъ чиновникъ, и объявилъ Ишанъ-Накибу что Шахъ-Мурадъ желаетъ видѣть у себя его, и его гостя. Мы тотчасъ встали, сѣли на лошадей и послѣдовали за чиновникомъ. Проѣхавши нѣсколько, мы остановились около палатки объ одномъ столбѣ, которую, по малому объему ея и дурному виду, принялъ я за помѣщеніе какихъ-нибудь капеваровъ или водоносовъ. Подъ тѣвью ея сидѣлъ на травѣ человекъ пожилыхъ лѣтъ. Мы всѣ спѣшились, и подошли къ этому человѣку, на которомъ была зеленая, но очень засаленная одежда. Приблизившись, всѣ сложили руки на груди и привѣтствовали его почтительнѣйшимъ образомъ. Онъ каждому изъ насъ отдалъ привѣтъ, и пригласилъ сѣсть насупротивъ его. Съ Ишанъ-Накибомъ обходился онъ весьма ласково, но рѣчь обращалъ преимущественно къ Эльхуръ-Суфию, разговаривая то съ важностію, то шуточно.

» Черезъ нѣсколько минутъ зашла рѣчь и о предметѣ моего посольства. Я подалъ письмо Маминшъ-Хана Ишанъ-Накибу, а онъ передалъ его человѣку въ зеленомъ платьѣ. Тутъ только догадался я что замарашка этотъ — самъ Шахъ-Мурадъ. Онъ раскрылъ письмо, прочелъ его, сунулъ въ карманъ, и, помолчавши съ минутой, сказалъ: » Должно быть добраго коня прислалъ мнѣ Маминшъ-Ханъ, и тотчасъ же велѣлъ привести лошадь. Осмотрѣвши внимательно животное, онъ заговорилъ съ окружающими шопотомъ и сѣлся; потомъ обратился ко мнѣ: » Зачѣмъ господинъ твой не прислалъ мнѣ своего карагѣза: мнѣ-бы хотѣлось его имѣть? — » Карагѣзъ съ пороками, отвѣчалъ я; иначе онъ былъ-бы непремѣнно присланъ къ Вашему Величеству. — » Со всеми своими пороками, онъ во сто разъ лучше этой лошади, что ты привелъ, замѣтилъ Шахъ-Мурадъ.

» Пока мы разговаривали, пріѣхало много разныхъ чиновниковъ. Я не могъ не любоваться чрезвычайнымъ богатствомъ и великолѣпиемъ ихъ одежды и оружія. Шахъ-Мурадъ на привѣтствіе каждаго изъ нихъ отвѣчалъ вѣжливо и ласково, и приказалъ имъ садиться; но, по малости его палатки, тѣмъ ей не могла защитити отъ лучей солнца и половны присутствовавшихъ. Вскорѣ по прибытіи ихъ, Государь погружился въ раздумье, и до самой вечерней молитвы былъ, казалось, совершенно-поглощенъ внутреннимъ созерцаніемъ. Наступило время молитвы. Онъ всталъ и удалился. Я ночевалъ въ шатрѣ у Ишанъ-Накиба. Съ разсвѣтомъ войско двинулось въ путь, и прошло въ нѣсколькихъ фарсахъ отъ Чиварана. Прибывши на мѣсто, гдѣ располагалъ стать лагеремъ, Шахъ-Мурадъ позвалъ меня, удостоилъ аудіенціи, и былъ чрезвычайно-ласковъ. » Сказывали мнѣ, — началъ онъ, — что господинъ твой Маминшъ-Ханъ все продолжаетъ вѣствовать. — » Я не видалъ чтобъ онъ пилъ вино, и ничего не могу сказать объ этомъ Вашему Величеству. — » И хорошо дѣлаешь что не болтаешь о томъ чего не видалъ своими глазами. Скажи Маминшъ-

Хану что я весьма расположенъ къ нему; что касается до НаDIRЬ-Мирзы (владѣтеля менгедскаго), это сумасбродъ. Передай еще Мамишъ-Хану чтобы онъ написалъ Джаферъ-Хану нишабурскому, посоветывалъ тоже искать моей дружбы, если хочетъ сохранить земли свои отъ разоренія». Засимъ принесли для меня богатое одѣяніе и денежный подарокъ. Всѣ части одежды были очень хороши, за исключеніемъ чалмы, которая никогда не годилась. Увидавъ это, Шахъ-Мурадъ взялъ ее себѣ, а мнѣ далъ въ-замѣнъ свою — которая была еще хуже. Я распрощался тогда съ нимъ, и, возвратившись въ шатеръ къ Ишанъ-Накибу, разсказалъ ему о происшедшемъ. Тотъ посидѣлся отъ души, и далъ мнѣ хороший подарокъ. Я уже собрался уѣхать, какъ прискакали во весь духъ два человѣка съ письмомъ ко мнѣ отъ Мамишъ-Хана: онъ писалъ что, несмотря на обѣщанное ему покровительство, нѣскольکو человѣкъ его подданныхъ захвачены были въ плѣнъ Узбеками. Ишанъ-Накибъ опять повелъ меня къ Шахъ-Мураду, котораго застали мы сидящимъ въ его маленькой палаткѣ на козливой шкурѣ. Онъ велѣлъ привести плѣнниковъ, и передалъ ихъ мнѣ. У него было уже написано письмо къ Мамишъ-Хану; онъ распечаталъ его, чтобы прибавить о томъ что сдѣлалъ относительно плѣнниковъ, и отдалъ его мнѣ обратно. Когда онъ кончалъ письмо, вошелъ въ палатку его поваръ, низенькой, подслѣповатый человѣкъ. »Что-же ты не подумаешь объ обѣдѣ«, обратился къ нему Шахъ-Мурадъ, »вѣдь уже скоро часъ молитвы«. Поваръ тотчасъ же притащилъ большой законченный горшокъ, сдѣлалъ очагъ изъ нѣсколькихъ камней, положилъ въ горшокъ разныхъ, сортовъ четырехъ-пяти, зеренъ и немного вяленаго мяса, налилъ это водою, и оставилъ кипятиться пока приготавлилъ посуду — деревянные блюда, какія употребляетъ самый простой народъ. Привнесъ три такихъ блюда, онъ поставилъ ихъ на землю, и снялъ съ огня свое варево. Шахъ-Мурадъ посматривалъ на него тѣмъ временемъ, и видно было что поваръ по глазамъ господина пони-

наль сколько надо положить на каждое блюдо. Когда все было готово, онъ постлалъ на землю какую-то грязную тряпку, и принесть кусокъ засохшаго ячменнаго хлѣба, который Аллаху въѣство въ какомъ году гаджры былъ испеченъ. Шахъ-Мурадъ, чтобы размягчить его, обмакнулъ въ воду. Первое блюдо подано было владыкѣ Узбековъ, второе поставлено между Ишанъ-Наки-Бомъ и мною, третье взялъ себѣ поварь, и уѣлся съ нимъ насупротивъ своего господина. Я ужъ былъ пообѣдавши, и потому только отвѣдалъ съ блюда: ужасъ что это такое было — говядина почти совсѣмъ прогнившая. Со-всѣмъ-тѣмъ, нѣсколько сановниковъ, вошедшихъ въ палатку пока мы такимъ образомъ обѣдали, съѣли все что оставили мы на блюдѣ, показывая видъ что заходятъ кушанье превосходнымъ. Можетъ быть оно и дѣйствительно казалось имъ такимъ — отъ удовольствія обѣдать вѣстѣ съ своимъ благочестивымъ владыкою».

»Послѣ обѣда мнѣ дано было позволеніе уѣхать. По возвращеніи моемъ въ Чинаранъ, Мамишъ-Ханъ пришелъ въ восторгъ отъ успѣшности моего посольства, но потомъ сказывалъ мнѣ что, несмотря на обѣщанія Шахъ-Мурада, Узбеки его все-таки утащили въ этомъ году въ плѣнъ восемьдесятъ-два человека изъ подданныхъ его, Мамиша».

61. Крѣпость *Пенджшмбѣ* или *Пенджшмбѣ-Базаръ*, находится въ Минакальскомъ Округѣ на р. Акъ-Дерьѣ, рукавѣ Зеръ-Эшана, недалеко отъ Кеттѣ-Кургана.

62. Это свидѣніе приписано Мирзою-Шемсомъ на полѣ его рукописи, и потому не вошло въ текстъ. По письму бухарца Сейфуллаха изъ Бухары къ таковому же Мирзѣ-Саадуллаху въ Оренбургѣ, писанному отъ 6 мая 1827 года, и напечатанному В. В. Вельямновымъ-Зерновымъ въ Bulletin historico-philologique de l'Academie Imp. des sciences de St-Petersbourg. Tome XVI, pp. 279 - 282, осада Бухары Насруллахомъ продолжалась 51 день,

и вступилъ онъ въ городъ 27 числа рамавана 1242 года гиджры (24 апрѣля 1827 года).

По тому же письму Миръ-Хайдеръ умеръ 4 числа ребуль-эввала 1242 года (6 октября 1826 года), а Миръ-Хусейвъ, вступивъ тогоже числа на престолъ, властвовалъ 75 дней (по 19 декабря 1826 года). Правленіе Омаръ-Хана продолжалось слѣдующею съ 19 декабря 1826 по 24 апрѣля 1827 года.

63. Тоже самое рассказываетъ объ Омаръ-Ханѣ и Борисъ, съ прибавкою, что по взятіи Бухары Насруллахомъ, онъ посаженъ былъ въ темницу, но успѣлъ бѣжать (Travels into Bokhara. III, 287). Потому слова Сейфуллаха (въ письмѣ о которомъ только-что шла рѣчь), будто Омаръ-Ханъ былъ отправленъ на богомолье въ Мекку самимъ Насруллахомъ, не заслуживаютъ вѣрѣнія, равно какъ и то, что Насруллахъ взялъ Бухару силою, а не благодаря измѣнѣ.

64. Городъ *Кундузъ*, главное мѣсто небольшого узбекскаго владѣнница того же имени, лежитъ при сліяніи рѣкъ Гори и Феруха, которыя образуютъ одинъ потокъ, впадающій въ Аму-Дарью съ лѣвой ея стороны, между р. р. Хулдумомъ съ запада, и Кокъ-Су съ востока. Жителей здѣсь, по словамъ Борнса и Вуда, было въ 1830-хъ годахъ до 1500, размѣщавшихся въ 500—600 маваккахъ; кромѣ того, имѣлся кремль и въ немъ ханскій дворецъ. Вся долина занимаемая Кундузскимъ Ханствомъ, и упирающаяся съ сѣвера въ Аму-Дарью, простирается, по Борису, не болѣе какъ на 45 верстъ отъ В. къ З., и на 60 отъ С. къ Ю., и отличается отвратительнымъ лихорадочнымъ климатомъ, вслѣдствіе обилія болотъ. Изъ владѣтеля этой землицы, Мохаммедъ-Мурадъ-Бикъ, силою характера и безчеловѣчной политики, умѣлъ сдѣлаться, съ 1820-хъ годовъ, грозою и повелителемъ всѣхъ странъ въ верховьяхъ Аму. Подчинивъ себѣ сосѣдніе округы: Ташъ-Курганъ (Хулдумъ), Гейбакъ, Гори, Индерабъ, Талиханъ и Хазретъ-Ишамъ, ограбивъ Балхъ, покоривъ Бедахшанъ, распространилъ онъ власть

свою и на часть земель лежащих какъ по правому берегу Аму, такъ и на югъ отъ Гиндукуша. Этотъ Чингисъ-Ханъ въ малыхъ разсѣрахъ, достигалъ цѣлей своихъ тремя средствами: 1) заставлялъ покоренныя области ставить людей своихъ въ его войско, и такимъ образомъ загребалъ жаръ чужими руками, усиливаясь съ каждымъ новымъ приобретениемъ; 2) гарнизоны свои въ покоренныхъ земляхъ заставлялъ продовольствовать мѣстныхъ жителей, такъ-что содержаніе этихъ гарнизоновъ ничего ему не стоило; и 3) въ тоже время значительную часть туземнаго народонаселенія, чтобы оно и думать не могло о возстаніи и возвращеніи независимости, переводилъ насильно въ другія части своихъ владѣній, преимущественно въ Кундузскую Долину, гдѣ оно, впрочемъ, вымирало отъ лихорадокъ; съ 1830 по 1838 годъ сюда и на равнины Хааретъ-Имамъ, выселено было, по словамъ Вуда, изъ Бедлахшана и владѣній по правому берегу Аму, куда производилъ постоянно набѣги свои Мурадъ-Бикъ, до 100,000 дунгъ, изъ которыхъ къ 1838 году едва-ли оставалось въ живыхъ тысячъ шесть. Въмѣстѣ съ тѣмъ, безчеловѣчный узбекъ устроилъ себѣ и новую отрасль доходовъ, достойную его полнѣйши: завелъ постоянный торгъ людьми, которыхъ улекалъ въ неволю при грабительскихъ набѣгахъ своихъ; эта торговля доставила ему, по Муркрофту, до 1825 года, около миліона р. асс. (44,000 фунтовъ стерлинговъ). См. Борнса Travels into Bokhara. III, 175—176 и 275—281; Муркрофта Travels, II, 413—489; и Вуда Journey to the Oxus, p. 214, 392 и вообще съ 211 по 244, и съ 386 по 408.

65. *Каратимия* — горная страна, совершенно неизвѣстная, на западномъ склонѣ Белуръ-Тага, къ сѣверу отъ Дарваза, и на С. В. отъ Хисара, населенная Гольчами, или горными Таджиками. Въ 1830-хъ годахъ она была завоевана хокандскимъ ханомъ Мухаммедъ-Али, который и занялъ своимъ гарнизономъ главный городъ ея Калай-Хумъ. См. Записки И. Русск. Географическаго Общества. Камга III, стр. 196.

66. Мухаммедъ-Али, старшій сынъ Омаръ-Хана, вступилъ на престолъ Хокандскаго Ханства, по смерти отца, въ 1822 году, и властвовалъ по 1842, въ которомъ, съ большею частію семейства своего, былъ умершвленъ бухарскимъ эмиромъ Насрудлахомъ, занявшимъ Хокандъ вслѣдствіе измѣны собственныхъ сановниковъ Мухаммедъ-Али. Подробности о правленіи и смерти его см. въ Запискахъ И. Р. Географическаго Общества. III, 194 - 199, и въ Трудахъ Восточнаго Отдѣленія И. Археологическаго Общества. II, 329 - 338.

67. *Армазаръ* — крѣпость почитаемая значительною, охраняетъ дорогу въ Каратегинъ, и лежитъ у подошвы горъ Кашгаръ-Даванъ, близь главнаго въ нихъ прохода (Записки Имп. Русск. Географ. Общ. Книга III, стр. 214).

68. *Шагирдъ-пишд*, شاکرد پیشه, есть въ Мавераннагрѣ названіе обнимающее все торговое, ремесленное и земледѣльствующее населеніе; Шагирдъ-пишд — всякій, кто не принадлежитъ ни къ потомству Магомета и его родственниковъ, ни къ духовенству, ни къ знатымъ чиновнымъ родамъ, и наконецъ не узбекъ по происхожденію. Это весьма хорошо объяснено у Ханькова въ главѣ о сословіяхъ въ Бухарскомъ-Ханствѣ. См. указ. соч., стр. 182 и 185.

69. Слово *кош*, قوش, означаетъ всякое временное помѣщеніе въ пустомъ мѣстѣ или на дорогѣ: отдѣльную кибитку, нѣсколько кибитокъ вмѣстѣ, и цѣлый лагерь. Происходитъ отъ глагола *قونى* »опускаться, садиться«, а не отъ *کوجماک* »кочевать«. Потому кошемъ называлась, по заимствованію отъ Татаръ, и главная квартира Запорожскаго Войска, состоявшаго изъ людей неосѣдлыхъ, готовыхъ всегда переноситься съ мѣста на мѣсто.

70. Это была холера, вскорѣ послѣ того проникшая, чрезъ Степи Киргизскія и Оренбургъ, въ Россію.

71. *Мезори — Шерифа* есть кладбище у гробницы знаменитаго нагометанскаго сятаго Бегауддина, находящейся недалеко отъ Бухары.

72. Вотъ что находимъ у Ефремова относительно Даниаль-Аталыка, и событій его правленія:

»Даниаръ-бекъ, родной Рахимовъ племянникъ (?), извѣстнаго о смерти его, ласкалъ очень войско, чтобы преклонить оное къ своей сторонѣ, и объявля что Ханъ умеръ, остался самъ Аталыкомъ, а на ханство посадилъ мальчика изъ хожей, бывшаго прежде па-стухомъ и именуемаго Абулгазою. . . . Даниаръ-бекъ въ Бухаринъ полновластенъ, и называется Аталыкъ, т. е. владѣтель. . . . Правленіе адѣйшее самовластно, и замиситъ совершенно отъ воли и власти Аталыка, коему и самъ ханъ подвластенъ. . . . Даниаръ-бекъ имѣеть четырехъ женъ и шесть наложницъ, калмычекъ и персіянокъ, купленныхъ, и въ мою бытность отъ всѣхъ вообще женъ и наложницъ имѣлось у него десять сыновъ и десять дочерей«. . . .

Въ чинѣ пентабаша (пятидесятникъ), Ефремовъ находился въ сраженіи подъ Самаркандомъ, затѣмъ въ чинѣ юзбаша (сотникъ), ходилъ, съ сыномъ Даниала Шамратъ-Бекомъ (Шахъ-Мурадъ-Бикъ), къ городу Маверу (Мерву), гдѣ властвовалъ ханъ Байрамъ-Али. При Шамратъ-Бекѣ войска было до 2000 человекъ, но онъ възыгрывша никакого не получилъ, обратился въ бѣгство, и потерялъ на пути не мало людей и лошадей. Черезъ два года послѣ того, участвовалъ Ефремовъ въ походѣ на Хиву, подъ начальствомъ Бадалъ-Бека, въ числѣ 1500 человекъ. Шли отъ Чарджу на Питнякъ, Азаръ-Рестъ (Гезаръ-Аспъ) и Багаткалу (Багатъ), гдѣ имѣли сраженіе съ хивинскими Ямутами.

Простоту образа жизни Даниаль-Аталыка доказываетъ самой способъ которымъ Ефремовъ освободился изъ Бухары. Онъ подкупилъ писаря чтобы тотъ написалъ на имя его посольскую грамоту въ Куканъ (Хокандъ). Къ грамотѣ этой нужно было приложить ханскую печать. Ефремовъ, бывшій въ любовной связи съ

ключницей Данилевою, просилъ чтобы она добыла ему эту печать. Та согласилась. »А какъ Аталыкъ имѣлъ привычку всегда послѣ полудни спать, то ключница, доставъ печать, принесла мнѣ ее, и я оную приложилъ къ своей грамотѣ» (Десятилѣтнее Странствованіе, и проч. Стр. 24 – 40, 97 и 110).

На кинжалѣ, который принадлежалъ Даниль-Аталыку, и покойнымъ эмиромъ бухарскимъ присланъ, въ 1859 году, въ подарокъ Государю Императору, имя его изображено такъ: محمد دانیال آتالیقی (Bulletin de la classe des sciences historiques etc. de l'Académie Imperiale des sciences de St. Petersbourg. Tome XVI, N° 11 – 12, p. 185).

Изветуллахъ рассказываетъ что такъ-какъ дѣтей отъ Рахимъ-Хана не осталось, то власть по кончинѣ его захватилъ временно одинъ изъ невольниковъ его по имени Даудъ-Би, который, давъ знать о случившемся Даниль-Бію, дядѣ Рахимъ-Хана, находившемуся въ Керминѣ, приглашалъ его пріѣхать въ Бухару, и занять правный престолъ. Даниль явился, но не захотѣлъ принять ханскаго титула, а оставилъ его одному изъ потомковъ Чингисъ-Хана, по имени Абуль-Гази (Magasin Asiatique, II, 184).

Кромѣ старшаго сына, Шахъ-Мурада, у Даниль-Аталыка было, по словамъ Мирзы-Шемса, еще три: Султанъ-Мурадъ-Бикъ, Омаръ-Бикъ и Кинджали-Бикъ. По рассказамъ-же муллы Ахмедъ-Саида, бывшаго въ Оренбургѣ въ 1825-хъ годахъ, у Даниль-Бика было не четверо, а девятеро сыновей, именно: Омаръ-Бикъ, Султанъ-Мурадъ-Бикъ, Махмудъ-Бикъ, Дервишъ-Бикъ, Рустемъ-Бикъ, Фазиль-Бикъ, Шахъ-Мурадъ-Бикъ, Кичкенѣ-Бикъ и девятымъ полуумный, который былъ живъ еще въ 1825 году, но всею жизнью шипецкую, не выѣя ни дома, ни пристанища постоянного, ночуя гдѣ случится, иногда на улицѣ, и голодая по цѣлымъ недѣлямъ, такъ-что умеръ-бы съ голоду, если-бы не кормилъ

его иногда старший сынъ эмира Хайдера Миръ-Хусейнъ-Тюрк. Прочихъ дядьевъ своихъ эмиръ Хайдеръ почти всѣхъ умертвилъ.

73. Это, вѣроятно, есть та самая крѣпостца, о которой Борнсъ, исчисляя доходы Ханства, упоминаетъ подъ именемъ Nagazsee, платящей 5000 тиллей поземельной подати; и которую, въ спискѣ городовъ и и крѣпостей обязанныхъ поставлять пѣхоту, называетъ Nagasun, показывая что изъ нея поступаетъ 100 чело-
вѣкъ. См. Travels into Bokhara. III, 294 and 298.

74. Миръ-шебъ — полицмейстеръ города Бухары, наблюдающій за спокойствіемъ онаго только въ ночное время.

75. Точно такъ же рассказываетъ о гибели трехъ младшихъ братьевъ Насруллаха и Борнсъ, восхищавшіяся правосудіемъ и великодушіемъ Эмира (Travels. III, 287). Впрочемъ, въ оправданіе Борнса надо сказать что онъ былъ въ Бухарѣ когда Насруллахъ не успѣлъ еще выказать себя вполне, и прикидывался добрымъ, даже безопаснымъ.

76. Эмиръ Насруллахъ, изъ притворнаго смиренія, не билъ монеты съ собственнымъ именемъ. Всѣ извѣстныя монеты его царствованія биты имъ въ честь отца или дѣда, съ ихъ именами. На первыхъ читаемъ: *امير حيدر مرحوم عاقبت محمود* «Покойный Эмиръ-Хайдеръ: да будетъ онъ славенъ въ будущей жизни». Такия монеты извѣстны съ 1242, 1245, 1246, 1248, 1252, 1257 и 1263 годами гаджры. На послѣднихъ изображено: *رحمت باد* *بر معصوم غازی* «Милосердіе божіе да почіетъ надъ Маъсумъ-Гази». Изъ такихъ монетъ извѣстны битыя въ 1224, 1258 и 1269 годахъ гаджры. См. въ «Запискахъ» И. Археологическаго Общества, т. XIII, стр. 425 — 427, и въ «Извѣстіяхъ» тогоже Общества, т. II, стр. 160.

Исторію царствованія эмира Насруллаха, со времени назначенія его правителемъ въ Кэрши до завоеванія Хокандскаго Ханства весною 1842 года, желающіе могутъ прочесть въ «Описаніи»

ни Бухарскаго Ханства» Н. В. Ханькова, стр. 224—237. Дѣла его въ Хокандскомъ—Ханствѣ изложены въ статьѣ В. В. Вельяминова—Зернова: »Историческія извѣстія о Хокандскомъ—Ханствѣ отъ Мухаммедъ—Али до Худояръ—Хана«, помѣщенной въ Трудахъ Восточнаго Отдѣленія Имп. Археологическаго Общества. II, 328—343. О покореніи имъ Шегрисеэба сказано выше въ примѣчаніи 21-мъ. Въ-заключеніе, сообщаемъ нѣкоторыя подробности о его кончинѣ, сдѣлавшіяся извѣстными въ Оренбургѣ въ концѣ 1860 года. Смерть Эмира послѣдовала 5 октября, по возвращеніи изъ Самарканда, куда отправился онъ въ сентябрѣ. Дорогою туда почувствовалъ онъ боль въ животѣ, и подозрѣвая что причиною этой боли — отрава, поспѣшилъ возвратиться въ Бухару, и здѣсь клятвою прощенія, вышталъ отъ отъ любимой жены своей, родной сестры бывшаго шегрисеэбскаго владѣтеля Искендера—Веллими, жившаго въ Каракулѣ, сознаніе что она, по убѣжденіямъ этого брата, успѣла склонить эмирскаго лейбъ—медика изъ Евреевъ Ибрагима, дать ему въ лекарство продолжительный ядъ. Несмотря на данную клятву, Эмиръ тотчасъ же казнилъ всѣхъ трехъ преступниковъ и всѣхъ Себзинцевъ участвовавшихъ въ этой тайнѣ, а чрезъ нѣсколько дней умеръ и самъ: Сынъ и наслѣдникъ его Миръ—Музафферъ, жившій въ Кермивѣ, прибылъ въ Бухару уже послѣ погребенія отца, вступилъ на престолъ безо всякаго кровопролитія, и, какъ слышно, не удалилъ отъ важныхъ должностей никого изъ лицъ занимавшихъ оныя при покойномъ эмирѣ.

77. Въ генеалогіи властвовавшихъ надъ Восточнымъ—Туркестаномъ Ходжей, приложенной къ »Описанію Чжунгаріи и Восточнаго Туркестана«, изданному отцомъ Іакинеомъ Бичуринымъ, этотъ *Махдум—Азэмъ* упоминается подъ именемъ *Млту—Азэмъ*, и стоитъ 24-мъ по происхожденію отъ пророка Магомета (шегаберъ). Стр. 257.

78. То-есть Восточнаго—Туркестана, или, какъ называли его прежде, Малой—Бухаріи. Самыми подробными и вѣрными свѣдѣ-

нами объ этой странѣ обязаны мы Китайцамъ, и въ-особенности одному маньчжурскому чиновнику бывшему здѣсь на службѣ въ 1760-хъ годахъ. Записки его подъ заглавіемъ *Си-Юй-Виль-Дзаль-Лу*, »Описание Западнаго Края«, переведены на русскій языкъ отцомъ Іакинвомъ Бичуринымъ, и напечатаны въ книгѣ его »Описание Джунгаріи и Восточнаго Туркестана«. Спб. 1829. Историческія-же статьи, заключающіяся въ сказанныхъ запискахъ, были еще прежде того переведены и напечатаны въ »Сибирскомъ-Вѣстникѣ« на 1823 годъ, подъ заглавіемъ: »О возмущеніяхъ бывшихъ въ Джунгаріи и Малой-Бухаріи«. Донесенія китайскаго военачальника Чжао-Хой завоевывавшаго Туркестанъ, напечатанныя во французскомъ переводѣ въ *Histoire générale de la Chine, par Mailla* (vol. XI), и въ *Lettres édifiantes* (vol. XXIV, p. 25-34), составляютъ также существенный источникъ свѣдѣній объ этомъ краѣ, равно-какъ и статьи къ нему относящіяся въ официальномъ описаніи Китайской Имперіи подъ заглавіемъ »*Да-Цинг-И-Тхун-Джун*«, напечатанныя по-французки Клапротомъ въ его *Magasin Asiatique* (I, 81-122). Въ дополненіе къ свѣдѣніямъ изъ этихъ источниковъ, имѣемъ мы о Восточномъ-Туркестанѣ, за-послѣдующее время, извѣстія очевидцевъ: рускаго землепроходца Ефремова — изъ 1780-хъ годовъ (»Десятилѣтнее Странствованіе« и проч. стр. 117-120), грузина Данибегова (»Путешествіе въ Индію«. Москва. 1815) и индустанца Миръ Иззетуллаха (*Voyage dans l'Asie Centrale*, въ *Magasin Asiatique* Клапрота. II, 19-38) — изъ 1810-хъ, казанскаго купца Муртазы Фейзуллина — изъ 1820-хъ (въ *Beiträge zur Kenntniss des Russischen Reiches und der angrenzenden Länder Asiens*. В. XII, s. 80-82 и 95-101), паломниковъ тунганійскихъ — изъ 1825-хъ годовъ (изложенныя въ *Journal de St. Petersburg* за 1827. годъ, N° 107), и паломниковъ индійскихъ — изъ 1830-хъ годовъ (изложенныя Уатеномъ въ *Journal of Asiatic Society of Bengal*. vol. IV, p. 653-664). Кро-мѣ того — извѣстія изъ вторыхъ рукъ собранныя Тимковскимъ

(«Путешествіе въ Китай», II, 76 — 119), Мейендорфомъ (Voyage à Boukhara p. 121 — 130) и Борисомъ (Travels into Bokhara, III, 191 — 199; и Cabool, 221 — 224). Въ Erdkunde Риттера (VII Theil, III Buch, s. 320 — 531) находится превосходный сводъ всѣхъ этихъ свѣдѣній, за исключеніемъ неважныхъ извѣстій Беремова и Данибегова, и разказовъ Фейзулина. Наконецъ, не вошли въ Erdkunde матеріалы о Китайскомъ—Туркестанѣ заключающіеся въ «Путешествіи изъ Кашмира въ Яркендъ» Ахмедъ-Шаха Накшбенди, переведенномъ съ персидскаго г. Доусономъ (Dawson). Объ этомъ послѣднемъ путешествіи см. Географическія Извѣстія, издаваемыя отъ И. Р. Географическаго Общества, на 1849 годъ. Стр. 141 — 142.

По астрономическимъ наблюденіямъ католическихъ миссіонеровъ, по порученію Китайскаго Правительства опредѣлившихъ въ 1760-мъ году положеніе важнѣйшихъ пунктовъ въ Восточномъ—Туркестанѣ, Джунгаріи и сосѣднихъ съ запада странахъ (д'Арохи, Эспиньи и Халлерштейна), города Хотанъ, Яркендъ, Кашгаръ и Аксу находятся подъ:

	сѣверной шроты	восточ. долготы (отъ Ферро)
Хотанъ	37°	98°13'
Яркендъ	58°19'	93°35'
Кашгаръ	39°25'	91°40'
Аксу	41°9'	96°50'

Взаимное разстояніе этихъ городовъ, по военнымъ станціямъ между ними учрежденнымъ, таково:

отъ Яркенда до Хотана . .	650	ли = 348	верстѣ
— — — Кашгара . .	415	ли = 222	—
— — — Аксу	1165	ли = 624	—

Показанныя разстоянія, заимствованныя изъ »Статистическаго Описанія Китайской Имперіи« I. Бичурива (Спб. 1842, II, 135) разнятся нѣсколько отъ показаній о томъ же предметѣ заключающихся въ его же »Описаніи Джунгаріи и Восточнаго Туркестана« (Спб. 1829, стр. 239—240).

79. Этотъ сынъ Махмудъ-Аъема, котораго Мирза-Шемсъ не называетъ по имени, въ упомянутой выше генеалогіи Ходжей (примѣчаніе 77-е) значится подъ № 25, съ именемъ *Махмудъ-Элма*.

80. Въ магометанскихъ странахъ вовсе не рѣдкость, что лица списавшія себѣ приверженцевъ какъ духовныя наставники, захватывали потомъ въ свои руки, при помощи преданныхъ послѣдователей ихъ ученія, государственную власть, и изъ учителей вѣры обращались въ государей — основателей новыхъ династій. Таково было начало персидскихъ Сефевидовъ; такъ, на глазахъ нашихъ, Шамиль изъ муршида сдѣлался владыкою нагорнаго Дагестана, и, не положи русское оружіе конца его владычеству, дѣти Шамиля конечно наслѣдовали-бы его власть.

81. *Или* есть названіе: 1) рѣки вытекающей изъ Тянь-Шаньскаго Хребта, и впадающей въ озеро Балкашъ; потомъ 2) цѣлой страны по верховьямъ этой рѣки (нынѣ особаго китайскаго округа) въ бывшей Джунгаріи, сопредѣльной съ Восточнымъ-Туркестаномъ; наконецъ 3) города, построеннаго здѣсь Китаичами въ 1764 году, который мы, Русскіе, неосновательно называемъ *Кульджею*, потому-что городокъ собственно называемый *Гульджа* находится въ 65 ли (35 верстахъ) къ В. отъ города Или. См. въ »Сибирскомъ Вѣстникѣ« на 1819 годъ, стр. 69—83.

(Продолженіе *впередь*).

УЧЕНЫЯ

З А П И С К И,

ИЗДАВАЕМЫЯ

ИМПЕРАТОРСКИМЪ

КАЗАНСКИМЪ УНИВЕРСИТЕТОМЪ

1861.

КНИЖКА II.

КАЗАНЬ.

ВЪ ТИПОГРАФИИ УНИВЕРСИТЕТА.

1861.

ОГЛАВЛЕНИЕ СТАТЕЙ

II-й книжки Ученых Записок за 1864 годъ.

	Стр.
О креннекислыхъ соединеніяхъ <i>Н. Головкинскаго</i>	3.
Вступительная лекція въ энциклопедію и методологію медицины <i>Г. Флюгелъда</i>	82.
Опытъ Арабско-Русскаго словаря на коранъ, семь мозлакатъ и стихотворенія <i>Мирулькейса</i>	114.
О нѣкоторыхъ событіяхъ въ Бухарѣ, Хокандѣ и Каш- гарѣ. Записки Мирзы Шемса Бухари <i>В. В. Григорьева</i>	140.

О НѢКОТОРЫХЪ СОБЫТІЯХЪ ВЪ БУХАРѢ, ХОКАНДѢ И КАШГАРѢ.

ЗАПИСКИ МИРЗЫ-ШЕМСА БУХАРЯ.

(В. В. Григорьева).

(Окончаніе).

82. О существованіи въ Восточномъ-Туркестанѣ двухъ враждебныхъ племенъ, Акъ-Таклынцева »Бѣлогорцева«, и Кара-Таклынцева »Черногорцева«, и враждѣ между ними, упоминаютъ, кромѣ Мирзы-Шемса, и другіе магометанскіе землепроходцы. Иззетуллахъ, называя эти племена *آق طاغلیق* и *قرا طاغلیق*, Кара-Таклынецъ помѣщаетъ въ Яркендѣ, и называетъ поколѣніемъ союзнымъ съ Калмыками; Акъ Таклынцы-же, по словамъ его, живутъ въ Или. Когда Калмыки, господствовавшіе надъ всѣмъ Восточнымъ-Туркестаномъ, ослабѣли вслѣдствіе свирѣпствовавшей эпидеміи, Акъ-таклынцы напали на Кара-Таклынецъ, и овладѣли страной. Эти послѣдніе призвали на помощь Китайцевъ. Ходжи атаклынскіе оказали мужество, и нѣсколько разъ прогнали китайскія войска, но, наконецъ, должны были уступить многочисленности неприятелей, и искать убѣжища въ Бедахшанѣ, владѣтель котораго Султанъ-Шахъ умертвилъ ихъ, и головы убитыхъ отправилъ къ китайскому военачальнику. Будетъ около 60 лѣтъ тому какъ это произошло, заключаетъ Иззетуллахъ, и потомство Ходжей находится теперь въ Бухарѣ (Magasin Asiatique. II, 30 - 31). Меккскіе паломники, доставившіе Уатену наданныя имъ свѣдѣнія о Средней-Азій, говорили что туземное народонаселеніе Восточнаго-Туркестана состоитъ изъ Узбековъ двухъ отраслей: Акъ-Токъ и

Кара-Татъ, которые враждуютъ другъ съ другомъ, и видимою своею ненавистью на себя китайское иго; первые слѣдуютъ учению Накимбендіевъ, послѣдніе принадлежатъ къ sectъ Кадаріевъ, а послѣдователи этихъ противуположняютъ sectъ китайцевъ взаимно смертельную ненависть (см. W. H. Watson's Memoir on Chinese Tartary and Khoten, in Journal of the Asiatic Society of Bengal. 1835. vol. IV, p. 661).

83. Въяне Марса-Шемъ изъ числа семи городовъ, о которыхъ теперь говорить, упоминаетъ о Кашгарѣ, Яркендѣ, Хотанѣ, Амуу и Или. Какіе еще два города входили въ составъ этой «Семиградской Области» Средней-Азіи, неизвѣстно. Можеть быть — Ушъ и Куча. Не вѣрнѣе, что онѣ подл Семиградіевъ разурѣнъ семь городовъ, входившихъ, съ округами ихъ, въ составъ Восточнаго-Туркестана по извѣстному китайскому раздѣленію этой страны, т. е. Кашгаръ, Яркендъ, Амуу, Хотанъ, Ушъ, Куча и Харашаръ. См. «Статистическое Описаніе Китайской Имперіи» Іакинѳа Бичурина, II, 129.

84. *Бедакшанъ* — названіе страны лежащей въ верховьяхъ Аму-Дарьи, по лѣвому берегу этой рѣки, и въ бассейнѣ южнаго притока Аму, рѣки Кукъ-Су, «Голубой-рѣки» (которая на картахъ нашихъ является съ какимъ-то мордовскимъ именемъ *Кукши*). Страна эта, по отзывамъ туземцевъ и посѣщавшихъ ее иностранцевъ, просто рай земной. Тѣ и другіе, по словамъ Бориса, съ восхищеніемъ говорятъ объ ея долинахъ, источникахъ, живописныхъ мѣстоположеніяхъ, поляхъ, цвѣтахъ, соловьяхъ. Воздухъ здѣсь, земля, лѣса, травы и воды добротою своею превосходятъ всякое описаніе. Пастбища въ-особенности до такой степени тучны и кормны, что лошадей не держатъ на нихъ долѣе 40 дней, подл опасеніемъ неизбежной гибели въ противномъ случаѣ. Рѣки и рѣчки, обилующія форелью и другими вкусными рыбами, катятъ прозрачныя воды свои по золотоносному песку. Горы бедакшанскія природа наполнила самыми рѣдкими сокровищами: онѣ доставляютъ не только золото, серебро, мѣдь и свинець, но великолѣп-

нѣкіе рублики, шивитыя, тинисовыя, барсову и лазурь. Рубиновые и лазуревыя (лапись—лаули) монеты своия Бедахшанъ славить идрале и повсюду. Жители здѣшніе — перобытныя и освоенныя страны, Таджики, говорящіе чистыякъ персидскими языкомъ, съ успѣхомъ занимаются хлѣбопашествомъ и садоводствомъ. Гостепріимство ихъ и дружелюбіе было таково что даю существованіе пословицъ: «въ Бедахшанѣ нѣтъ покушанаго хлѣба». Столицю Бедахшана былъ городъ Фейзабадъ на р. Кукъ-Су, съ 4000 домовъ, но слѣдствіемъ собраныяъ Тинисовскыя въ 1820-хъ годяхъ. Кромя этого Фейзабада, другаго города, по имени Бедахшанъ, о которомъ упоминаеть Фререръ (*Narrative of a Journey into Khorasan. London. 1825. App. B. P. IV, p. 105*), и который на картѣ Оренбургскаго-Края съ прилегающими къ нему землями Средней-Азіи (оставленной при Генеральномъ Штабѣ Отдѣльнаго Оренбургскаго Корпуса, въ масштабѣ 4,200,000 настоящей величины) поставленъ на той же р. Кукъ-Су, выше Джерма — нѣтъ, и никогда не было. Это чистое изобрѣтеніе картографів. Со вторженіемъ Узбековъ въ Мавераннагръ, Бедахшанъ и Балхъ составляли нѣкоторое время одно, зависѣвшее отъ Бухары, вассальное владѣніе; потомъ Бедахшанъ отдѣлился отъ Балха, и имѣлъ особыхъ правителей, которые сдѣлались независимы. Таковъ былъ Султанъ-Шахъ въ эпоху завоеванія Китайцами Восточнаго-Туркестана. Официальная географія Китая Дай-Цинъ-И-Тхунъ-Джи говоритъ что въ это время полководецъ Фу-Де, преслѣдуя бѣжавшихъ изъ Туркестана Ходжей, подступилъ съ войскомъ къ столицѣ Бедахшана, и заставилъ владѣльца этой страны, со 100,000 семействъ ея жителей, признать надъ собою власть императора Цинъ-Луна, вслѣдствіе чего будто-бы въ 1760 и слѣдующихъ годахъ являлись въ Пекинъ посольства съ дарами отъ Султанъ-Шаха. Зная китайскій обычай принимать иноземныя посольства съ дарами за депутаціи съ податью, этому извѣстію официальной географіи нельзя много довѣрять. Какъ-бы то ни было, вслѣдъ за

снѣ завязалась у Султана-Шаха война съ афганскимъ Тимуръ-Шахомъ, послѣдствіемъ которой было страшное опустошеніе Бѣдахшана Афганами, уведшими въ плѣнъ значительное число тамошнихъ жителей. По свидѣніямъ находившимъ у Эммонстона, и относящимся къ 1809 году, доходы Бѣдахшанскаго Владѣльца простирались до 6 лаковъ рупій (до 400,000 р. сер.), а воиновъ сила состояла изъ 7,000 — 10,000 отличныхъ пѣшихъ стрѣлковъ, которые однакоже не въ силахъ были защитить страну отъ восточныхъ грабительскихъ набѣговъ Клеировъ-Сингуншей съ юга и таджикскихъ Узбековъ съ запада (Account of the Kingdom of Cabul. London. 1815, p. 618). Тоже относительно числа войскъ въ Бѣдахшанѣ читается и у Тинновскаго, собиравшаго свои свидѣнія въ 1820-хъ годахъ («Путешествіе въ Китай» II, 123). Но всѣ ужасы афганскаго разоренія и клеирскихъ набѣговъ блѣднѣютъ передъ бѣдствіемъ, которымъ обрушился на Бѣдахшанъ кундузскій Мурадъ-Бекъ. Послѣ нѣсколькихъ опустожительныхъ вторженій въ эту страну, соединившихся восточно съ уведомъ людей въ плѣнъ и продажею ихъ въ рабство, въ 1829 году ему удалось окончательно покорить ее своей власти, и почти совершенно обезлюдить, большую часть и безъ того уже малочисленнаго народонаселенія Бѣдахшана выслать насильственно въ свои Кундузскія болота, гдѣ оно перенерло отъ лихорадокъ, или събытъ, въ видѣ повальщиковъ, въ сосѣднія страны. Къ довершенію несчастій, въ январѣ 1832 года, страна, именовъ Борасъ, подверглась страшному землетрясенію, жертвою котораго сдѣлались многія селенія и значительная часть жителей. Дороги во многихъ мѣстахъ завалило камнями, и теченіе рѣки Кулъ-Су пять дней было прѣграждено обрушившеюся въ нее горою. Эти ужасныя конвульсія природы произошли въ полночь, и почти не осталось семейства которому бы не пришлось оплакивать гибели кого-либо изъ своихъ членовъ». (Travels into Bokhara. III, p. 176 — 177) Послѣдними и самыми подробными свидѣніями о положеніи Бѣдахшана обязаны мы Вулу,

посѣтившему эту страну, на пути къ истоку Аму-Дарьи, въ 1837—1838 годахъ. Страшно читать его путешествіе. Въ очаровательной, орошаемой широкою рѣкою долину Мешидъ, которая служила лѣтнимъ мѣстопробываніемъ прежнимъ бедахшанскимъ владѣтелямъ, и заключала въ себѣ густое населеніе (однихъ работниковъ, занимавшихся выдѣлкою мелкихъ желѣзныхъ издѣлій, считалось болѣе 10,000 душъ), не нашелъ онъ и сотни семействъ. На равнинѣ Аргу жило прежде 6000 семей: Вудъ не только человѣка, даже животнаго не выдѣлъ здѣсь. Отъ Фейзабада остались только деревья, украшавшія прежде сады его, но разрушенныя стѣны кремля еще держатся. Джермъ, нынѣшняя столица Бедахшана, не болѣе какъ деревня съ 1500 душъ населенія, или и того менѣе; но кремль здѣшній выстроенъ прочно и представляется лучшимъ укрѣпленіемъ въ кундузскихъ владѣніяхъ (A personal Narrative of a Journey to the Source of the River Oxus, by the Route of the Indus, Kabul and Badakhshan, in the years 1835—1838. By Lieutenant John Wood. London. 1841. Pp. 247—248, 249, 251 and 254). Кромѣ Вуда, изъ европейцевъ былъ въ Бедахшанѣ, и прожилъ тамъ довольно времени, въ концѣ XIII столѣтія извѣстный путешественникъ Марко-Поло: его описаніе этого края доселѣ остается лучшимъ. Миссіонеръ Guës тоже былъ въ Бедахшанѣ въ началѣ XVII столѣтія, но проѣздомъ.

85. Уратюна находится въ трехъ дняхъ пути отъ Самаркандъ по дорогѣ въ Ходжендъ, и въ полутора дняхъ пути отъ Хоканда: Вотъ какъ описываетъ ее Назаровъ, бывшій здѣсь въ 1814 году: »Городъ Уратюна прилегаетъ къ горѣ Кашкаръ Даянъ, и расположенъ на ключахъ вытекающихъ изъ коминутой горы, между двухъ сопокъ; весьма обширенъ, обнесенъ высокими двумя стѣнами, между коихъ выкопанъ глубокой ровъ; въ стѣнахъ сдѣланы окошки, дабы, въ случаѣ необходимости, можно было стрѣлять въ нихъ. Городъ чрезвычайно многолюденъ; улицы въ ономъ тѣсны, дома сложены изъ глины; есть фабрики, на ко-

ить выдѣляются пуховыя шали. Жители имѣютъ торговлю съ Тухменцами, Персіанцами и кочевыми Арабами, принадлежащими Бухаринъ (Записки о нѣкоторыхъ народахъ и земляхъ средней части Азіи. Спб. 1821. стр. 78 — 79). Уратіонѣ, вмѣстѣ съ Джизахомъ, составляла прежде особую, независимую область, владѣлецъ которой въ послѣдней трети прошлаго столѣтія, славный воинъ подвигами Худояръ-Бекъ, оспаривалъ даже у Нарбуты-Бія ховандскаго богатую Ходжендекую Область. По смерти Худояръ-Бека въ концѣ прошедшаго столѣтія, владѣніе его сдѣлалось предметомъ спора между Ховандомъ и Бухарою, кончившагося тѣмъ что Уратіонѣ заняли Ховандцы, а Джизахъ Бухарцы. Но затѣмъ, поддерживаемый Бухарцами, Махмудъ-Ханъ, одинъ изъ сыновей Худояръ-Бека, снова овладѣлъ Уратіоною, и, признавъ себя по имени вассаломъ Бухарскаго Эмира, сталъ править въ ней независимо. Таково было положеніе дѣлъ въ Уратіонѣ когда, въ 1813 году, былъ здѣсь Изветулахъ. По словамъ его, уратіонинскій владѣтель могъ выставить въ поле отъ 15 до 16 тысячъ конницы изъ окрестныхъ Узбековъ. Но вскорѣ по отъѣздѣ Изветулаха, Ховандцы овладѣли Уратіоною посредствомъ шайбы, и въ 1840 годахъ Тюрбекъ—Тюрк сынъ Махмудъ—Хана жилъ въ Ховандѣ, занимая почетную должность при ханѣ Мухаммедъ—Али. По смерти послѣдняго, Уратіонѣ опять нѣсколько разъ переходила изъ рукъ въ руки между Бухарцами и Ховандцами. Въ настоящее время она принадлежитъ первымъ, и правителемъ въ ней поставленъ отъ эмира Насрулаха Худояръ—Бекъ, бывшій ханъ ховандскій, бѣжавшій изъ своихъ владѣній въ Бухару. Уратіонѣ славится своими шалими изъ козьего пуха, и въ 1840 годахъ доставляла въ казну ховандскаго хана 2000 тысячъ таможенныхъ пошлинъ, 1000 тысячъ поземельной подати, и 200,000 чариковъ иппенины, всего до 1,319,400 р. ассигнаціями на эти деньги. См. Баремова «Десятилѣтнее Странствованіе» и проч. стр. 114; *Magasin Asiatique*. II, 50 и 162 — 163; «Записки И. Р. Географическаго Общества», книга III, стр. 192,

194, 213 и 215; также Nachrichten über Chiwa, Bukhara, Chokand u. s. w. gesammelt von Gr. von Gens und bearbeitet von Gr. von Helmersen. St. Petersburg. 1839. S. 73 - 76.

86. Братья *Ай-Ходжа* и *Гунь-Ходжа*, объ исторіи которыхъ, *Изветуллахъ* упоминаетъ, какъ видѣли мы выше (примѣчаніе 82); не называя ихъ по именамъ, суть, извѣстные намъ весьма хорошо изъ китайскихъ источниковъ, братья *Борониду* и *Хоџмчосалъ*, или *Джосалъ-Ходжа* и *Халъ-Ходжа*, дѣти Ходжа-Махмуда, потомка Ходжей управлявшихъ Восточнымъ-Туркестаномъ до покоренія его Джунгарамъ. Эти братья ходжи, но китайскимъ извѣстіямъ, дѣйствительно, въ 1755 - 1758 годахъ, послѣ того какъ Китайцы покорили Джунгарію, подняли знамя независимости, и боролись съ Китайцами, пока эти, вытѣснивъ ихъ изъ города въ городъ, не заставили изъ Яркенда бѣжать въ Хотанъ, а изъ Хотана въ Бедахшанъ, гдѣ ханомъ этой страны Султанъ-Шахомъ были они разбиты, и головы ихъ отосланы въ китайскую армію. Такъ разсказывается дѣло въ цитированныхъ выше запискахъ Си-Юй-Вынь-Цзянь-Лу. См. »Сибирскій Вѣстникъ« на 1823 годъ, стр. 110 - 121, и »Описаніе Джунгаріи и Восточнаго-Туркестана«, стр. 166 - 177. Г. Тимковскій, объясняя происхожденіе властвовавшихъ въ Восточномъ Туркестанѣ Ходжей, говоритъ, не знаю на основаніи какихъ источниковъ, что при завоеваніи этой страны Китайцами въ половинѣ прошлаго столѣтія, изъ семи Ходжей, четверо были убиты въ сраженіяхъ, двое попались Китайцамъ въ плѣнъ и съ торжествомъ отведены были въ Пекинъ, а седьмой — Сарымсакъ-Ходжа имѣлъ случай спастись бѣгствомъ въ Бухарію. (Путешествіе въ Китайъ чрезъ Монголію. II, 77). Въ другомъ-же мѣстѣ того же сочиненія, именно въ описаніи Бедахшана, читаемъ слѣдующее: »Ай-Хочжа, преслѣдуемый несчастіемъ и Китайцами, прибѣгъ съ сыномъ своимъ подъ покровительство Бедахшанскаго хана, своего единовѣрца, обѣщавшаго ему всевозможную защиту. Но безразсудный бедахшанецъ, предъстѣлъ коварными обѣщаніями и не-

дарками Китайцевъ, предалъ имъ несчастную жертву въ самомъ Бадлахшанѣ имъ пораженную. Сынъ упомянутого Ходжи, спасаясь отъ убійства, разгласилъ всюду о вѣроломномъ поступкѣ хана, который нынѣ, обще съ своимъ народомъ, находится за то подъ проклятіемъ у сосѣдственныхъ магометанъ; и сей предлогъ всегда даетъ имъ поводъ разграблять и подвергать неволѣ всякаго бадлахшанца. Отъ такихъ изнуреній бадлахшанскій народъ пришелъ въ крайнюю бѣдность и слабость» (тамъ же, стр. 124).

Въ извѣстномъ историко-географическо-статистическомъ описаніи Китайской Имперіи, подъ заглавіемъ Да-Цинь-И-Тхунь-Джы, исторія бѣгства Ходжей въ Бадлахшанъ рассказывается, весьма подробно, слѣдующимъ образомъ: »Ханъ Бадлахшанскій назывался Султанъ-Шахъ. Въ 1758 году, Китайцы, преслѣдуя возмущившихся магометанъ Борниду и Хопзичжана, разбили ихъ при Ешилъ-Кулѣ; оба начальника эти бросились искать спасенія въ Бадлахшанскую-Землю. Военачальникъ Фу-Де преслѣдовалъ ихъ съ своимъ отрядомъ, и послалъ одного изъ офицеровъ своихъ къ Султанъ-Шаху съ требованіемъ выдать бѣглецовъ. Борниду и Хопзичжана скрылись въ Сикнанъ (Шагванъ), въ Бадлахшанской же Землѣ, принадлежачій Шамуръ-Беку. Султанъ-Шахъ не исполнилъ требованія китайскаго военачальника, а удовольствовался тѣмъ что задержалъ Борниду, и приставилъ къ нему стражу. Хопзичжанъ направился къ горѣ Аткунь-Чука, разграбилъ ея окрестности, и затѣмъ ушелъ далѣе, за рѣку Боо-Цинаръ. На него слѣдано было нападеніе, но самого его захватить не могли. Наконецъ, однакоже, онъ былъ взятъ и заточенъ въ Чайджапѣ. Фу-Де, недовольный поступками Султанъ-Шаха, повторилъ свое требованіе о выдачѣ бунтовщиковъ, и, чтобы заставить требованіе свое исполнить на дѣлѣ, вступилъ въ Ваханъ, край населенный индѣйскимъ поколѣніемъ, и оттуда приблизился къ самому городу Бадлахшану, съ намѣреніемъ захватить хитростью братьевъ Хопзичжана, а также и Тарбаджу (?). Но эти возмутители, проникнувъ его замыселъ, направивъ

лись съ войсками своими тоже къ Бадахшану. Султанъ—Шахъ радъ былъ бы выдать ихъ Китайцамъ, но какъ они происходили изъ рода Пайгамбарова (т. е. пророка Магомета), то боялся навлечь этимъ на себя ненависть другихъ магометанскихъ народовъ. Между—тѣмъ китайское войско подошло къ самымъ стѣнамъ столицы, и Фу—Де, именемъ императора, объявилъ что требованіе его должно быть непремѣнно исполнено, а отказъ въ томъ пометчетъ за собою гибельныя послѣдствія. Нечего было дѣлать Султанъ—Шаху: онъ умертвилъ обоихъ братьевъ—возмутителей. Тѣло Борониду было украдено, и онъ отправилъ, для преставленія императору, только ящичъ съ головою Хоэичжана («Magasin Asiatique. I, 91 - 92).

По указанію самихъ Бедахшанцевъ, мѣстомъ гибели Ходжи—цевъ въ Бедахшанѣ былъ холмистый, лежащій на скатахъ хребта Джепаслера въ долину р. Кукъ—Су округъ Реншханъ. »Около ста лѣтъ тому, — рассказывали Бедахшанцы Вуду, — Ханъ—Ходжа, магометанскій правитель Капшгара и Яркенда, отличавшійся святостию, будучи изгнанъ Китайцами изъ владѣній своихъ, искалъ съ 40,000 сопутниковъ убѣжища въ Бедахшанѣ. Съ нимъ было много богатствъ, и обстоятельство это, равно—какъ и красота гарема Ходжи, возбудили жадность Султанъ—Шаха, властвовавшего въ Бедахшанѣ когда прибылъ туда Ходжа. Послѣдній, узнавъ объ этомъ, бѣжалъ, со всѣмъ народомъ своимъ, по направленію къ Кундузу, но въ Реншханѣ Султанъ—Шахъ настигъ бѣглецовъ; приверженцы Ходжи были разбиты, самъ онъ валя въ пыли. Молбы его о сохраненіи жизни были напрасны; тогда святой человекъ проклиналъ Бедахшанъ, прося небо чтобы страна эта была трижды опустошена, чтобы даже собаки живой въ ней не осталось». Съ именемъ Реншхана, говоритъ Вудъ, неразлучна въ душѣ бедахшанца мысль о всѣхъ бѣдствіяхъ его отечества (Journey to the source of the Oxus. P. 249 - 50).

Относительно спасенія потомства Ходжей, у Риттера въ Erd-

Kunde (2-te Ausgabe. Berlin 1837), VII-г Theil, III-а' Buch, s. 792, читаемъ что «хотя Ходжи эти и погибли въ Бадахшанѣ, однако сыну одного изъ нихъ, по имени Пулатунъ, удалось, съ 1000 человекъ приверженцевъ, бѣжать въ Кабуль къ Тимуръ-Шаху, который и принялъ его самымъ дружескимъ образомъ. Вслѣдствіе этого возгорѣлась между Кабуломъ и Бадахшаномъ продолжавшаяся два года война, въ теченіе которой Бадахшанцы понесли жестокое пораженіе, и страны ихъ была совершенно опустошена Асганами». Риттеръ говоритъ что это извѣстіе заимствовано имъ изъ китайскаго сочиненія Си-Юй-Вынъ-Цянъ-Лу; но сколько разъ мы перечитывали я это сочиненіе въ переводѣ отца Іакинва, и въ извлеченіяхъ изъ него помѣщенныхъ въ «Сибирскомъ Вѣстникѣ», и въ Magasin Asiatique Клапрота, нигдѣ не нашелъ я означеннаго извѣстія.

Тунганійскіе паломники представляютъ генеалогію Ходжей въ слѣдующемъ видѣ:

87. Амбаль, то-есть амбанъ, военный чиновникъ китайскій въ чинѣ соотвѣтствующемъ нашему генеральскому.

88. *میرکن* *миркенъ* — особый родъ войска въ Средней-Азій: ружейные стрѣлки.

89. Разсказъ Мирзы-Шемса о самоубійствѣ Китайцевъ, столь по видному невѣроятный, всего болѣе смѣлѣе утверждаетъ о прав-

дивости и достовѣрности нашего автора. Лѣтописи Китая весьма нерѣдко упоминають о подобныхъ случаяхъ. Приведемъ, для примѣра, два такихъ. Въ Гань-Му читаемъ что въ 1234 году, при осадѣ Монголами города Цай-Джеу, юнчженскій государь Шей-Сюй, видя что города отстоять невозможно, повѣсился, а министръ его Хутаху, два государственныхъ совѣтника, четыре генерала и около 500 офицеровъ утопились, бросившись въ рѣку Жу-Шуй. (»Исторія первыхъ четырехъ хановъ дома Чингисова«. Переводъ съ Китайскаго І. Бичурина. Спб. 1829, стр. 235 — 236). Въ 1276 году, также при осадѣ Монголами крѣпости Тхань-Чжеу, комендантъ оной Им-Фу поручилъ одному изъ чиновниковъ своихъ, Шень-Цауну, лишить жизни себя и семейство свое; исполнивши это, Шень-Цаунъ убилъ собственную жену и дѣтей, и закололся. Всѣ сановники города, за исключеніемъ двухъ, и большее число военныхъ и жителей послѣдовали примѣру своего начальника: одни побросались въ колодцы, другіе повѣсались или отравились, такъ-что Монголы, вступивъ въ крѣпость, были весьма удивлены, найдя ее почти пустою. (Histoire des Mongols, par C. D'Ohsson. II, 422-423).

90. *Ямбами* называются слитки серебра, употребляемые Китайцами вмѣсто монеты, такъ-какъ серебряной монеты въ Китаѣ не чеканится.

91. Покоривъ Восточный-Туркестанъ, Китайцы не поселились въ городахъ его, а поставили гарнизоны свои въ особыхъ фортахъ около тѣхъ городовъ. Эти форты мѣстные магометане называютъ *ульбаи*, словомъ заимствованнымъ, вѣроятно, изъ китайскаго или монгольскаго языка, потому-что по-персидски значить оно »садъ съ розами«, а это значеніе вовсе не соотвѣтствуетъ понятію соединяемому съ китайскимъ фортамъ. Описаніе кашгарскаго гульбага см. у Борнса : Cabool, p. 221.

92. *Фейз-Абадъ* лежитъ въ 30 м. отъ Кашгара на востокъ. См. »Описаніе Джунгаріи и Восточнаго Туркестана«, стр. 142,

гдѣ городъ этотъ, по китайскому произношенію, названъ Бейцзу-Абатъ.

93. *Кли-Куришми* значить »свинцовый рудникъ«. Объ этой мѣстности Назетуллахъ упоминаетъ подъ именемъ *Шорбулак-Куришми*, полагая ее въ 24 часахъ пути отъ Кашгара (*Magasin Asiatique*. II, 39).

94. Вотъ что говорится о военныхъ дѣйствіяхъ въ Восточномъ-Туркестанѣ со стороны ханскаго хана Мухаммедъ-Али, въ статьѣ »Обозрѣніе Коканскаго Ханства«, помѣщенной въ III книгѣ »Записокъ Русскаго Географическаго Общества« (стр. 195 - 196):

»Потомки узбекской династїи, управлявшей кашгарскими городами, изгнаны были въ 1756 году Китайцами, покорившими весь Восточный-Туркестанъ, и жили при Коканскомъ Дворѣ подъ нѣкотораго рода присмотромъ. Китайское правительство ежегодно платило Коканскому Владѣльцу 1000, а по другимъ свѣдѣніямъ, только 250 ямбъ серебра, чтобы препятствовать имъ вторгнуться въ прежнія свои владѣнія. Несмотря на это, Джангыръ-Ходжа, одинъ изъ семей Анпаконъ, изгнанныхъ Китайцами, сбѣжалъ тайно изъ Кокана, собралъ шайку приверженцевъ, и, благопрїятствующій расположеніемъ магометавскихъ жителей Кашгарїи, произвелъ общее возстаніе противъ Китайцевъ. Завязалась продолжительная война, въ которой Мухаммедъ-Гали (ханъ коканскій) принялъ самое дѣятельное участіе, и, несмотря на то что Китайцы употребили огромныя силы для возвращенїя Кашгарїи, нѣсколько лѣтъ съ честью поддерживалъ борьбу, и кончилъ ее не только безъ потери, но даже успѣвъ выговорить для себя нѣкоторыя выгодныя условїя. Видя невозможность удержать Кашгарїю за собою, Мухаммедъ-Гали-Ханъ рѣшился перевести оттуда въ свои владѣнія всѣхъ мусульманъ. До 70,000 семействъ, оставивъ свою родину, перешли на западную сторону Белуръ-Тага, и разсѣлились по Коканїи, гдѣ искусство и трудолюбіе ихъ уже начинаютъ приносить

пользу. По заключеніи мира, весьма многіе изъ этихъ переселенцевъ возвратились на прежнія мѣста. Городъ Шегериханъ и его окрестности почти исключительно населены Кашгарцами. Ихъ считаютъ тутъ 20,000 семей въ одномъ мѣстѣ. Кромѣ того, Китайцы платятъ Мухаммедъ-Гали 10,000 тилей ежегодно за городъ Кашгаръ, для сбора которыхъ живетъ тамъ аксакалъ, присылаемый изъ Коканіи «.

Последнее обстоятельство подтверждается и свидѣніями соотечественника Борнсомъ въ 1837 — 1838 годахъ. »Въ Кашгарѣ — пишетъ онъ — стоитъ китайскій гарнизонъ, а подати собираются въ пользу хана коканскаго, который содержитъ здѣсь своихъ магометанскихъ офицеровъ. Такой порядокъ произошелъ вслѣдствіе недавнихъ несогласій между Коканомъ и Небесною Имперіею» (Sabool, p. 221).

Въ разъясненіе и дополненіе приведеннаго извѣстія, неизменно будетъ связать что вторженіе Джангыръ (правильнѣе Джегангиръ) Ходжи въ Восточный-Туркестанъ имѣло мѣсто въ 1826 — 1827 годахъ. Съ помощію Хокандцевъ и Дикокаменныхъ Киргизовъ произвела возстаніе магометанскаго населенія въ этой странѣ, онъ быстро овладѣлъ городами Кангаромъ, Хотаномъ, Яркендомъ и Аксу; но съ приближеніемъ 60-тысячнаго китайскаго войска, бѣжалъ съ союзниками своими, обогатившимися добычею, въ горы Белуръ-Тага, былъ однако же врагами своими измѣннически схваченъ и выданъ китайскому военачальнику въ Аксу, который отправилъ его въ Пекинъ, гдѣ Джегангиръ-Ходжа и былъ казненъ. Такъ рассказывали Уатену меккскіе паломники (*Journal of the Asiatic Society of Bengal, vol. IV, p. 660*).

За этимъ вторженіемъ послѣдовало, въ 1829 — 1830 годахъ, другое — описываемое Мирзою-Шемсомъ — подъ предводительствомъ старшаго брата Джегангирова, Мохаммедъ-Юсуфъ-Ходжи. Въ этотъ разъ преимущественно, произошло выселеніе въ хокандскіе предѣлы тѣхъ 70,000 туркистанскихъ семействъ, о которыхъ упо-

ниность, какъ видѣли мы выше, авторъ »Описанія Кокандскаго Ханства« въ Запискахъ Н. Р. Геогр. Общества.

Но этия не кончились дѣйствія Мухаммедъ-Али-Хана кокандскаго противу Китайцевъ. Ему и подданнымъ его было весьма выгодно вторгаться въ Туркестанъ, грабить его, и потому, когда Китайцы собирались съ силами, удалиться безмалозамно, съ прибрѣтенною добычею, въ свои предѣлы. Потому, онъ еще два или три раза, послѣ описаннаго Мирзою Шамсомъ похода 1829—1830 года, помогалъ сыновьямъ Юсуфъ-Ходжи проникать въ Туркестанъ, и производить тамъ смуты, Китайцамъ, хотя побѣда оставалась постоянно за ними, надобно наконецъ такое положеніе вещей, и они рѣшились упрочить за собою спокойное обладаніе странною, обуздавъ, прикрывавшееся религіознымъ фанатизмомъ, корыстолюбие Мухаммедъ-Али — уступкою въ его пользу торговыхъ пошлинъ собираемыхъ въ туркестанскихъ горадахъ, съ тѣмъ чтобы онъ, съ своей стороны, не допускалъ болѣе Ходжей вторгаться въ китайскіе предѣлы. Мухаммедъ-Али согласился на эти условія, и съ тѣхъ поръ для сбора означенныхъ пошлинъ и посылался отъ него въ Кашгаръ аскакаль съ помощниками, о конгъ упоминають Борнъ и авторъ »Описанія Кокандскаго Ханства«.

Выше мы привели извѣстіе Тимковскаго о томъ, что при покореніи Китайцами Восточнаго-Туркестана въ послѣдніи прошедшаго столѣтія, четверо изъ Ходжей были убиты въ сраженіяхъ, двое взяты въ плѣнъ, а седьмой, Сарымсакъ, нигдѣ случай счастливымъ бѣгствомъ въ Бухару. Считаю не лишнимъ замѣтить здѣсь что Риттеръ отнесъ ошибочно это извѣстіе къ возстанію Восточнаго Туркестана въ 1826 году (Erdkunde, VII-г Theil. Berlin. 1837, s. 529), тогда-какъ подобный недосмотръ былъ-бы, кажется, невозможномъ потому уже что самая книга Тимковскаго вышла въ свѣтъ прежде 1826 года, именно въ 1824.

95. Эта готовность Кашгарцевъ востановить противу Китайцевъ подъ знаменемъ Ходжей проявилась въ послѣдній разъ два

съ подошною года тому. Въ 1857 году, поддерживаемые Хоканцами, Ходжи снова вторглись въ Восточный-Туркестанъ, заняли Кашгаръ, перерѣзали тамъ, съ помощію самихъ Кашгарцевъ, какъ Китайцевъ, такъ и тѣхъ изъ жителей города которые держали ихъ сторону, и господствовали мѣсяца четыре или пять; когда-же услышали что идетъ сильное китайское войско, бѣжали обратно въ Хокандскія Владѣнія, а съ ними до 30,000 жителей Кашгара и окрестныхъ селеній, помогавшіе имъ противу Китайцевъ, и потому боившіеся мести послѣднихъ. Это короткое извѣстіе составляетъ все, что я успѣлъ вызвать отъ одного изъ упомянутыхъ кашгарскихъ бѣглецовъ, попавшаго случайно въ Оренбургъ. Кашгарецъ этотъ, по имени Ахунъ Авлабековъ, малый лѣтъ тридцати, былъ до того простъ что не могъ отвѣчать на самые обыкновенныя вопросы. — Хокандскій ханъ допустилъ Ходжей вторгнуться въ Восточный-Туркестанъ, въ противность обязательства заключеннаго Китаичами съ Мухаммедъ-Гали, вѣроятно потому что, по смерти послѣдняго, Китайцы, пользуясь смутами въ Хокандскомъ Ханствѣ, перестали платить преемникамъ его условленную дань.

96. Борнсъ также слышалъ объ особенномъ уваженіи кашгарскихъ и яркендскихъ магометанъ къ роду властвовавшихъ тамъ Ходжей. »Жители тамошніе, — пишетъ онъ, — вѣруютъ что людей изъ этого рода не беретъ въ бою никакое оружіе, что они обладаютъ особыми средствами побѣждать своихъ враговъ, что кто оскорбитъ Ходжу тому не будетъ счастья на этомъ свѣтѣ. Магометанскіе саятони даже нынѣшніа несчастія бедахшанскаго владѣльца приписываютъ коварному поведенію одного изъ его предшественниковъ въ отношеніи къ этимъ кашгарскимъ Ходжамъ (Travels into Bokhara. III, 192).

97. Мѣсяць ребіу-ссани 1276 года гижры продолжался съ 28 Октября по 26 Ноября 1859 года. (См. Вюстенфельдовы Vergleichungs-Tabellen der Muhammedanischen und Christlichen Zeitrechnung. Leipzig. 1854. 4°.

ОБОЗРѢНІЕ ДІАЛЕКТИЧЕСКИХЪ ОТЛИЧІЙ УПОТРЕБИТЕЛЬ- НАГО У БУХАРСКИХЪ ТАДЖИКОВЪ ПЕРСИДСКАГО ЯЗЫКА.

Чтобы судить о положеніи, въ какомъ находится нынѣ Персидскій Языкъ у Бухарскихъ Таджиковъ, имѣлось доселѣ два документа: 1) короткая записка неизвѣстнаго бухарца о торговомъ пути изъ Семипалатинска въ Кашмиръ, въ текстѣ и французскомъ переводѣ О. И. Сенковского, напечатанная въ приложеніяхъ къ Мейендорфову Voyage à Boukhara, р. 329 — 345; 2) письмо бухарца Сейфуллаха къ такому же мурѣ Саадуллаху, изъ Бухары въ Оренбургъ, писанное въ 1827 году, и напечатанное, въ текстѣ и французскомъ переводѣ, В. В. Вельяминовымъ-Зерновымъ въ Bulletin de la classe des sciences historiques, philologiques et politiques de l'Académie Impériale des sciences de St. Pétersbourg. Tome XVI, pp. 279 — 282. Эти тексты малаго объема не давали никакой возможности составить основательнаго заключенія о предметѣ. Записки Мурзы Шемса, состоя въ подлинникѣ изъ 59 страницъ in 8° довольно-мелкаго письма, представляютъ, напротивъ, порядочный матеріалъ для филологическаго изслѣдованія. Отличая, при переводѣ этихъ записокъ, всѣ отличія языка на которомъ они писаны, отъ чистаго персидскаго, я составилъ потомъ изъ этихъ отличій слѣдующее обзорѣніе особенностей Бухарскаго Нарѣчія въ грамматическомъ и лексикографическомъ отношеніи.

І. ОСОБЕННОСТИ ГРАММАТИЧЕСКІЯ.

§ 1. Буква **ح** пишется постоянно съ знакомъ внизу, въ родѣ гавзѣ, такимъ образомъ: **ح**; напримѣръ **صیبت**.

§ 2. Буква **س** пишется постоянно съ тремя диакритическими точками внизу, такимъ образомъ: **س**; напримѣръ **شپس**.

§ 3. Въ словахъ **پای**, **جای**, **سرابای** и тому подобныхъ въ-

фоническое **بی** замѣняется таковымъ же **ه**, почему слова эти пишутся **سرباه**, **جاه**, **باه**.

§ 4. Окончанія множественнаго числа **ان** и **ها** употребляются столь же безразлично, какъ и въ чистомъ персидскомъ, т. е. при предметахъ одушевленныхъ, вмѣсто **ان**, употребляется иногда **ها**, и на-оборотъ; иногда-же слово принимаетъ и то, и другое окончаніе. Такъ **سرکرده‌ها** и **سرکرده‌کن**.

§ 5. Столь же безразлично принимаютъ означенныя окончанія и слова тюркскаго происхожденія, употребительныя въ бухарскомъ нарѣчій. Напримѣръ: **قراولان** и **میرکنها**, **اوزبان** и **اوزبکها**.

§ 6. Посредствомъ суффикса **ها** образуется даже множественное число въ словахъ арабскаго происхожденія; напримѣръ: **احسانها**, **نزاعها**, **ولایتها**.

§ 7. Съ тѣмъ же суффиксомъ употребляются такіа существительныя отглагольныя, собирательныя и другія, которыя въ чистоперсидскомъ не имѣютъ множественнаго числа; напримѣръ **نوازشها**, **مهربانیها**, **زمانها**, **لشکرها**.

§ 8. Суффиксы **ان** и **ها** приставляются иногда плеонастически къ арабскимъ словамъ употребленнымъ и безъ того во множественной формѣ. Такъ **اسبابها**, **علمایان**.

§ 9. Арабское окончаніе множественнаго числа для словъ кончащихся на **ة**, т. е. **ات**, является приставленнымъ нерѣдко, также плеонастически, къ арабскимъ словамъ и безъ того во множественной формѣ. Напримѣръ: **عجایبات**, **حوادثات**, **ضرایبات**.

§ 10. Тоже окончаніе **ات** служитъ иногда къ образованію множественнаго числа и въ словахъ тюркскаго происхожденія; такъ **تومنات**.

§ 11. Мѣстоименія личныя перваго и втораго лицъ множественнаго числа имѣютъ полныя, рѣдко—употребительныя въ чистомъ персидскомъ, формы *مايان* и *شایان*.

§ 12. Сохранились также притяжательныя формы личныхъ мѣстоименій втораго и третьяго лица множественнаго числа, почти исчезнушія въ чисто—персидскомъ — именно *تان* *вашъ* (отъ *تو*), и *شان* *ихній* (отъ *اش*) такъ: *تمام لشکر تان بدست امیر مراد* « все войско *ваше* вошло въ руки Шатъ—Мурада»; *لشکر لشکر* « все войско *ваше* вошло въ руки Шатъ—Мурада»; *فرستاده اتان* « посланное *вами* войско»; *اسباب شان* *ихній* вещи.

§ 13. Указательное мѣстоименіе *این* и относительное *که* или *کی* употребляются во множественномъ числѣ съ означеніемъ *ها* мѣсто *ان*, т. е. мѣсто *اینان* и *کیان* говорится *اینها* и *کها*.

§ 14. Частица *تا* или *ته* при числительныхъ количественныхъ служить къ образованію изъ нихъ не только числительныхъ—кратныхъ, но и числительныхъ—раздѣлительныхъ. Такъ *بکتا دونا* значить *по—одному, по—два*; *بچاهانه صدته* *по—многолюдности по—одну*.

§ 15. Будущее—неопредѣленное время образуется въ чисто—персидскомъ изъ вспомогательнаго глагола *خواستن* и усѣченной формы неокончательнаго наклоненія спрагаемаго глагола: у Бухарцевъ эта усѣченная форма неокончательнаго замѣняется полною. Такимъ образомъ мѣсто *خواهم کرد*, *خواهی کرد*, *خواهد کرد*, по бухарски говорится *خواهم کردن*, *خواهی کردن*, *خواهد کردن* и т. д.

§ 16. Въ третьемъ лицѣ множественнаго числа этого будущаго неопредѣленнаго, полная форма неокончательнаго принимаетъ еще нерѣдко (если только это не вслѣдствіе безграмотности пишущихъ)

паращение Δ . Вотъ примѣры : *قتل شاهرا خواهند شهرت دادند* раз-
несутъ вѣсть о смерти шаха ; *دستگیری خواهند کردند*
возьмутъ этихъ въ плѣнъ.

§ 17. На-оборотъ , въ третьемъ лицѣ множественнаго числа
прошедшаго опредѣленнаго времени образовательное Δ нерѣдко от-
брасывается, и такимъ образомъ форма этого третьяго лица не
отличается отъ формы неокончательнаго наклоненія. Примѣры :
بعضی آرزو میکردند که بعضی некоторые не имѣли даже
дневнаго запаха провіанта ; *همه سرکردهها گفتند*
всеми сказали ; *از هر جا لشکرها فوج فوج رسیدند کیرفتند*
стали приходить толпами отовсюду.

§ 18. Тоже встрѣчается и въ третьемъ лицѣ множественнаго
числа прошедшаго-проходящаго времени. Такъ : *در بخواستن که در*
خواستند хотѣли, *وارد شد* вошелъ въ судъ, *پرسیدند*
черезъ рѣку.

§ 19. Во второмъ лицѣ множественнаго числа повелительнаго
наклоненія прибавляется иногда къ обычной формѣ еще мѣсто-
именіе *تلن*. Примѣръ : *آید تلن* подите.

§ 20. Глаголь *استادن* служить (по примѣру турецкаго *نورمق*)
вспомогательнымъ для образованія особаго, несуществующаго въ
персидскомъ, настоящаго-продолжающагого времени. Примѣры :
نظر میکردند سپاه بخارا با شمشیرها مردمان حصار را بقتل رسانیدند
استاده اند видны что воины бухарскіе занимаютъ избѣженіемъ хисарскіе
استادند ; здѣсь чисто по-персидски слѣдовало-бы сказать *بقتل*
хитр رسانیدند که مقدار هزار کس از جماعه اوزبک آمدند ; میرسانند
اطراف قلعه را تاراج کرده استاده اند (тарاج میکنند) прило-

или съюсть что около имелчи Узбекови разорлюти окрестности ю-
рода; или : ابلنظر خان لورکچی ... نومنآت و صحراهای بخارا :
(иҗӱсто иҗӱста) . تاراج و یغما کرده ایستند است (تاراج و یغما میکند)
зере - Хан җуренджскій җрабитъ и разорлетъ туманы и степи
бухарскія. Это совершенно по-татарски : تاراج و یغما قبول نورادی
или تاراج و یغما قبل نورغان در .

§ 21. Употребительно особое причастіе прошедшаго времени,
образуемое присоединеніемъ къ нему относительнаго иҗӱстоиҗӱни
همه شهرسبز بوده کیها ; тотъ который пришелъ ;
съ тѣ, которые наодились въ Шерисобѣ.

§ 22. Причастіе прошедшаго времени употребляется иногда въ
качествѣ отглагольнаго существительнаго. Такъ : بفرمودهٔ پادشاه
по повелѣнію юсударя , иҗӱсто бفرمایش پادشاه или бفرمان پادشاه

§ 23. Есть особаго рода причастіе, повидимому будущаго вре-
мени, образующееся изъ неокончательнаго наклоненія присоеди-
неніемъ къ нему буквы ی. Такъ изъ کیرفتن образуется کیرفتنی
направляющійся взять ; отъ راهی شدن образуется راهی شدن
направляющійся отправиться въ путь.

§ 24. Сложныя и рядомъ встрѣчаются совершенно-неупотреби-
тельные въ персидскомъ сложные глаголы, образованныя, на тюрк-
скій ладъ, изъ дѣпричастія одного глагола и неокончательнаго на-
клоненія другаго. Такъ آمدم کشته мы возвратились (по та-
тарски قایتوب گلدیک) ; رفتن کریمه رفت (по татарски
آلوب) ; (فاجوب گیتندی) ; (کتورسونلار)
بشهرهای خود خواهم کردانبه روانه کردن ; (слово - въ - слово
возвратимъ отправлю).

§ 25. Употребителенъ, неизвѣстный въ персидскомъ, способъ

آدمان دین ناصر بیک را در میان کبرفته همه را سرزده بر قریب چهار
جوی آورده شش هفت هزار کله را بالا هم گذاشته منان کرده اند
Здѣсь десять дѣепричастій въ одномъ періодѣ.

§ 30 — въ употребленіи дѣепричастій вмѣсто неокончательнаго
наклоненія. Такъ : در آمد نمی توانند; داده
نتوانستن не могли дать; جنازه خوانده فرمودند приказалъ чи-
тать молитву по умершимъ.

§ 31 — въ употребленіи дѣепричастія گفته (по примѣру тюркскаго
بسركشان (تيب или دیو) въ смыслѣ союза «тобы». Напримѣръ اطراف و جوانب عبرت شود گفته امر کردند که بیرام علی خان را
در زیر دار کشته چند روزی بردار آوبزند » приказалъ убить Бай-
рамъ-Али хана подъ висѣлицею, и продержать нѣсколько дней
трупъ его повѣшеннымъ, «тобы это послужило примѣромъ сосѣд-
нымъ бунтовщикамъ».

§ 32 — въ обращеніи предлоговъ въ послѣсловія (postpositio),
т. е. въ поставленіи ихъ сзади слова, комъ они управляютъ. На-
примѣръ : گفتگی وقت به » въ то время какъ сказалъ « (по пер-
сидски слѣдовало бы выразиться گفت که وقت که کت
عمر خان (ابدان وقت که گفت
لشکر بسیار قتی » пошлите письмо къ Омаръ-хану «
» со многими войскою». به خطر روانه کنید
جماعه آق ناقلی ابن خواجه کان به
» بسیار اخلاص واعتقاد دارند
Ходжамъ большую и искреннюю преданность».

§ 33 — въ такомъ же помѣщеніи нарѣчій времени на концѣ
предложенія, съ разстановкою прочихъ частей его въ духѣ тюрк-
скаго словорасположенія. Примѣры: جلوس تمام یافتن بعد
» послѣ
того какъ обрядъ воцаренія былъ окончательнo исполненъ» (до-

персидски слѣдовало бы сказать *بعد از آنکه جلوس تمام یافت* ;
 « когда Миръ-Хусейвъ-Тюръ у-
 слышалъ эту вѣсть »; *میر حسین تورہ خبر را شنیدن بعد*
 « въ ту же полночь,
 какъ получено было извѣстіе »; *بوقت دروازه رسیدن زمان* « когда
 подошли къ воротамъ »; *اسبها حاضر کرده آوردند زمان* « когда ло-
 шадей, изготовивъ, привели »; *خط کشاده دیدن زمان* « когда рас-
 крылъ письмо и увидѣлъ ». И т. д.

II. ОСОБЕННОСТИ ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКІЯ.

А. БУХАРСКІЯ СЛОВА АРІЙСКАГО ПРОИСХОЖДЕНІЯ НЕ
 ВСТРѢЧАЮЩІЯСЯ ВЪ ЧИСТОМЪ ПЕРСИДСКОМЪ, ИЛИ
 ИМѢЮЩІЯ ТАМЪ ДРУГОЕ ЗНАЧЕНІЕ:

باز کشت - ра отбой (въ военной музыкѣ):
 باز کشت در نوازش در آوردن
 быть отбой.

بر تافتن бросать; *بر تافتن* сбросать оружіе.

بزرگوار преподобный (о святыхъ уже почившихъ).

بندی شدن быть захвачену.

بیکر کردن уволить, отставить (отъ должности).

پرانیدن стрѣлать.

پردل شدن расхрабриться, исполниться отваги.

پردیده опытный (тоже что въ персидскомъ *دیہ*).

پروانه چی чиновникъ въ Бухаріи, въ родѣ герольдмейстера.

پشن полдень; *پشن نماز* полуденная молитва.

پگاه завтра.

ناخت آوردن погонять (лошадь); маналать (на врага).

تاز باز کردن разгромъ, разореніе; تاز باز разорать .
mettre dessous dessus.

تاس газеть.

تیرش мрачное расположеніе духа.

تیره ماه осень.

جامه халать.

جلاو поводъ , поводи ; در جلاو افتان идти рядомъ , при-
навъ къ поводиамъ.

چهاردره вышка, бельведеръ на кровлѣ дома.

خاکریز کردن заваливать землю (городскія ворота).

خبرداری کردن быть въ ожиданіи вѣстей.

خلانیدن вонзать, колоть.

خواب کردن лежать въ тяжкой болѣзни.

خواست желаніе (по персидски خواهش).

خودش собственность.

خوردوریزه; خوردویریزه (по персидски خورد); خورد
мелкота, мелкой людъ, подданные.

دادخواه военный чинъ въ рангѣ бригадирнаго или ге-
неральскаго.

دروازه خانه площадка или галерея надъ городскими воротами.

دوانیدن обратить въ бѣгство; قلعه را دوانیدن взять крѣ-
пость приступомъ.

راهی کردن послать, отправить.

سپاه служимый людъ.

- سرکردہ **восвѣщальникъ.**
 سراپا **полный комплектъ одежды на человека.**
 سرسان **удивленный, пораженный.**
 سرشار **обрадованный.**
 روی **головное украшеніе особаго рода.**
 شادبانه **веселье (въ военной музыкѣ); نوازش**
 شادبانه **играть на литаврахъ сигналъ: радостная**
 در آوردن **вѣсть.**
 شاکیرد **простолюдинъ.**
 پیشه **толстый (по персидски کلفت).**
 غوس **шумъ, гвалтъ.**
 غولو **дѣта, дѣти.**
 فرزند **покорный, повинующійся.**
 بردار **большой, старшій.**
 کلان **паши.**
 کبشت **бѣглець.**
 کزیزه **броситься въ отступленіе, начать отступать.**
 گشت آوردن **послѣобѣденное время до заката солнца.**
 روز **бархатъ.**
 غمیل **гостиная зала, комнаты для приема гостей.**
 خانه **источенный; میله میله по-шумантъ.**
 متین **барчагокъ, баричъ.**
 میر بچه

ويران пустой, опустѣлый; ويران شدن разбрестись, разойтись, se débander (о войскѣ); ويران کردن снять (палатку).

هوا دادن стрѣлять.

Нѣкоторыя изъ приведенныхъ словъ употребительны и въ персидскомъ, но не встрѣчаются въ лексиконахъ этого языка, или вовсе, или въ приведенныхъ значеніяхъ.

Б. БУХАРСКІЯ СЛОВА ТЮРКСКАГО ПРОИСХОЖДЕНІЯ :

آزوق провіантъ.

اڭا придворное званіе въ Бухаріи.

آق اوبلى бѣлокибиточникъ, т. е. достаточный и почетный между кочевниками.

اکه старшій братъ.

آلای полкъ.

آلوق سالوق подати и повинности.

اناق правительственное званіе у Узбековъ; чиновникъ при Бухарскомъ Дворѣ.

اوروغ родъ, племя.

لوکه младшій братъ.

بابا дѣть.

بولك отдѣленіе, отрядъ.

بيراق значокъ.

پوسن засада.

تارتوق поклонное; даръ, приносимый отъ младшаго старшему.

- نوغ бунчукъ, хоругвь.
 نومان округъ, уѣздъ.
 نوى пирь.
 چاول набѣгъ, набѣздъ.
 چاويلي участвующій въ наѣзднической партіи, наѣз-
 никъ.
 چپر гонецъ.
 چول степь.
 جين родственникъ съ женниной стороны.
 خلتہ кошелекъ, мѣшочикъ.
 درہ долина.
 قبا верхнее платье.
 قراول караулъ, сторожевой отрядъ.
 قنات крыло.
 قند истязаніе.
 قوش (кошъ) стойбище, ставка.
 قوش (кушъ) птица.
 قوشبيلى высокій гражданскій чинъ въ Бухаріи, въ родѣ
 великаго—везира.
 قوشون контингентъ, войско (отъ قوشى приказывать — то
 число вонновъ, которое приказано кому выставить).
 كل озеро.
 کوچ багажъ.
 كچك младшій.

میرکن стрѣлокъ, солдатъ вооруженный ружьемъ.

بارجی вѣстникъ, глашатай (по киргизскому произношенію

جارجی); отъ یار вѣсть.

توق یازی (азы-таукъ) фазанъ.

براق оружіе.

بلو знаменное полотно.

برо врагъ.

В) СЛОВА АРАБСКАГО И ТЮРКСКАГО ПРОИСХОЖДЕНІЯ, СОХРАНИВШІЯ ВЪ БУХАРСКОМЪ ПЕРВООБРАЗНУЮ ФОРМУ И ЗНАЧЕНІЕ, ИЛИ ИЗМѢНИВШІЯСЯ ВЪ ТОМЪ ИЛИ ДРУГОМЪ ОТНОШЕНІИ:

اوزاد کردن отпустить (отъ тюркскаго اوزانوق).

توقسابه военный чинъ въ Бухаріи, въ рангѣ полковничьяго или бригадирскаго.

جماعه родъ, колено (кочеваго народа).

جنانه молитва за упокой души.

حوالی домъ, дворъ.

خدمنگار слуга вольнонаемный (въ противоположность слову غلام слуга вѣрнопосной).

راضی کی согласіе.

سوی قوش однокашникъ, товарищъ покладный.

ضعیفان дѣти и женщины (собственно «слабые»).

عرض داد прошеніе, просьба.

عمك дядя.

عبدالدار чиновникъ.

فقرًا народъ, зѣмство (въ противоположность слову
سپاہ служилые люди).

کچانبینъ заставить откочевать, выселить.

بازی مباركъ обрядъ поздравленія съ благополучіемъ.

نامه مباركъ грамота о радостномъ событіи.

مستوره женщина (собственно «завѣшенная»).